

Том 13, № 4, 2023

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в первую категорию
периодических научных изданий,
рекомендуемых ВАК для публикации
основных результатов диссертаций на
соискание ученых степеней кандидата
и доктора наук, включен в ядро Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

The Journal is included in the first category
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 13, No. 4, 2023

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор Кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор Кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукиянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн, кандидат политических наук, профессор, директор Китайской академии открытой экономики Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор Кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgoplov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Professor, Director of the Chinese Academy of Open Economy, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI–VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА: НАВСТРЕЧУ 105-ЛЕТИЮ ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Понеделков А.В., Старостин А.М., Пляйс Я.А. Современная российская политическая элитология: парадигмальный и инклюзивный ракурсы развития 6

Пондо Е.А. Социальные компетенции в развитии профессионального потенциала молодежи 13

Парма Р.В. Патриотизм поколений в современном российском обществе 20

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

Ворожухин В.В., Ларионова Е.И. О значимости современных социальных и поведенческих онтологий. 30

Тимофеева Е.А. Теоретико-методологические основы изучения государственной молодежной политики в условиях развития демократического государства 40

Замараева Е.И. Социокультурные достижения «советского проекта» как вектор мирового общественного развития 47

Волкова Н.П., Волкова А.А. Миф как политический инструмент воздействия на общественное сознание. 53

Зубов В.В. Политический транзит в Германии в 20–30-е годы XX века: предпосылки, ход, особенности течения 58

Копривица Ч.Д. Понятие народа – между сообществом памяти и воображаемым сообществом: философские наблюдения о концептуальном этногенезе 64

Просеков С.А. Особенности модернизационных процессов на Западе и в Китае. 68

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чепель С.Л. Влияние институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах Европы 77

Денисов Д.О. Место и роль Всеукраинских круглых столов национального единства в урегулировании конфликта на Донбассе. 85

Сперкач А.И. Образ Советского Союза в контексте современного противостояния США и Китая. Взгляд RAND Corporation 2022 (военно-политический аспект) 91

Великая Н.М., Берёзкина Е.Ю. Гендерные темы в самопрезентации правых политических партий Италии и Германии. 100

Шатохин М.В., Новосельский С.О. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства как важнейший фактор политической стабильности 106

Бредихин А.В., Ядыкина Т.С. Особое влияние Китая на характер кашмирского кризиса. 115

Кирпичева М.А., Коньчева Ю.Д. Развитие маркетинга в экосистеме вуза: экономические и социально-психологические аспекты. 120

Лукьянчикова А.С. Рекламные возможности в метавселенных 128

Волхонская З.И. Оценка перспектив создания центров хранения и обработки данных в российской Арктике 134

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Кормазов А.Ю. Тактика использования стрелкового вооружения Красной армии в годы Великой Отечественной войны 140

COVER STORY: TOWARDS THE 105TH ANNIVERSARY OF THE FINANCIAL UNIVERSITY

- Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Plyais Ya.A.** Modern Russian Political Elitology: Paradigmatic and Inclusive Perspectives of Development 6
- Pondo E.A.** Social Competencies in the Development of the Professional Potential of Young People 13
- Parma R.V.** Patriotism of Generations in Modern Russian Society 20

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Vorozhikhin V.V., Larionova E.I.** On the Significance of Modern Social and Behavioral Ontologies. 30
- Timofeeva E.A.** Theoretical and Methodological Foundations of the Study of State Youth Policy in the Conditions of the Development of a Democratic State. . . . 40
- Zamaraeva E.I.** Sociocultural Achievements of the “Soviet Project” as a Vector of World Social Development 47
- Volkova N.P., Volkova A.A.** A Myth as a Political Tool for Influencing Public Consciousness 53
- Zubov V.V.** Political Transit in Germany in the 20–30s XX Century: Background, Course, Features. 58
- Koprivitsa Ch.D.** The Concept of the Nation – Between the Community of Memory and the Imagined Community: Philosophical Observations on Conceptual Ethnogenesis 64
- Prosekov S.A.** Features of Modernization Processes in the West and China 68

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Chepel S.L.** The Impact of Institutional Factor on the Dynamics of Electoral Volatility in Post-Communist Countries of Europe 77
- Denisov D.O.** Place and role of All-Ukrainian Round tables of National Unity in the Settlement of the Conflict in the Donbass. 85
- Sperkach A.I.** Image of the Soviet Union in the Context of the Contemporary Confrontation between the United States and China. The view of RAND Corporation 2022 (Political-Military Aspect) 91
- Velikaya N.M., Berezkina E.Yu.** Gender Topics in Self-presentation of the Right Populist Italian and German Political Parties 100
- Shatokhin M.V., Novoselsky S.O.** State Support for Small and Medium-Sized Businesses as the Most Important Factor in Political Stability 106
- Bredikhin A.V., Yadykina T.S.** China’s Particular Influence on the Nature of the Kashmir Crisis 115
- Kirpicheva M.A., Konycheva Yu.D.** Development of Marketing in the Ecosystem of the University: Economic and Socio-Psychological Aspects. 120
- Lukyanchikova A.S.** Advertising Opportunities in the Metaverse 128
- Volkhonskaya Z.I.** Evaluation of Prospects for Creating Data Storage and Processing Centers in the Russian Arctic 134

HISTORICAL EXCURSE

- Kormazov A.Y.** Tactics of Use of Small Arms Weapons in Combat Operations during the Great Patriotic War 140

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 13, № 4 (64), 2023

Главный редактор –
А.Б. Шатилов

Заведующий редакцией
научных журналов –

В.А. Шадрин

Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина

Корректор – **С.Ф. Михайлова**

Верстка – **С.М. Ветров**

Переводчик – **И.А. Осипова**

Адрес редакции:

125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6

Тел.: **8 (499) 553-10-74**

(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Оформление подписки

в редакции

по тел.: **8 (499) 553-10-71**

(вн. 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 26.09.2023

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 18,25 п. л.

Заказ № 896

Отпечатано в отделе полиграфии

Финансового университета

(Москва, Ленинградский пр-т,
д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreader – **S.F. Mihaylova**

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **I.A. Osipova**

Editorial address:

53, Leningradsky prospect, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 553-10-74**

(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru

[http://www.fa.ru/dep/jgn/
about/Pages/default.aspx](http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx)

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 553-10-71**

(internal 10-80)

e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 26.09.2023

Format 60 x 84 1/8.

Size 18,25 printer sheets.

Order № 896

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospect,
Moscow)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-6-12
УДК 303.01(045)

Современная российская политическая элитология: парадигмальный и инклюзивный ракурсы развития

А.В. Понеделков^а, А.М. Старостин^б, Я.А. Пляйс^с

^а Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия;

^б Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

^с Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется развитие политико-элитологической мысли как особой парадигмы в политической науке. Ее специфика – в репрезентации наиболее значимого субъектного триггера политического процесса. Авторы рассматривают основные моменты развития политической элитологии в современной России. Особое внимание уделяется Ростовской научной школе политической элитологии. Выделены наиболее значимые научные положения и характеристики, предложенные в рамках этой школы: цивилизационная обусловленность элитогенеза; принцип элитологической парадигматизации в политологии; протоэлитный статус современного элитообразующего процесса; факторы элитной маргинализации; новые тенденции элитообразующего процесса; роль постмодернистской методологии в современной элитологии.

Ключевые слова: парадигмальность; инклюзивность; научные школы в элитологии; элиты; протоэлиты; маргинализация элит; элитистская парадигма; глубинные элиты; криптоэлиты; элиты сферы виртуальных взаимодействий; постмодернистский подход в элитологии

Для цитирования: Понеделков А.В., Старостин А.М., Пляйс Я.А. Современная российская политическая элитология: парадигмальный и инклюзивный ракурсы развития. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-6-12

ORIGINAL PAPER

Modern Russian Political Elitology: Paradigmatic and Inclusive Perspectives of Development

A.V. Ponedelkov^a, A.M. Starostin^b, Ya.A. Plyais^c

^a South Russian Institute of Management, Branch of RANEP, Rostov-on-Don, Russia;

^b Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia;

^c Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article analyzes the development of political – elitist (elitological) thought as a special paradigm in political science. Its specificity lies in the representation of the most significant subjective trigger of the political process. The authors consider the main points of the development of political elitology in modern Russia. Special attention is paid to the Rostov Scientific School of Political Elitology. The most significant scientific provisions and characteristics proposed within the framework of this school are highlighted: the civilizational conditionality of elitogenesis; the principle of elitological paradigmaticization in political science; proto-elite status of the modern elite-forming process; factors of elite marginalization; new trends of the elite-forming process; the role of postmodern methodology in modern elitology.

Keywords: paradigmality; inclusivity; scientific schools in elitology; elites; proto-elites; marginalization of elites; elitist paradigm; deep elites; crypto-elites; elites of the sphere of virtual interactions; postmodern approach in elitology

For citation: Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Plyais Ya.A. Modern Russian political elitology: Paradigmatic and inclusive perspectives of development. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-6-12

В свое время, лет 15 тому назад, считалось, что «научной и другой литературы об элитах создано уже достаточно много. Тема «элиты» — одна из самых разработанных, что совершенно оправданно» [1, с. 294]. Сейчас, однако, стало ясно, что после первого этапа (образно говоря, этапа «захвата территорий»), во время которого работ по элитологической тематике было опубликовано немало, переход на следующий этап — «освоения территорий» — оказался гораздо менее динамичным и глубоким. Феноменологический аспект, включающий наблюдение, описание, даже измерение, движется, а эссенциальные суждения, по существу, недостаточно глубоки, а то и поспешны, что не позволяет успешно переходить на прикладной, конструктивистский уровень и добиваться повышения значимости и качества элитного рекрутинга.

На наш взгляд, коррекция в указанном направлении требуется как в парадигмальном, так и в инклюзивном направлении. Поясним, о чем идет речь.

Под парадигмальностью понимается движение на фундаментально научном уровне в рамках той или иной элитологической парадигмы (классической или современной) либо авторитетной научной школы, или «азимута», задаваемого некой «фабрикой мысли». В классическом ключе современная российская элитология пока следует западным канонам изучения элит и их роли в принятии стратегических политических решений. Это естественно, поскольку данный раздел социально-политической мысли развивался на Западе и был одним из основных оппонентов марксистской политической парадигмы, в которой доминировала и иная платформа интерпретации и объяснения политической динамики. Что касается досоветской элитологической традиции, которая по части приоритетности в рамках мировой элитологии возникла практически одновременно с западной (если не чуть раньше), то она не популяризовалась много десятилетий. И о ней вплоть до 90-х гг. XX в. было известно совсем не много.

Современная российская элитология, в том числе и политическая, на парадигмальном уровне только формируется. Это — инклюзивный аспект, который предполагает присутствие оригинальных инновационных позиций, выдвигаемых в рамках современной отечественной политической и социальной мысли. И здесь имеется одна немаловажная особенность. Она связана с динамичностью и инклюзивностью самих российских и социальных трансформаций — тем, что еще недавно называ-

лось «переходным периодом». Как правило, имелся в виду конвергентный характер переходности, что на деле означало встраивание России в западную экономическую и политическую систему. Во всяком случае, в общем плане 15–20 лет назад было понятно, что «в переходные эпохи, которые всегда представляют смутные времена разной степени сложности, отлаженные в досмутные годы механизмы формирования политических и иных элит либо вообще отбрасываются, либо значительно трансформируются и видоизменяются» [1, с. 293]. Но контекстуально предполагалось, что в конце этого «тоннеля смутности» брезжит свет классической конкурентной демократии, правосообразности и рыночных экономических отношений, в подчинение которому и будет двигаться желаемый процесс постсоветского элитогенеза. На деле же оказалось, что страна все активнее стала встраиваться в свою колею цивилизационного развития, что обозначило не только инклюзивные координаты России в глобальном сообществе, ее собственный «полюс» (геополитический, геоэкономический и геокультурный), но и потребовало инклюзивных инноваций в теоретическом поле современного гуманитарного знания. С нашей точки зрения современная российская политическая элитология концептуально оказалась наиболее готова к инклюзивному развитию, хотя учитывает и мировую традицию.

* * *

Показывая роль и место политической элитологии в системе современного российского политологического знания, мы, вместе с тем, хотели бы репрезентировать новую монографию «**Очерки политической элитологии**», в которой данная тема представлена развернуто и ее освещение основано на 25-летнем опыте авторских элитологических исследований [2].

Начнем с общих определений об элитах и элитологии.

Элита, согласно этимологии слова, — лучший, отборный, наиболее влиятельный слой, группа какого-либо устойчивого сообщества, если говорить об обществе и общественных отношениях. Элитология вообще и политическая элитология в частности — область научных знаний, активно разрабатываемая в гуманитарно-научном знании по меньшей мере последние 150 лет. Хотя (и на это надо обратить особое внимание) элитологическая доктрина так или иначе проявляла себя задолго до этого в трудах Платона и Аристотеля, Конфуция, мыслителей Средневековья и Нового времени, что

можно рассматривать в качестве идейных предпосылок элитологии.

Претензия на научный статус в западноевропейской научно-гуманитарной традиции заявлена была, пожалуй, в качестве альтернативы марксистской социально-классовой доктрины, получившей массовое распространение в конце XIX — начале XX в. Она приобрела политико-социологическое обоснование в трудах Г. Моска, В. Парето, Р. Михельса. В то же время, если говорить об отечественном гуманитарном знании этого периода, над элитологической доктриной активно работали известные русские историки, правоведы, философы: Б.Н. Чичерин, В.О. Ключевский, К.А. Скальковский, Н.А. Бердяев, П.А. Сорокин.

Поскольку элитологическая доктрина оппонировала марксистской, то в советской России вплоть до конца 80-х гг. XX в. элитологические исследования не велись или об этом говорилось в завуалированной форме либо в качестве «критики буржуазных учений». Так, именно с такой критики зарубежных элитологических исследований начинал один из основоположников современной российской элитологии профессор Г.К. Ашин [3].

В то же время труды влиятельных западных элитологов переводились и издавались с грифом «Для научных библиотек» [4–6]. С 90-х гг. XX в. стали активно вестись российские элитологические исследования, затрагивавшие в первую очередь деятельность политических элит. Были защищены первые докторские диссертации (А.В. Понделков — 1995 г.; О.В. Гаман-Голутвина — 1998 г.; А.К. Магомедов — 2000 г.; М.Ю. Мартынова — 2001 г.; Э.А. Зелетдинова — 2003 г.; А.М. Старостин — 2003 г.; С.С. Восканян — 2004 г.; Н.Ю. Лапина — 2004 г.) [1, с. 408]. В будущем появились научные школы, группы, направления элитологического плана. Выделились научные лидеры в этой области.

Таков в общих чертах основной контекст элитологических исследований, сформировавшийся в отечественной политологии за постсоветский период. В его рамках в 1995–2022 гг. происходило развитие центра политико-элитологических исследований в г. Ростове-на-Дону и Ростовской научной элитологической школы под руководством профессоров А.В. Понделкова и А.М. Старостина (т.е. более четверти века). Данная научная школа реализована в результатах диссертационных исследований (их более 30 собственно по элитологии и около 250 в общем объеме), в большом массиве монографических и иных публикаций (всего более 500), в регулярно проводимых научных конферен-

циях и четырех Всероссийских элитологических конгрессах, проведенных в г. Ростове-на-Дону в 2013–2022 гг. Школа зарегистрирована в общероссийском банке научных школ.

Институциональной основой проведения элитологических исследований в г. Ростове-на-Дону выступают кафедра политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС (основана в 1998 г.) и факультет политологии (основан в 2011 г.).

Учебно-методической базой поддержки Ростовской научной элитологической школы и политологического образования в ЮРИУ РАНХиГС в целом выступает ряд учебников и учебных пособий по политологии и политической элитологии¹, подготовленных на базе кафедры и факультета. В частности, несколькими изданиями вышло едва ли не единственное в стране учебное пособие по политической элитологии [7].

В качестве определенного подведения итогов длительных исследований авторы подготовили монографию «Элитогенез и элитное позиционирование в контексте формирования новых властных порядков. Очерки политической элитологии», где изложили сюжеты, основанные на исследованиях последних лет и отражающие в концептуальном плане авторскую позицию касательно элитобразующих процессов и их влияния на общество.

В центре внимания авторов монографии находится *принцип элитного детерминизма*, который, с их точки зрения, вполне эквивалентен марксистскому принципу классового детерминизма. В таком случае, основываясь на разработках Ростовской элитологической школы, вполне логично говорить об элитологической парадигме в политологии. Как отмечает профессор О.В. Гаман-Голутвина, «обобщения в этой области позволили авторам прийти к выводу о формировании в политической науке последнего времени элитологической исследовательской парадигмы» [8, с. 392].

Что касается конкретизации принципов, на которых базируется элитологическая парадигма, то на теоретическом уровне речь может идти о той или иной коллективной или авторской элитологической концепции. Обозревая те из них, что появились в нашей элитологической мысли и получили известность, отметим следующие: концепции региональных элит Санкт-Петербургской и Ростовской элитологических школ, концепцию этнократических

¹ Ашин Г.К., Понделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. Учебное пособие для студентов вузов. Акад. полит. науки, Сев.-Кавк. акад. гос. службы. М.: ПРИОР; 1999. 302 с.

элит М.Х. Фарушкина, концепцию социально-управленческих типов взаимодействия элит А.Е. Чириковой и Н.И. Лапиной, культурно-исторических типов элит О.В. Гаман-Голутвиной, концепцию ценностной обусловленности деятельности элит А.К. Магомедова. Практически везде просматривается не только выход в широкий социально-политический контекст, но и достаточно конкретная характеристика российских политических процессов того или иного исторического периода. Иными словами, мы имеем дело и с конкретно теоретическими, и с парадигмальными элитологическими конструктами, в совокупности создающими содержательный образ российской политики, реконструированной с позиций элитологии.

Именно на этих аспектах мы концентрируем свое внимание. Естественно, авторские интерпретации различаются, что мы и постарались отразить в последней работе.

Дабы не детализировать характеристики новых подходов к исследованию российских элит, обозначим наиболее значимые моменты, которые мы полагаем определенным вкладом в отечественную элитологию и, вместе с тем, достаточно инклюзивным в содержательном плане. Но прежде обозначим тот общий контекст, из которого мы исходим, касаясь динамики российского элитогенеза.

В развитии российских политических элит, имея в виду историческую ретроспективу, можно выделить несколько периодов:

- период сословных элит российского традиционного общества;
- советские номенклатурные элиты;
- постсоветские протодемократические элиты переходного периода от социализма к периферийному капитализму;
- современные политико-административные элиты (элитная политическая бюрократия — постсоветская политическая номенклатура);
- формирующаяся консервативно-политическая протоэлита, которая может быть обозначена как российская цивилизационная протоэлита.

Выделяя те новые моменты, на которые мы обратили пристальное внимание и которые могут считаться принципиально новыми в нашей отечественной элитологии, мы хотели бы заметить следующее.

Как уже говорилось выше, около 20 лет назад мы впервые обозначили сформированность и растущую значимость «*элитологической парадигмы*» в политической науке. Сейчас некоторые маститые политологи уже не упоминают, под чьим «флагом»

данный конструкт вошел в нашу политическую науку, хотя ранее делали это. Так, например, 15 лет назад ведущий отечественный элитолог О.В. Гаман-Голутвина подчеркивала: «Объектом исследований основателей ростовского центра элитологии А.В. Понеделкова и А.М. Старостина стали уточнение основных принципов элитистской парадигмы: изучение социального и антропологического факторов детерминации элит, цивилизационного своеобразия и принципов циркуляции элит, механизмов элитогенеза, а также разработка проблемы идеалов и норм научной рациональности, методологической референтности исследований. Обобщения в этой области позволили авторам прийти к выводу о формировании в политической науке последнего времени элитологической исследовательской парадигмы» [9, с. 50].

В 2019 г. в фундаментальном издании «Современная политическая наука. Методология» тот же автор публикует главу «Элитоцентрическая парадигма исследования политики» [10, с. 409] со ссылкой на зарубежного автора 2010 г., как бы первооткрывателя. Но первооткрыватели у этого концепта все же российские, и это пример концепта, инклюзивного по своему характеру:

1. Мы впервые обозначили и обосновали **цивилизационную обусловленность** элитообразующего процесса в традиционной и современной России. Еще в первых работах обращалось внимание на цивилизационную матрицу элитогенерирующего процесса². Сейчас, в период борьбы за всестороннюю суверенизацию России, когда мы перестаем подражать западным элитам, это становится все более ясно.

2. Лет пятнадцать назад нами было высказано предположение о том, что в условиях конвергенции России и Запада у нас пока не сформировался элитный слой в области государственной власти и политического управления. И группа людей, которая выдвинулась в «верхи» по статусно-позиционному (альтиметрическому) признаку, может быть названа **протоэлитной**. А далее — время покажет.

3. Представлены **процессы маргинализации** российских элит. Они связаны с попытками ускорить политико-эволюционные процессы как в советский период, так и в постсоветские време-

² Понеделков А.В., Старостин А.М. Введение в политическую элитологию. Спецкурс. Учебное пособие. Сев.-Кавк. акад. гос. службы, ИППК [гуманитар. и соц. наук] при РГУ. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кавк. акад. гос. Службы; 1998. 123 с.

на. А на деле за последние 100 лет в российской власти по меньшей мере дважды производилась перегруппировка «верхов». И на деле мы по сей день имеем дело не с элитными по существу группами и слоями, а с медитократией (средний слой, «средняки»). Наблюдаемый элитообразующий процесс является квазиэлитообразующим, основанным лишь на статусно-позиционном (альтимеритическом) механизме, — иные и в первую очередь связанные с качествами высокой духовности, незаурядной политической воли и интеллекта, блокируются. Доминирует подход: «Незаменимых людей нет», а когда начнет действовать: «Незаменимые люди есть!», элитогенез резко ускорится. На это указывали еще выдающиеся отечественные элитологи начала XX в.

4. Из работ периода 2010–2020-х гг. укажем те, где изучаются механизмы формирования **«глубинных элит»**.

Об этой фракции глобальных и национальных элит следует сказать особо, ибо, как и в случае расщепления функций по обладанию и обслуживанию власти и богатства в ведущих странах мира, в особенности со второй половины 50-х гг. XX в., опережающими темпами развивались спецслужбы. Вначале они обслуживали интересы доминирующих политических и бизнес-элит в рамках тайных, засекреченных операций в сфере межгосударственных отношений, вели разведку в государствах-конкурентах и на собственной территории, поддерживали крупные акты по подрыву государственной власти в странах-противниках. А потом «хвост» все чаще стал вилять «собакой», осуществляя акции по смене лидеров на тех, кто оказывался выгоднее элитному слою или группе в спецслужбах. Они входили в число ведущих политических и экономических акционеров, а затем стали выстраивать и свои интернациональные и тайные закрытые элитные альянсы, прибирая к рукам власть и собственность в глобальных и национальных масштабах [11, с. 45].

О скрытом альянсе элитных политиков, олигархов и руководителей спецслужб писали известный историк А.И. Фурсов, представитель новой сферы знаний — криптоаналитики И.И. Смирнов и ряд других исследователей [12], подчеркивающих быстро нарастающее влияние относительно новой элитной фракции — **криптоэлит**.

Новая миссия глобальных криптоэлит выросла из функции спецслужб, направленной на налаживание закрытых каналов взаимодействия национальных элит по обеспечению проблем безопасности и пре-

дотвращению смертоносных межгосударственных конфликтов в условиях «границ роста войны». Впоследствии эта функция позволила оформить самодостаточное позиционирование криптоэлит и выход на публичные властные позиции их представителей, прежде всего в США, СССР и постсоветской России.

Похожий процесс набирает силу и темпы в области сферы информационных коммуникаций. Здесь элитная группа владельцев и менеджеров СМИ, компьютерных компаний, обслуживающих интернет- и другие электронные коммуникации, все более отчетливо занимает позиции глобального регулятора политических и экономических процессов и событий. Функции по обеспечению взаимодействия реальных элит с виртуальной реальностью обособились в самодостаточную сферу информационной и информационно-постановочной платформы и, соответственно, сформировался капитал информационно-виртуальных платформ, сопоставимый с возможностями капитала реальной экономики и финансовым капиталом.

Элиты сферы виртуальных интеракций ныне вполне конкурентоспособны по своим управленческим возможностям с элитами власти и богатства (бизнеса).

5. Еще одна существенно значимая авторская новация связана с поисками новых методологических ориентиров в отечественной и мировой элитологии. Мы ее зафиксировали и ее суть состоит в следующем.

В последние годы методологический репертуар, ориентированный на анализ формирования политических верхов и их социальной базы, стал расширяться под влиянием **постмодернистских подходов**.

Здесь происходит постепенное замещение идеалов и норм рационально-инструментированных исследований на иные подходы. Во-первых, это сказывается на культивируемых ранее прогрессистских ценностях и нормах рациональной бюрократии. Постмодернистские взгляды, начавшие формироваться в политике и политологии под воздействием активных проявлений кризисов индустриализма второй половины XX в., ориентированы на иррациональные проявления (воля, интуиция, подсознательная аскрептивность, харизма и т.п.) в индивидуальном и групповом поведении. Во-вторых, характерным моментом выступает ориентация на инволюционные и инверсионные тренды развития, «устойчивое развитие» и формирование соответствующих социальных и властных структур:

кланов, каст, клик. С учетом действия иррационально-когнитивных механизмов властвования и социального регулирования формируется дискурс типа «властные касты и этнологические роли их доминирования» [13, 14]. Поэтому уже устоявшийся этнологический дискурс требует пополнения его инструментария элементами постмодернистской парадигмы политического властвования.

В-третьих, политический постмодернизм ушел от политического реализма, основанного на рациональном знании, заменив его мозаичным конгломератом ярких идей, ориентацией на модели и симуляции, сочетанием и равноположением образа и прообраза, наблюдаемого и воображаемого.

Завершая изложение авторских результатов и позиций в области элитологии, мы хотели бы подчеркнуть, что выделенные позиции и концепты

носят инклюзивный характер, а современная российская элитология способна давать конструктивные ответы на вопросы, касающиеся определения путей развития общества и значимых импульсов на этих траекториях. Она касается элитной части общества и его лидеров. Это если и не главная причина социального развития, «тела цивилизации», то его «акупунктурная точка». Определив эту «точку», можно понять устройство «приводных механизмов», ведущих от нее, и познать многое в стратегии социального развития. Если элиты — «правильные», то можно уловить стратегические моменты в развитии и его ускорении. А если — «неправильные», то понятно, почему история делает новый зигзаг. При этом также имеет значение качество «элитного слоя» и смелость элитологических исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М.: РОССПЭН; 2009. 448 с.
2. Понеделков А.В., Старостин А.М. Элитогенез и элитное позиционирование в контексте формирования новых властных порядков. Очерки политической элитологии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС; 2023.
3. Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. М.: Международные отношения; 1985. 256 с.
4. Дай Т.Р., Зиглер Х.Л. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. Пер. с англ. М.: Юридическая литература; 1984. 320 с.
5. Миллс Р. Властвующая элита. Пер. с англ. М.: Иностранная литература; 1959. 453 с.
6. Нарта М. Теория элит и политика: К критике элитаризма. Пер. с чешск. М.: Прогресс; 1978. 236 с.
7. Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. Изд. 4-е. М.: Изд-во «Ленанд»; 2018. 520 с.
8. Айвазова С.Г., Ачкасов В.А., Воробьев Д.М. и др. Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция и новация: монография. М.: РОССПЭН; 2017. 476 с.
9. Малинова О.Ю. Политическая наука в России: проблемы, направления, школы. Сборник. М.: РОССПЭН; 2008. 463 с.
10. Гаман-Голутвина О.В., Никитин А.И., отв. ред. Современная политическая наука. Методология. 2-е дополн. изд. М.: Аспект Пресс; 2019. 773 с.
11. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО: Алгоритм; 2003. 415 с.
12. Смирнов И.И. Тропы истории. Криптоаналитика глубинной власти. М.: Товарищество научных изданий КМК; 2020. 473 с.
13. Кролл А. Теория каст и ролей. М.: Изд-во «БОМБОРА»; 2022. 192 с.
14. Уилкерсон И. Касты. Истоки неравенства в XXI веке. М.: Эксмо; 2022. 512 с.

REFERENCES

1. Pleis Ya.A. Political science in the context of the transitional era in Russia. Moscow: ROSSPEN; 2009. 448 p. (In Russ.).
2. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Elitogenesis and elite positioning in the context of the formation of new power orders. Essays on political elitology. Rostov-on-Don: Publishing house YURIU RANEPА; 2023. (In Russ.).
3. Ashin G.K. Modern Theories of the Elite: A Critical Essay. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya = International relations; 1985. 256 p. (In Russ.).
4. Dai T.R., Ziegler H.L. Democracy for the Elite: An Introduction to American Politics. Transl. from Eng. Moscow: Yuridicheskaya literature = Literature on Law; 1984. 320 p. (In Russ.).
5. Mills R. The ruling elite. Transl. from Eng. Moscow: Inostrannaya literature = Foreign literature; 1959. 453 p. (In Russ.).
6. Narta M. Theory of elites and politics: Towards a critique of elitism. Transl. from the Czech language. Moscow: Progress; 1978. 236 p. (In Russ.).

7. Ashin G.K., Ponedelkov A.V., Starostin A.M., Kislitsyn S.A. Fundamentals of political elitology. 4th edition. Moscow: Publishing house “Lenand”; 2018. 520 p. (In Russ.).
8. Aivazova S.G., Achkasov V.A., Vorobyov D.M. and others. Trends and problems of the development of Russian political science in the global context: tradition, reception and innovation. A monograph. Moscow: ROSSPEN; 2017. 476 p. (In Russ.).
9. Malinova O. Yu. Political Science in Russia: Problems, Directions, Schools: Collection. Moscow: ROSSPEN; 2008. 463 p. (In Russ.).
10. Gaman-Golutvina O.V., Nikitin A.I., responsible editor. Modern political science. Methodology. 2nd, revised edition. Moscow: Aspect Press; 2019. 773 p. (In Russ.).
11. Panarin A.S. The temptation of globalism. Moscow: EKSMO: Algorithm; 2003. 415 p. (In Russ.).
12. Smirnov I.I. Paths of history. Cryptanalytics of deep power. Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij = Partnership of scientific publications KMK publications; 2020. 473 p. (In Russ.).
13. Kroll A. Theory of castes and roles. Moscow: Publishing house “BOMBORA”; 2022. 192 p. (In Russ.).
14. Wilkerson I. Castes. The origins of inequality in the 21st century. Moscow: Eksmo; 2022. 512 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Александр Васильевич Понеделков — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия
Alexander V. Ponedelkov — Dr. Sci. (Politicalology) (Doctor of Political Sciences), Professor, Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration RANEPА, Rostov-on-Don, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5447-1647>
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Александр Михайлович Старостин — доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
Alexander M. Starostin — Dr. Sci. (Politicalology), Professor, Leading Researcher, Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-6589-244X>
amstar2912@mail.ru

Яков Андреевич Пляйс — доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, профессор-исследователь департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Yakov A. Plyais — Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Politicalology), Professor, Research Professor of the Political Science Department, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5837-0256>
Автор для корреспонденции / Corresponding author:
uplyas@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.05.2023; принята к публикации 25.06.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 25.05.2023; accepted for publication on 25.06.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-13-19
УДК 331.44(045)

Социальные компетенции в развитии профессионального потенциала молодежи

Е.А. Пондо

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена оценке потребности рынка труда в кадрах, обладающих определенными гибкими навыками, так называемыми «soft-skills». Проведен литературный обзор научных работ, посвященных аналогичной проблематике исследований, на основании полученных данных представлено дополненное понятие термина «социальная компетентность». Подробный анализ существующих запросов работодателей о владении потенциальными работниками той или иной социальной компетенцией в текущих условиях помог выявить ряд «базовых» и «составных» социальных компетенций, что позволит в дальнейших исследованиях изучать особенности комбинации тех или иных позиций при рассмотрении требований работодателей к кандидатам на вакантные должности в различных отраслях и сферах.

Ключевые слова: рынок труда; кадры; молодежь; социальная компетенция; мягкие навыки

Для цитирования: Пондо Е.А. Социальные компетенции в развитии профессионального потенциала молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):13-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-13-19

ORIGINAL PAPER

Social Competencies in the Development of the Professional Potential of Young People

E.A. Pondo

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to assessing the need of the labor market for personnel with certain flexible skills, the so-called “soft-skills”. A literary review of scientific papers devoted to similar research issues is carried out, based on the data obtained, an expanded concept of the term “social competence” is presented. A detailed analysis of existing employers’ requests for the possession of a particular social competence by potential employees in the current conditions has revealed a number of “basic” and “composite” social competencies, which will allow further research to study the peculiarities of the combination of certain positions when considering employers’ requirements for candidates for vacant positions in various industries and spheres.

Keywords: labor market; personnel; youth; social competence; soft skills

For citation: Pondo E.A. Social competencies in the development of the professional potential of young people. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):13-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-13-19

Динамичное и потенциально перспективное изменение текущих рабочих процессов в любой организации невозможно без активного участия представителей молодежи. При этом в современном мире за последнее пятилетие произошло столько изменений (в том числе из-за распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также в связи с внешней геополитической обстановкой), что требуется пересмотр требований не только к будущим работникам

той или иной структуры, но и совершенствование подходов к исполнению трудовых функций уже опытными специалистами. За последние три года дважды сменились концепции мира, каждая из которых, по мнению экспертов, должна была просуществовать не менее 5–7 лет. В 2000-х гг. аббревиатуры, обозначающие условия боевых действий, постепенно становились характеристикой современной бизнес-среды: VUCA (Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity), означа-

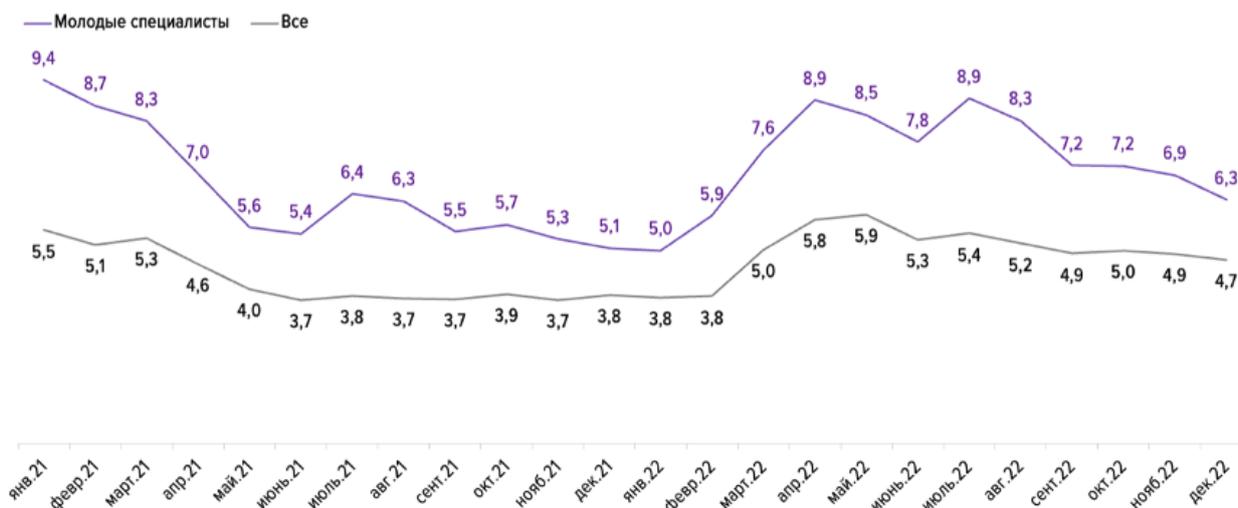

Рис. / Fig. Уровень конкуренции в России за период с января 2021 по декабрь 2022 г. / Level of competition in Russia for the period from January 2021 to December 2022

Источник / Source: URL: <https://hh.ru>

Примечание / Note: расчет индекса конкуренции производился исходя из соотношения резюме к числу вакансий – чем выше значение, тем выше уровень конкуренции / the competition index was calculated based on the ratio of resumes to vacancies – the higher the value, the higher the level of competition.

ющая нестабильность (2020 г.), BANI (Brittle, Anxious, Nonlinear, Incomprehensible), представляющая мир как тревожный и предельно хрупкий (2021 г.). В 2022 г. появились новые акронимы, олицетворяющие современный мир: SHIVA или TACI (Turbulent, Accidental, Chaotic, Inimical), говорящие о том, что мир турбулентный, хаотичный и беспощадный¹. Трансформационные процессы в мировом укладе происходят на фоне серьезной конкуренции на рынке труда (см. рисунок).

При этом, согласно данным hh.ru, уровень конкуренции среди молодых специалистов гораздо выше, чем у более старшей возрастной категории.

От современного специалиста уже достаточно давно требуются не только знания в профессиональной области, но и развитые компетенции — soft-skills (гибкие навыки, социальные компетенции). Как правило, реализация профессиональной компетентности применительно к рабочему процессу в той или иной сфере не вызывает вопросов, однако понятие «социальная компетентность» в настоящее время имеет множество разнообразных формулировок. Мнение научного сообщества довольно вариативно (табл. 1).

¹ URL: <https://blog.bitobe.ru/article/zhizn-posle-bani-voshodnovyh-mirov/?ysclid=lj2i9zh2vi861247971>

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что социальная компетентность представляет собой свойство личности, интегрирующее в себе поведенческую гибкость, способность быстро

В современном мире за последнее пятилетие произошло столько изменений (в том числе из-за распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также в связи с внешней геополитической обстановкой), что требуется пересмотр требований не только к будущим работникам той или иной структуры, но и совершенствование подходов к исполнению трудовых функций уже опытными специалистами.

адаптироваться к любому изменению внешней среды и эффективно взаимодействовать внутри коллектива с целью достижения поставленной задачи. Следует отметить, что показателями сформированности социальных компетенций,

Таблица 1 / Table 1

Социальная компетентность в научных работах / Social competence in research papers

№	Термин / Term	Сущность / Essence	Авторы / Authors
1	Социальная компетентность	Обладание социальными полномочиями и знаниями, позволяющими личности существовать и действовать в социальной среде	О.П. Бурко [1, 2]
		Непременное условие эффективности профессиональной деятельности	
		Интегративный комплекс личностные качеств и свойств (когнитивных, мотивационно-ценностных, поведенческих), основанных на психологических знаниях и умениях, при этом позволяющих человеку осуществлять эффективное личное и деловое общение в условиях профессиональной деятельности	
		Проявление человека в системе отношений к себе, обществу и труду	И.А. Зимняя, Н.А. Морозова, М.Д. Лаптева [3]
		Социальные умения, определяющиеся как совокупность способов взаимодействия личности с окружающими людьми, основанные на процессах социального познания и научения, и характеризующиеся целенаправленным характером поведения	В.Н. Куницына, Е.А. Юмкина [4]
		Интегративное личностное образование и показатель достижений личности в профессиональной среде, социальное взаимодействие	Н.В. Калинина [5]
		Динамично развивающаяся характеристика личности, включающая в себя совокупность когнитивных, социальных и эмоциональных автоматизированных умений, необходимых для успешной интеграции в образовательное пространство в соответствии с возрастообразностью	А.Г. Асмолов, Г.У. Солдатова [6]
		Составная часть универсальных компетенций (soft-skills – мягких навыков), способствующая достижению успеха человека в профессиональной деятельности, а также расширяющая возможности для развития духовных и материальных потребностей личности, формирующая при этом у молодого поколения личную ответственность за благополучие и благополучие общества	Ю.А. Попов [7]
		Характеристика личности, которая отражает ее достижения в развитии отношений с другими людьми в социуме и обеспечивает полное овладение социальной реальностью, позволяя эффективно выстраивать свое поведение в зависимости от ситуации и в соответствии с принятыми в социуме на данном этапе нормами и ценностями	Л.А. Баранова [8]
		Способность человека оптимизировать свое социальное поведение в зависимости от имеющейся социальной информации. В ее основе – поведенческая гибкость	B. Taborsky, Rui F. Oliveira [9]
		Движущая сила социальной эволюции	
		Общая способность, влияющая на индивидуальную производительность в социальной среде	A. Zsolnai [10]
		Постоянно меняющаяся система, состоящая из социальных мотивов и социальных способностей и имеющая функцию организации социального поведения, запуска отдельных элементов системы	
		Вербальное и невербальное поведение, когнитивные процессы, способствующие социальному общению, увеличивающие позитивные социальные взаимодействия (например, сотрудничество) и уменьшающие негативные социальные взаимодействия (например, агрессию)	Mary J. Coiro, Beth A. Kotchic, P. Janet [11]
		Состоит из социальных, эмоциональных и когнитивных элементов, и отражает уровень развития человека, являясь при этом одним из компонентов развития психического здоровья	E. Romppanen, M. Korhonen, Raili K. Salmelin, K. Puura, I. Luoma [12]
Эффективность человека в процессе социального взаимодействия с ровесниками и обществом	C. Junge, Patti M. Valkenburg, M. Deković, S. Branje [13]		
Поведенческое проявление эмоциональных и нормативных компетенций человека при взаимодействии с другими людьми			
Один из факторов, который влияет на скорость и масштабы функционирования команд и целых организаций, достижение их целей, гибкость и эффективное осуществление изменений, а также адаптацию к различным культурным условиям	Knap-Stefaniuk, E. Sowa-Behtane [14]		
Фактор, напрямую влияющий на самооценку человека и косвенно оказывающий влияние на уровень удовлетворенности жизнью	Caqueo-Urizar, D. Atencio, A. Urzua, J. Flores [15]		

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Наиболее востребованные работодателями социальные компетенции / Social competencies most demanded by employers

№	Наиболее востребованные работодателями социальные компетенции / Social competencies most demanded by employers	Количество упоминаний в вакансиях работодателей в июне 2023 г. / Number of mentions in employer job postings in June 2023				Итого / Total
		hh.ru	Superjob.ru	Trudvsem.ru	Зарплата.ру	
1	Критическое мышление	981	63	30	69	1143
2	Любознательность	422	1698	67	107	2294
3	Позитивное мышление	1734	107	484	278	2603
4	Адаптивность	1927	53	407	245	2632
5	Способность быстро принимать решения	2028	271	138	200	2637
6	Agile	3263	26	210	163	3662
7	Soft skills (в целом)	2707	1582	405	671	5365
8	Цифровые коммуникации	2214	100	80	105	2499
9	Организаторские способности	3145	254	1178	1735	6312
10	Творческий подход / творческие способности	5481	648	762	1111	8002
11	Гибкость	10164	502	709	1207	12582
12	Инновационность	10684	277	1179	861	13001
13	Энергичность	7521	1542	2189	2662	13914
14	Активная жизненная позиция	6727	1181	3934	3453	15295
15	Аналитические способности	15086	990	881	1228	18185
16	Креативность	17608	588	909	2175	21280
17	Умение управлять	20951	804	1522	1699	24976
18	Коммуникативность	13086	2312	5143	5980	26521
19	Целеустремленность	6700	1687	23555	23623	55565
20	Инициативность	8856	1117	35356	28718	74047
21	Стрессоустойчивость	16877	8906	24505	26136	76424
22	Самостоятельность	20448	26303	26656	26161	99568
23	Активность	49356	14182	31133	35025	129696
24	Добросовестность	1379	827	78948	68121	149275
25	Пунктуальность	14828	3663	90054	96603	205148
26	Внимательность	31092	23474	73705	78751	207022
27	Умение работать в команде	50010	14121	93400	81490	239021
28	Исполнительность	16528	10240	109821	129144	265733
29	Ответственность	65194	42144	790122	796418	1693878

Источник / Source: составлено автором по данным агрегаторов вакансий по поиску работы hh.ru, Superjob.ru, Trudvsem.ru, Зарплата.ру / compiled by the author according to the data of job search aggregators hh.ru, Superjob.ru, Trudvsem.ru, Zarplata.ru.

по мнению Н. Ю. Алексеевой, А. В. Батариева, Е. В. Майоровой [16], выступают: коммуникативные навыки, командная работа, готовность к сотрудничеству, способность брать на себя ответственность, принимать собственные решения и делать разумный выбор, осознание потребностей и целей, идентификация личностной роли в обществе, социальная целостность, навык урегулирования конфликтов, развитие личностных качеств и самоконтроль.

Однако дискуссионными продолжают оставаться вопросы: какие социальные компетенции в текущих условиях наиболее востребованы потенциальными работодателями? какие свойства личности, по оценке работодателей, наиболее ценны для достижения поставленных перед организацией целей в условиях нестабильности и многополярности? Для решения поставленной задачи авторами были проанализированы более 90 социальных компетенций, из которых выбраны и представлены наиболее часто повторяющиеся в запросах работодателей к потенциальным работникам через форму вакансии. В табл. 2 представлены компетенции, которые упоминались в вакансиях наиболее популярных агрегаторов суммарно более 1000 раз.

Проведенный анализ выявил основные, «базовые» социальные компетенции, которые в настоящее время являются наиболее востребованными с позиции подбора кандидатов на вакантные должности в организациях различных отраслей. К ним относятся: ответственность, исполнительность, умение работать в команде, внимательность, пунктуальность, добросовестность, активность, самостоятельность, стрессоустойчивость, инициативность. Остальные социальные компетенции, вошедшие в список популярных, были отнесены автором настоящей статьи к категории «составных», требующих последующего детального анализа в части их востребованности в конкретных профессиональных областях.

В конце прошлого года кадровое агентство Benchmark Executive обозначило топ-компетенции, которые, по мнению его представителей, должны быть актуальными в 2023 г.²; среди них: критическое мышление, адаптивность, инновационность, гибкость, способность быстро принимать решения, творческий подход к решению рабочих задач, аналитические способности и креативность. Однако стремительно меняющийся внешний мир, оказывающий существенное влияние на потребности работодателей в поиске тех или иных ценных кадров, способных в текущих условиях эффективно развивать направление работы организации, повышать репутацию и престиж структуры, также влияет и на формирование тенденций на рынке труда. Безусловно, выявленные наиболее популярные компетенции в случае их наличия у потенциального работника будут высоко оценены при трудоустройстве не только молодежи, но и представителей иных возрастных категорий. Но именно для молодых людей, трудоустраивающихся впервые, эти компетенции становятся «базовыми».

Таким образом, важные для работодателей социальные компетенции, обозначенные в 2022 г., и в нашем исследовании вошли в список наиболее популярных, тогда как лидерами в нем стали позиции, оказывающие особое влияние как на работу в команде, так и на возможный дистанционный формат трудового взаимодействия. Это говорит о потребности современных организаций не только в высококвалифицированных специалистах со знанием специфики той или иной отрасли, но и в людях, обладающих достаточным уровнем самодисциплины и ответственности, умеющих проявлять инициативность и быть гибкими при коммуникациях на рабочем месте.

² URL: <https://vc.ru/u/439369-benchmark-executive/573777-top-kompetencii-2022-goda-kotorye-budut-aktualny-v-2023-godu?ysclid=lkb5xmr08r15635232>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурко О. П. Социальная компетентность как показатель результативности профессиональной деятельности. *Весті БДПУ. Серія 1. Педагогіка. Психологія. Філологія*. 2021;2(108):50–54.
2. Бурко О. П. Динамические тенденции в проявлении компонентов социальной компетентности будущих инженеров в процессе обучения. *Профессиональное образование*. 2020;(4):52–58.
3. Зимняя И. А., Морозова Н. А., Лаптева М. Д. Социальные компетентности выпускников вузов в контексте государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования и проекта TUNING. *Высшее образование сегодня*. 2007;(11):22–27.

4. Куницына В. Н., Юмкина Е. А. Социальные умения личности: определения и подходы к изучению. *Человеческий фактор: социальный психолог*. 2018;1(35):46–49.
5. Калинина Н. В. Теоретические основы подготовки бакалавров педагогики к формированию социальной компетенции обучающихся. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2018;11–2(77):108–111.
6. Асмолов А. Г. Социальная компетентность: режиссура совместных действий. М.: Гратис; 2006. 160 с.
7. Попов А. Ю. Актуальные тенденции и проблемы развития социальных компетенция молодежи. *Дневник науки*. 2020;12(48):9.
8. Баранова Л. А. Социальная компетентность: условия формирования и проявления. СПб.: Изд-во СПбГУ; 2016. 211 с.
9. Taborsky B., Rui F. Oliveira Social competence: an evolutionary approach. *Trends in Ecology&Evolution*. 2012;(12):679–688. DOI: 10.1016/j.tree.2012.09.003
10. Zsolnai A. Social and emotional competence. *Hungarian Educational Research Journal*. 2015;(4):1–13.
11. Coiro M.J, Kotchic B. A., Preis J. Youth social skills groups: A training platform for promoting graduate clinician interprofessional competence. *Education&Practice*. 2016;(4):89–92. DOI: 10.1016/j.xjep.2016.04.004
12. Romppanen E., Korhonen M., Salmelin R.K, Puura K., Luoma I. The significance of adolescent social competence for mental health in young adulthood. *Mental Health&Prevention*. 2021;(21):2–8. <https://doi.org/10.1016/j.mhp.2021.200198>
13. Junge C., Valkenburg P.M., Deković M., Branje S. The building blocks of social competence: Contributions of the Consortium of Individual Development. *Developmental Cognitive Neuroscience*. 2020;(45):2–11. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2020.100861>
14. Кнап-Стефаниук А., Сова-Бефтани Е. Social Competence of Employees Working in Intercultural Teams. Education Excellence and Innovation Management: A 2025 Vision to Sustain Economic Development during Global Challenges. URL: https://www.researchgate.net/publication/368288366_Social_Competence_of_Employees_Working_in_Intercultural_Teams
15. Caqueo-Urizar A., Atencio D., Urzua A., Flores J. Integration, Social Competence and Life Satisfaction: the Mediating Effect of Resilience and Self-Esteem in Adolescents. *Child Indicators Research*. 2022;15(1):1–13. DOI: 10.1007/s12187-021-09907-z
16. Алексева Н. Ю. Диагностика профессионально важных качеств. СПб.: Питер; 2017. 254 с.

REFERENCES

1. Burko O. P. Social competence as an indicator of the effectiveness of professional activity. *Vesci BDPU. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology = News of the BDPU. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology*. 2021;2(108):50–54. (In Russ.).
2. Burko O. P. Dynamic trends in the manifestation of the components of social competence of future engineers in the learning process. *Professional'noe obrazovanie = Professional education*. 2020;(4):52–58. (In Russ.).
3. Zimnyaya I. A., Morozova N. A., Lapteva M. D. Social competencies of university graduates in the context of state educational standards of higher professional education and the TUNING project. *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher education today*. 2007;(11):22–27. (In Russ.).
4. Kunitsyna V. N., Yumkina E. A. Personal Social Skills: Definitions and Approaches to Study. *Chelovecheskij faktor: social'nyj psiholog = Human factor: social psychologist*. 2018;1(35):46–49. (In Russ.).
5. Kalinina N. V. Theoretical foundations for the preparation of bachelors of pedagogy for the formation of social competence of students. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International research journal*. 2018;11–2(77):108–111. (In Russ.).
6. Asmolov A. G. Social Competence: Directing Joint Actions. Moscow: Gratis; 2006. 160 p. (In Russ.).
7. Popov A. Yu. Actual trends and problems of development of social competence of youth. *Dnevnik nauki = Diary of science*. 2020;12(48):9. (In Russ.).
8. Baranova L. A. Social competence: conditions of formation and manifestation. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU — St. Petersburg Publishing House; 2016. 211 p. (In Russ.).

9. Taborsky B., Rui F. Oliveira Social competence: an evolutionary approach. *Trends in Ecology&Evolution*. 2012;(12):679–688. DOI: 10.1016/j.tree.2012.09.003
10. Zsolnai A. Social and emotional competence. *Hungarian Educational Research Journal*. 2015;(4):1–13.
11. Coiro M. J., Kotchic B. A., Preis J. Youth social skills groups: A training platform for promoting graduate clinician interprofessional competence. *Education&Practice*. 2016;(4):89–92. DOI: 10.1016/j.xjep.2016.04.004
12. Romppanen E., Korhonen M., Salmelin R.K, Puura K., Luoma I. The significance of adolescent social competence for mental health in young adulthood. *Mental Health&Prevention*. 2021;(21):2–8. <https://doi.org/10.1016/j.mhp.2021.200198>
13. Junge C., Valkenburg P. M., Deković M., Branje S. The building blocks of social competence: Contributions of the Consortium of Individual Development. *Developmental Cognitive Neuroscience*. 2020;(45):2–11. <https://doi.org/10.1016/j.dcn.2020.100861>
14. Knap-Stefaniuk A., Sowa-Behtane E. Social Competence of Employees Working in Intercultural Teams. Education Excellence and Innovation Management: A 2025 Vision to Sustain Economic Development during Global Challenges. URL: https://www.researchgate.net/publication/368288366_Social_Competence_of_Employees_Working_in_Intercultural_Teams
15. Caqueo-Urizar A., Atencio D., Urzua A., Flores J. Integration, Social Competence and Life Satisfaction: the Mediating Effect of Resilience and Self-Esteem in Adolescents. *Child Indicators Research*. 2022;15(1):1–13. DOI: 10.1007/s12187-021-09907-z
16. Alekseeva N. Yu. Diagnosis of professionally important qualities. St. Petersburg: Peter; 2017. 254 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Пондо — кандидат экономических наук, заместитель декана по воспитательной работе факультета экономики и бизнеса, Финансовый университет, Москва, Россия
Ekaterina A. Pondo — Cand. Sci. (Econ.), Deputy Dean for Educational Work, Department of Economics and Business, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4484-1982>
eapondo@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.06.2023; принята к публикации 15.07.2023.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 25.06.2023; accepted for publication on 15.07.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-20-29
УДК 32(045)

Патриотизм поколений в современном российском обществе

Р.В. Парма

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены различные аспекты российских исследований патриотизма в рамках теории поколений. Предметом анализа стали патриотические ценности и установки российских граждан в условиях переустройства миропорядка. На основании данных социологических исследований автор приходит к заключению о высоком уровне политической консолидации российского общества и существенных расхождениях поколений в содержании патриотизма. Перспективы дальнейших исследований патриотизма в российском обществе связаны с применением комплексной методологии, которая раскрывает не только ценности и установки, но и фреймы, мотивацию, модели поведения в экстраординарных условиях.

Ключевые слова: патриотические ценности; социальные установки; общественные установки; поколенческие различия; политическая консолидация

Для цитирования: Парма Р.В. Патриотизм поколений в современном российском обществе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):20-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-20-29

ORIGINAL PAPER

Patriotism of Generations in Modern Russian Society

R.V. Parma

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article deals with various aspects of Russian studies of patriotism within the framework of the theory of generations. The subject of the analysis was the patriotic values and attitudes of Russian citizens in the context and conditions of the reorganization and restructuring of the world order. Based on the sociological research data, the author comes to the conclusion about the high level of political consolidation of the Russian society and significant differences between generations in the content of patriotism. The prospects for further research of patriotism in Russian society are connected with the application of a complex methodology that reveals not only values and attitudes, but also frames, motivation, and models of behaviour in extraordinary conditions.

Keywords: patriotic values; social attitudes; public installations; generational differences; political consolidation

For citation: Parma R.V. Patriotism of generations in modern Russian society. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):20-29. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-20-29

КОНТУРЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Теоретические основания формирования поколений заложены рядом концепций, которые отражают ключевые аспекты возрастной стратификации, типов культуры, циклических изменений, ценностных разрывов, жизненных стратегий и технологического перехода [1]. В современном обществе во время стремительных изменений поколенческие различия в системе ценностей и моделях поведения обусловлены как историческими периодами

социализации и возрастными особенностями, так и предпочитаемыми каналами коммуникации. Исследования российского общества выявляют слабое социальное взаимодействие между поколениями и сильную гражданскую разобщенность. Пожилое поколение, сознание которого сформировано в советское время, придерживается традиционной системы ценностей, демонстрируя высокий уровень гражданственности, но уже в силу возраста не способно к активной общественной деятельности. Зрелое поколение, мировоззрение

которого сложилось в трудные времена «лихих 90-х», оказалось разобщенным и апатичным. Молодое поколение, ценности которого сформированы в относительно благополучный период, в отличие от старших поколений, выражает в намерениях высокую общественную активность, но в реальности не склонно брать ответственность и прилагать усилия, предпочитая пассивные формы участия. В целом данные характеристики поколений предопределяют низкий потенциал развития гражданского общества и ведущую роль государства [2].

Исследователи выделяют и иные характерные особенности различных поколений российских граждан. Так, И. Н. Трофимова полагает, что молодое поколение россиян, прошедшее социализацию в постсоветский период, усвоило гражданские ценности самовыражения и самореализации, тогда как у старшего поколения в ходе адаптации в сложных социально-экономических условиях закрепились институциональные и конвенциональные установки. В современном российском обществе гражданская активность диктуется не столько демократическими ценностями, сколько воспроизводимым характером противоречивых отношений поколений [3].

В свою очередь, А. Б. Шатилов предметно рассматривает проблему межпоколенческих разрывов в российском обществе, полагая, что обособление поколений разрушает общественную атмосферу и приводит к нарастанию социальных конфликтов. Расколото общество подвержено риску эскалации политической напряженности. Конфликту поколений необходимо противопоставить межпоколенческий диалог. Гармоничное общество должно строиться на взаимном уважении поколений, понимании общих стратегических целей страны и единстве мировоззренческих ценностей [4]. М. И. Солосина отмечает, что тесное взаимодействие между младшими и старшими поколениями, каждое из которых имеет определенные преимущества, возможно выстроить посредством совместного решения общественно значимых задач [5]. Анализируя данные социологического исследования, В. В. Радаев обнаруживает, что при сохранении различий между поколениями внутри они также неоднородны. Так, у миллениалов выявляются расхождения в ценностях, интересах и предпочтениях, что объясняется динамичными изменениями, обусловленными

экономическими, технологическими и культурными сдвигами [6].

Ряд исследователей подтверждают неприятие поколением Z традиционной системы ценностей. Современная молодежь студенческого возраста характеризуется выраженной самостоятельностью, независимостью, индивидуализмом и открытостью к изменениям. Однако трансформация системы ценностей молодого поколения происходит стохастично, в зависимости от социализации в различных культурных средах и под влиянием общественных институтов [7]. С. В. Расторгуев предлагает рассматривать поколения в различных аспектах, включая демографические процессы, социальную мобильность, политическую идентичность и систему ценностей [8]. Е. В. Бродовская изучает усиливающиеся поколенческие расколы по ценностным и идеологическим линиям, а также в разрезе отношения к действиям и решениям государственной власти [9].

С. Г. Ивченков, Е. В. Сайганова отмечают, что в современном российском обществе ценности старших поколений вступают в противоречие с социальной реальностью, а молодые люди, выступая носителями новых знаний и ценностей, стремятся к изменениям в обществе. Молодое поколение, наряду со старшими, стало субъектом формирования патриотических ценностей в обществе. При этом межпоколенческие различия обостряются интенсивностью общественных перемен. Патриотизм различных поколений выражается в общественной деятельности, гражданской активности и социальной ответственности, а основными его проявлениями являются воинская служба, воспитание детей, соблюдение законов и добросовестный труд. Преемственность патриотических ценностей и действий поколений обеспечивает сохранение исторической памяти и культурных традиций посредством использования СМИ и интернета [10].

Исследователи, исходя аксиологических установок граждан, выделяют разновидности патриотизма (абстрактный, традиционный, локальный, либеральный, демократический, критический, глобалистский), которые имеют темпоральные отличия у поколений. Чем старше поколение, тем выше значимость абстрактного и традиционного патриотизма. Чем моложе — тем более значимым становится локальный и либеральный патриотизм [11].

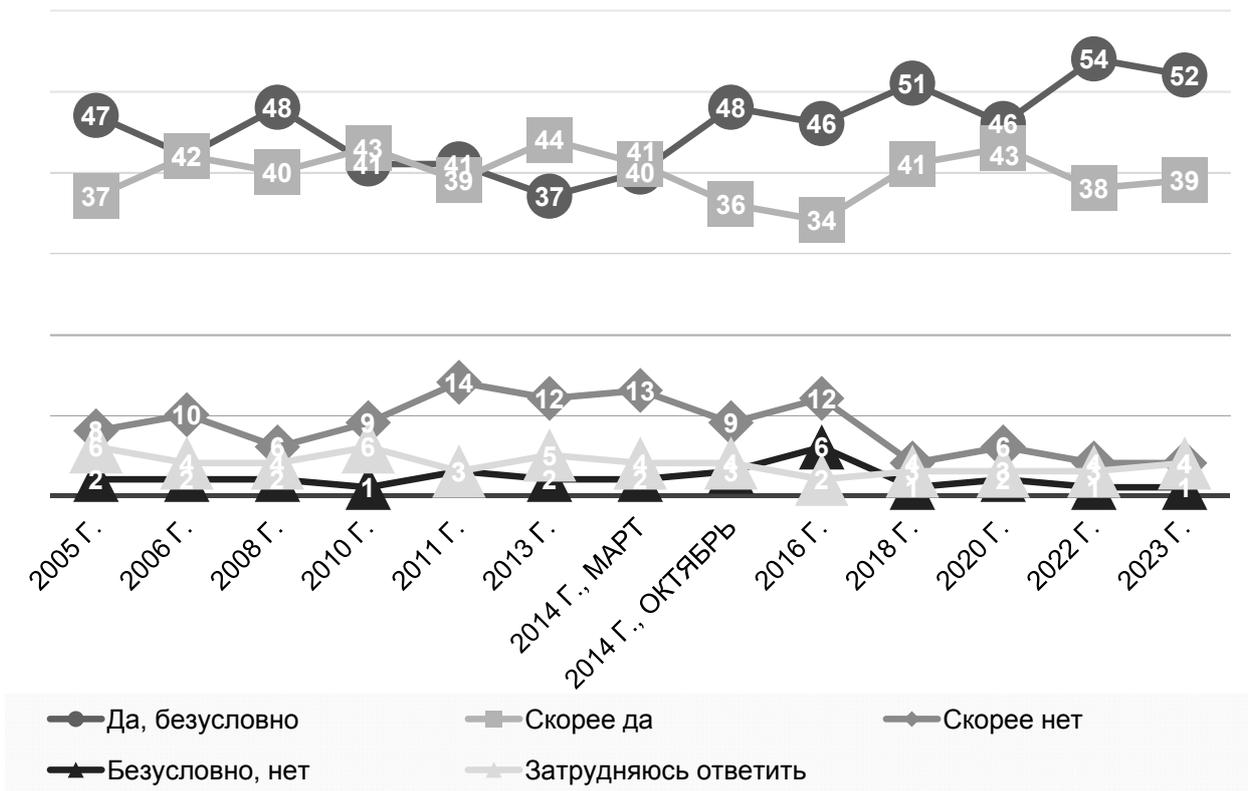

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика патриотической идентичности российских граждан (Как бы вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет? Один ответ, % респондентов) / Dynamics of patriotic identity of Russian citizens (How would you characterise yourself – as a patriot of your country or not? one answer, % of respondents)

Источник / Source: данные ВЦИОМ. VCIOM (Russian Public Opinion Research Center) data.

А. В. Селезнева приходит к заключению, что в целом в патриотическом поведении российские граждане склонны к пассивным формам. Наиболее характерные для патриотизма действия – «защищать», «служить», «делать» – отражают оценочные намерения, но не реальную готовность. Российские граждане широко декларируют приверженность патриотизму, но в их действиях это не проявляется [12].

Некоторые исследователи анализируют концептуальное содержание патриотизма. Так, М. Ю. Мартынов и А. И. Габеркорн выделяют субстанциональный подход, заключаемый в эмоциональном чувстве «любви к Родине», и критический подход, сводящийся к намеренным приемам политического манипулирования массами граждан [13]. Ю. В. Каира и Е. К. Кондратова рассматривают патриотизм как сугубо нравственную категорию, основанную на социальной активности и гражданской ответственности. Истинный патриотизм проистекает из сознательной позиции граждан, побуждающей

к социально значимым действиям, а его уровень во многом зависит от общественной активности молодых граждан, которые выступают ресурсом развития страны [14].

Государственная политика отводит патриотизму важную роль в формировании традиционной системы ценностей, которая приобретает характер политической идеологии, что должно обеспечить преемственность поколений, нравственные идеалы, историческую память, единство народов и увеличение народонаселения России. Патриотизм, наряду с другими традиционными ценностями, призван противостоять чуждой и разрушительной для российского народа деструктивной идеологии, насаждаемой западным обществом¹.

Таким образом, исследование патриотических ценностей и установок в аспекте по-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

коленческих различий имеет определенные нюансы. Однако текущие изменения, происходящие события и информационные нарративы в тревожное время оказывают сильное влияние на общественное мнение и индивидуальные представления, способствуя пересмотру системы ценностей и перерисовке картины мира. В такой ситуации возникает необходимость отслеживать процессы политической консолидации российского общества как реакции на внешние вызовы и внутренние проблемы, в которой особое значение приобретают патриотические ценности и действия.

АНАЛИЗ ИССЛЕДОВАНИЙ

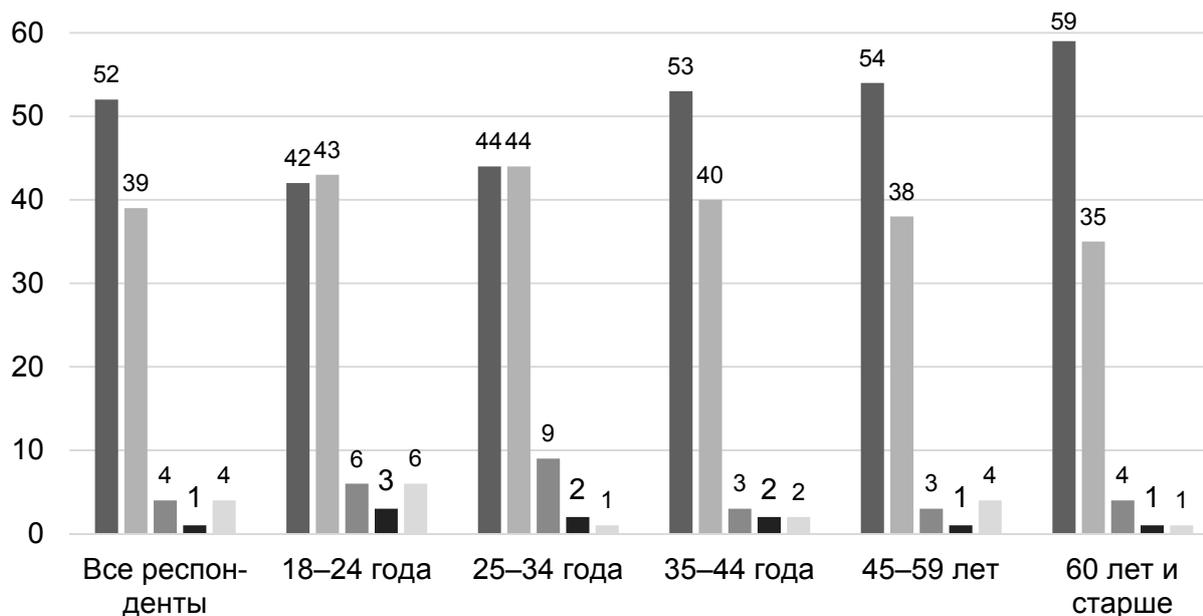
Мониторинг изменений общественных настроений российских граждан за продолжительный период с начала текущего века показывает амплитуду патриотических настроений. В нулевые годы на фоне сохранения политического единства, экономического восстановления и роста благосостояния уровень патриотических настроений был высоким. В 2008 г. отмечается всплеск патриотизма, что связано, прежде всего, с началом периода международной напряженности в отношениях России с Западом, проявившейся в военных действиях по «принуждению к миру» Грузии. В начале второго десятилетия XXI в., на фоне мирового экономического кризиса, затронувшего интегрированную в глобальное хозяйство Россию, уровень патриотизма несколько снизился. Тенденция к росту патриотических настроений возобладала после ряда значимых событий, в числе которых присоединение Крыма к России. Однако наиболее высокий уровень патриотизма отмечается в последние годы. В 2018 г. патриотические настроения подстегнули выборы Президента РФ, чемпионат мира по футболу, открытие Крымского моста, усиление санкций со стороны стран коллективного Запада. Нарастание международной конфронтации, противостояние России враждебному блоку НАТО во главе с США привело к усилению патриотических настроений. Спровоцированное Западом проведение Россией специальной военной операции (СВО) на Украине способствовало достижению высокого уровня патриотизма в обществе (рис. 1).

По данным опроса общественного мнения в марте 2023 г., подавляющее большинство российских граждан отнесли себе к патриотам. Однако анализ патриотической идентичности

в возрастных группах выявляет заметные поколенческие различия. Наибольший уровень патриотизма отмечается у старших поколений, особенно среди пожилых граждан. В несколько меньшей степени он выражен у молодых людей как студенческого, так и рабочего возраста. Существенные расхождения патриотической идентичности поколений объясняются в первую очередь различиями в периодах социализации, которая обусловила формирование разных систем ценностей и установок (рис. 2).

Государственная политика отводит патриотизму важную роль в формировании традиционной системы ценностей, которая приобретает характер политической идеологии, что должно обеспечить преемственность поколений, нравственные идеалы, историческую память, единство народов и увеличение народонаселения России. Патриотизм, наряду с другими традиционными ценностями, призван противостоять чуждой и разрушительной для российского народа деструктивной идеологии, насаждаемой западным обществом.

Патриотическая идентичность в сознании граждан имеет различное содержание. В целом, около половины (48%) респондентов считают, что патриотизм заключается в работе и действиях, направленных на благосостояние и процветание страны. Более трети (38%) убеждены, что патриоты должны защищать страну от нападков и обвинений. 32%, напротив, утверждают, что быть патриотом означает говорить о стране только правду. Еще 32% полагают, что патриот должен отождествлять себя со страной и считать себя ее неотъемлемой частью. 31% респондентов склонны не столько действовать, сколько стремиться улучшить жизнь в стране. Значимая часть (18%) думает, что для

■ Да, безусловно ■ Скорее да ■ Скорее нет ■ Безусловно, нет ■ Затрудняюсь ответить

Рис. 2 / Fig. 2. Патриотическая идентичность поколений российских граждан. (Как бы вы сами себя охарактеризовали – как патриота своей страны или нет? Один ответ,% респондентов) / Patriotic identity of generations of Russian citizens. (How would you characterise yourself – as a patriot of your country or not? One answer,% of respondents)

Источник / Source: данные ВЦИОМ. VCIOM (Russian Public Opinion Research Center) data.

патриота важно позиционировать свою страну как лучшую в мире. Поколения российских граждан вкладывают несколько различный смысл в общественный статус патриота. Если среди работающего поколения преобладает установка на созидательную деятельность, то у пожилых граждан наиболее выражена необходимость защищать и возвеличивать страну. Молодое поколение, особенно студенческого возраста, называет проявлением патриотизма распространение правдивой информации о стране и стремление к хорошей жизни. При этом молодежь не склонна видеть себя частью страны и считать ее лучшей. Таким образом, в том, что касается понимания патриотизма, пожилое поколение больше ориентировано на защиту страны, те, кто работает, настроены на созидательные действия, а молодые полагаются на критическое отношение и улучшение благосостояния (см. таблицу).

Патриотические настроения граждан выражаются в чувстве любви к Родине, однако респонденты вкладывают в это понятие разнообразные смыслы. Для многих любовь к Ро-

дине проявляется в чувствах, испытываемых к ближайшему окружению, — семье и близким (16%), а также — в привязанности к локальной среде — месту рождения или проживания (15%). В меньшей мере любовь к Родине в общественном представлении выражается в заботе о людях (10%). Сопоставимая доля граждан подразумевает под этим необходимость защиты страны (9%). Еще меньше тех, кто любит Родину за ее историю, культуру и традиции (7%). Такая же доля (7%) любовь к Родине видит в том, чтобы проявлять усилия для развития страны и достижения ее процветания. У каждого поколения российских граждан сформированы свои представления о любви к Родине. Для молодежи студенческого возраста она связана с историей, культурой и развитием страны и в значительно меньшей степени — с помощью людям. Молодежь рабочего возраста заботится об экологии, но не очень настроена защищать свою страну. Для поколения старшей возрастной группы особое значение приобретают семейные отношения и забота о близких. У пожилых людей сильно

Таблица / Table

Содержание патриотического статуса российских граждан (Что, по-вашему мнению, значит быть патриотом? До трех ответов, % респондентов) / Content of patriotic status of Russian citizens (What, in your opinion, does it mean to be a patriot? Up to three answers, % of respondents)

Ответ	Все респонденты	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Работать, действовать во благо, для процветания страны	48	48	55	57	52	33
Защищать свою страну от любых нападков и обвинений	38	35	32	36	42	42
Говорить о своей стране только правду	32	50	36	30	25	33
Считать себя частью страны	32	24	34	33	32	31
Стремиться улучшить положение дел в стране	31	50	43	35	29	17
Считать свою страну лучше других	18	7	13	20	17	24
Считать, что у страны нет недостатков	3	4	3	4	2	2
Другое	5	5	3	4	6	7
Затрудняюсь ответить	3	7	2	3	2	4

Источник / Source: данные ВЦИОМ / VCIOM (Russian Public Opinion Research Center) data.

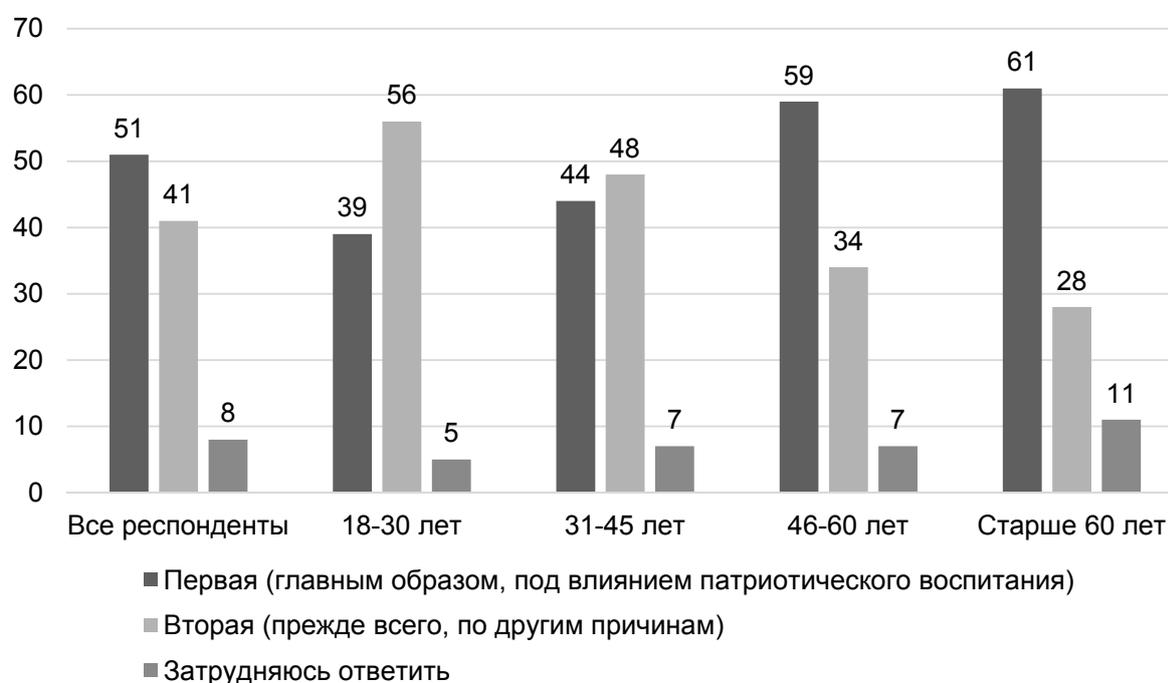

Рис. 3 / Fig. 3. Значение патриотического воспитания для разных поколений российских граждан, % респондентов / Importance of patriotic education for different generations of Russian citizens, % of respondents

Источник / Source: данные ФОМнибус / FOMnibus data (Fund "Vox Populi").

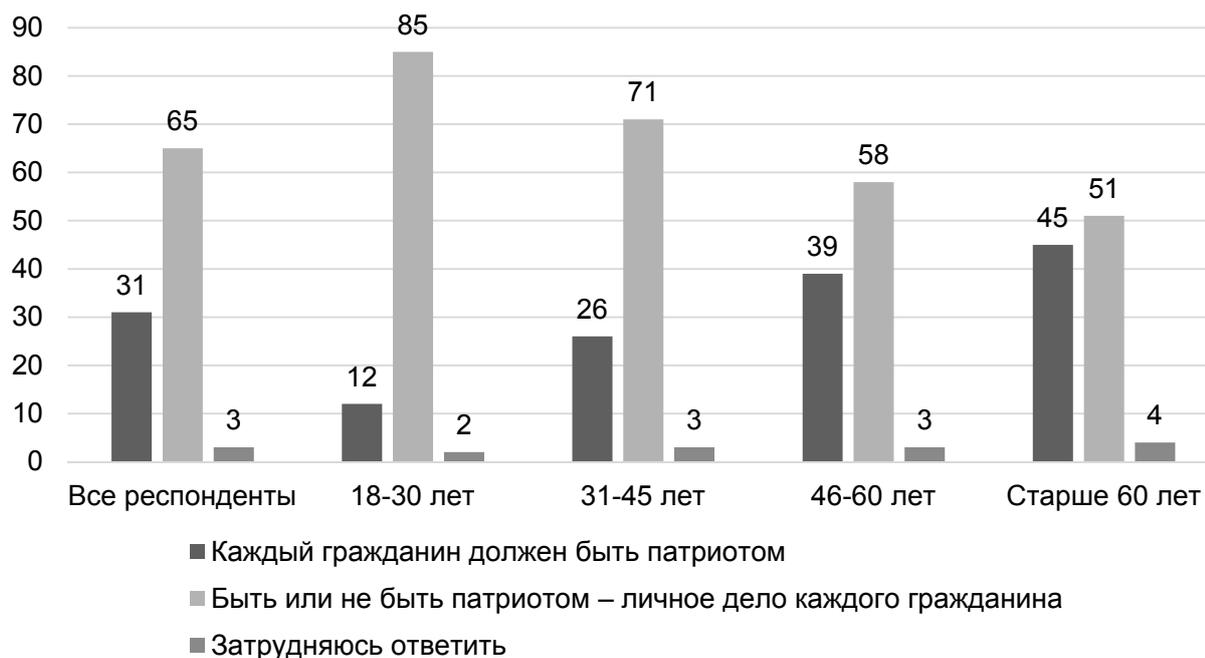

Рис. 4. Fig. 4. Долженствование патриотизма у поколений российских граждан, % респондентов / Duty of patriotism among generations of Russian citizens, % of respondents

Источник / Source: данные ФОМнибус / FOMnibus data (Fund "Vox Populi").

выражена привязанность к месту рождения или жительства. Очевидно, что смысловые различия поколений в проявлении любви к Родине обусловлены как социализацией, так и возрастными особенностями.

Кроме того, свою роль играет целенаправленное патриотическое воспитание. Однако в целом только половина (51%) российских граждан считают, что оно формирует патриотов. Сопоставимая часть граждан (41%) отказывается воспитанию в значимом влиянии, обозначая ведущее воздействие иных факторов. Между тем, в возрастных группах отмечаются значительные расхождения по данному вопросу. Молодое поколение в большинстве своем отрицает важность патриотического воспитания, но при этом более трети признают его действенность. Среднее поколение разделилось во мнениях примерно пополам. Старшее и пожилое поколения в основном убеждены в сильном влиянии патриотического воспитания на становление личности. Таким образом, в представлении поколений патриотическому воспитанию отводится важная, но не однозначная роль (рис. 3).

Еще более явные расхождения между поколениями проявились в вопросе об обяза-

тельности патриотизма для граждан. В целом около трети (31%) россиян считают, что чувство патриотизма должно быть присуще каждому гражданину, но абсолютное большинство (65%) склоняется к свободе личного выбора. Данное обстоятельство показывает, что российское общество характеризует, скорее всего, выраженный индивидуализм, чем декларируемый коллективизм. Молодое поколение в подавляющем большинстве (85%) считает патриотизм личным делом. Работающее поколение также склонно к индивидуальному самоопределению в выборе патриотической позиции (71%). Старшее и пожилое поколения более расположены к имманентности патриотизма граждан, но и для них право на самоопределение — главное (58 и 51%, соответственно). Таким образом, патриотические ценности российских граждан формируются не столько под общественным давлением, сколько на уровне индивидуального решения в ситуации свободного выбора (рис. 4).

В сознании российских граждан сформировались представления о недолжном поведении, которое не соответствует социальному статусу патриота. Из предложенных действий патриотическому статусу, по мнению респондентов, в наибольшей степени не соответствуют

граждане, избегающие службу в армии (70%), пренебрегающие сохранением природы (68%), не чтящие историю страны (65%), уезжающие жить и работать в иные страны (56%). При этом 48% считают, что патриотизм и критическое отношение к власти вполне совместимы. Также абсентеизм на выборах в сознании половины (49%) граждан не противоречит патриотической позиции. 55% не считают особо значимым для патриота незнание российского гимна. Для сравнения, сопоставимая часть (53%) не усматривает в предпочтительности зарубежной литературе и искусству отсутствие патриотизма. Таким образом, выходит, что патриотично настроенные граждане должны в первую очередь отдать воинский долг, беречь природу и знать историю страны.

ВЫВОДЫ

В результате анализа актуальных социологических данных ведущих российских центров изучения общественного мнения можно сделать следующие заключения:

1. Мониторинг общественных настроений российских граждан с начала текущего века показывает, что в последние годы уровень патриотизма в стране максимальный. Увеличение приверженности патриотическим ценностям и установкам отражает усиление политической консолидации в условиях международной напряженности, спровоцированной проведением Россией специальной военной операции (СВО) на Украине.

2. Поколения российских граждан существенно различаются по уровню приверженности патриотическим ценностям и установкам. Наибольший уровень патриотизма отмечается среди пожилого поколения, следующего традиционным ценностям и общественным установкам, а наименьший — у молодого, ориентированного на постматериалистические ценности и индивидуалистские установки.

3. Проявление патриотической идентичности заключается, прежде всего, в усилиях по достижению благосостояния и процветания страны, стремлении к лучшей жизни, а так-

же в защите интересов страны. Если старшее поколение смысл патриотизма больше видит в созидательной деятельности, то молодое — в желании лучшей жизни и достижении личного благосостояния.

4. Патриотизм проявляется в основном в любви к Родине, заботе о семье, привязанности к месту рождения и проживания, в меньшей степени — в заботе о людях и защите страны. Молодое поколение любовь к Родине выражает больше через интерес к истории и культуре страны, старшее — через семейные отношения, пожилое — через привязанность к малой родине. В целом обозначенные приоритеты поколений не вполне соответствуют сильным проявлениям любви к Родине, таким, как защита, героизм и жертвенность.

5. В общественных представлениях целенаправленное патриотическое воспитание как средство привития ценностей воспринимается гражданами неоднозначно. Весьма значительная часть россиян видит иные причины формирования патриотизма. Если пожилое поколение отводит патриотическому воспитанию важную роль в становлении личности с заданными ценностями и установками, то молодое этот способ формирования преданных стране людей считает малоэффективным.

6. В представлении абсолютного большинства российских граждан патриотизм не носит обязательного характера, а считается личным выбором каждого. Но если пожилые граждане склоняются к директивному патриотизму, то молодые настроены сугубо на свободу самоопределения.

7. Патриотический статус гражданина в значительной степени выстраивается от негативного образа. Патриот в общественном представлении не должен избегать воинской службы, губить природу, забывать историю и работать на иные страны. При этом такие символические действия, как критика страны, неучастие в выборах, незнание гимна, чтение зарубежной литературы, в значительно меньшей степени не соответствуют патриотичному поведению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Парма Р.В. Теоретические модели отношений между поколениями граждан. *Власть*. 2021;29(6):139–146. DOI: 10.31171/vlast.v29i6.8706
2. Парма Р.В. Гражданская активность поколений в современном российском обществе. *Вестник Института социологии*. 2022;13(2):31–47. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788

3. Трофимова И. Н. Поколенческий фактор гражданской активности в российском обществе. *Социологическая наука и социальная практика*. 2015;2(10):5–17.
4. Шатилов А. Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе. *Власть*. 2019;27(4):26–32. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6581
5. Солосина М. И. Поколенческие особенности участия в социально-политических процессах. *Научный результат. Социология и управление*. 2021;7(3):90–103. DOI: 10.18413/2408–9338–2021–7–3–0–9
6. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (Окончание). *Социологический журнал*. 2020;26(4):31–60. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7641
7. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. и др. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты. *Сибирский психологический журнал*. 2019;(72):46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3
8. Расторгуев С. В. Проблематизация исследовательского поля поколения Z. *Власть*. 2022;30(5):118–123. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9247
9. Бродовская Е. В., Лукушин В. А. Трансформация электоральных ожиданий россиян в условиях пандемии COVID-19: результаты социально-медийной аналитики. *ПОЛИТЭКС: Политическая экспертиза*. 2022;18(4):342–361. DOI: 10.21638/spbu23.2022.401
10. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. Патриотизм как компонент общественного сознания: поколенческий ракурс измерения. *Вестник Института социологии*. 2019;10(1):96–109. DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558
11. Ивченков С. Г., Сайганова Е. В. Ценностные ориентиры и их влияние на восприятие патриотизма у молодежи. *Вестник Института социологии*. 2020;11(10):106–125. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.643
12. Селезнева А. В. Патриотизм как политическая ценность: политико-психологический анализ. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2017;(38):200–208. DOI: 10.17223/1998863X/38/20
13. Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Как нам измерить патриотизм? К вопросу о концептуализации понятия. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2019;13(4):31–43. DOI: 10.17072/2218–1067–2019–4–31–43
14. Каира Ю. В., Кондратова Е. К. Ценности патриотизма молодежи России как ресурс социального развития общества. *Среднерусский вестник общественных наук*. 2022;17(6):106–123. DOI: 10.22394/2071–2367–2022–17–6–106–123

REFERENCES

1. Parma R. V. Theoretical models of relations between generations of citizens. *Vlast = Power*. 2021;29(6):139–146. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v29i6.8706
2. Parma R. V. Civil activity of generations in modern Russian society. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;13(2):31–47. (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788
3. Trofimova I. N. Generational factor of civic activity in Russian society. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2015; 2(10):5–17. (In Russ.).
4. Shatilov A. B. Generational gaps as a factor of increasing conflicts in modern Russian society. *Vlast = Power*. 2019; 27(4): 26–32. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6581
5. Solosina M. I. Generational characteristics of participation in social and political processes. *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie = Research Result. Sociology and management*. 2021;7(3):90–103. (In Russ.). DOI: 10.18413/2408–9338–2021–7–3–0–9
6. Radaev V. V. The Divide among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part one). *Социологический журнал = Sociological Journal*. 2020;26(4):31–60. (In Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2020.26.4.7641
7. Yanitsky M. S., Seryiy A. V., Braun O. A. et al. The system of value orientations of the “generation Z”: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal = Siberian psychological journal*. 2019;(72):46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3
8. Rastorguev S. V. Problematization of the generation Z research field. *Vlast = Power*. 2022;30(5):118–123. (In Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9247

9. Brodovskaya E. V., Lukushin V. A. Transformation of electoral expectations of Russians during the COVID-19 pandemic: Results of social media analysis. *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza = POLITEX: Political Expertise*. 2022;18(4):342–361. (In Russ.).
10. Ivchenkov S. G., Sayganova E. V. Patriotism as a component of public consciousness: a generational measurement perspective. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2019;10(1):96–109. (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.28.1.558
11. Ivchenkov S. G., Sayganova E. V. Values and their influence on the perception of patriotism among young people. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2020;11(10):106–125. (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.643
12. Selezneva A. V. Patriotism as a political value: political and psychological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*. 2017;(38):200–208. (In Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/38/20
13. Martynov M. Yu., Gaberkorn A. I. How do we measure patriotism? On the conceptualization of the concept. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya = Bulletin of Perm University. Political Science*. 2019;13(4):31–43. (In Russ.). DOI: 10.17072/2218–1067–2019–4–31–43
14. Kaira Y. V., Kondratova E. K. The values of patriotism of the youth of the Russian Federation as a resource for the social development of society. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2022;17(6):106–123. (In Russ.). DOI: 10.22394/2071–2367–2022–17–6–106–123

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Роман Васильевич Парма — кандидат политических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Roman V. Parma — Cand. Sci. (Politicalology), Associate Professor of Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3413-4264>

rvparma@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.05.2023; принята к публикации 12.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.05.2023; accepted for publication on 12.06.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-30-39

УДК 165.22:004.047:004.912(045)

JEL C38, C83

О значимости современных социальных и поведенческих онтологий

В.В. Ворожихин^а, Е.И. Ларионова^б

^а РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; ИПРАН РАН, Москва, Россия;

^б Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

По мере формирования вызовов и роста неопределенностей и рисков, ужесточения конкуренции стран за лучшее будущее появляется необходимость адекватного описания, доступности и практического использования глобального знания. В процессе развития и усложнения мира возрастает значимость и роль человека – соответственно, существенно увеличивается значимость онтологий в социальных и поведенческих науках и расширяются возможности их применения. Освоение современных цифровых подходов к созданию динамических онтологий и их использованию становится ключом к разработке глобально значимого уникального национального проекта для лучшего будущего России.

Ключевые слова: трансформации мироустройства; развитие пространства знаний; социальные и поведенческие онтологии; онтологии проектирования; автоматизация разработки и применения; создание лучшего будущего страны

Для цитирования: Ворожихин В.В., Ларионова Е.И. О значимости современных социальных и поведенческих онтологий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):30-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-30-39

ORIGINAL PAPER

On the Significance of Modern Social and Behavioral Ontologies

V.V. Vorozhikhin^a, E.I. Larionova^b

^a Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; ISS RAS, Moscow, Russia;

^b Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

As challenges and uncertainties and risks are forming, the competition of countries for a better future is intensifying, and the number of studies and publications of multimillion global scientific community is growing, the role and importance of adequate description, accessibility and practical use of global knowledge is continuously increasing. Ontologies are becoming a tool for organizing both scientific and practical activities. As the world develops and becomes more complex, the importance and role of human beings grows – accordingly, the significance of ontologies in the social and behavioral sciences and the possibilities of their application for the purposeful creation of a better future grows significantly. Mastering modern digital approaches to creating dynamic ontologies and their application becomes the key to the development of a globally significant unique national project to create a better future for Russia and competitive strategic management of its sustainability.

Keywords: world order transformations; knowledge space development; social and behavioral ontologies; design ontologies; automation of development and application; creation of a better future of the country

For citation: Vorozhikhin V.V., Larionova E.I. On the significance of modern social and behavioral ontologies. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):30-39. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-30-39

ВВЕДЕНИЕ

Развитие и трансформация мира вызывают многочисленные перемены, возникновение новых сущностей и связей, ведущих к изменениям пространства знаний, устареванию и неработоспособности традиционно исполь-

зуемых подходов и усложнению общественных коммуникаций и взаимодействий [1]. Результаты научной деятельности многомиллионного глобального научного сообщества публикуются ежедневно. Возникает крайне значимый вопрос о сохранении целостности научной картины

Рис. 1 / Fig. 1. Схема описания информации триплетами дескриптивной логики / Scheme of information description by triplets of descriptive logic

Источник / Source: URL: <https://habr.com/ru/articles/659425/>

мира и адекватных представлений о ней национального и глобального научного сообщества — необходимо сохранить единство описания фактов, явлений, процессов, понимание используемых терминов и определений сущностей и действий. Непоследовательное использование терминов и систем классификации затрудняет интеграцию результатов исследований. Поэтому важность онтологий существенно возрастает.

Парадокс цифровой трансформации в том, что роль человека как источника формирования мировоззрения и агента управления только возрастает по мере развития знаний, технологий, техники и изменения самого Человека. Деятельность общества ведется в интересах Человека, связана с изменением качества его жизни и условий осуществления деятельности. Соответственно, существенно возрастает значимость онтологий в социальных и поведенческих науках, которую мы пытаемся проанализировать в настоящей статье.

ОНТОЛОГИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, КЛАССИФИКАЦИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ

Философы используют термин «онтология» (буквально, дискурс о бытии) для описания усилий по классификации или группировке идей, особенно тех, которые связаны с природой существования. Сегодня ученые применяют слово «онтология» для обозначения усилий по организации знаний в определенных областях¹ и их концептуализации [2, с. 9].

Образно говоря, онтология — инструмент преобразования хаоса личного восприятия огромного многомерного мира в общий порядок, приближенный к реальности. Онтология

формируется как система описаний предметных проекций мира на основе существующих знаний. Причем эти описания зависят от личных знаний и предпочтений исследователей [1] в процессе формирования интегральной многоуровневой и многовариантной научной картины мира, отображающей личные мировоззрения и концепции исследований.

Любое повествование, отражающее дескриптивные модели и знания, можно представить в виде цепочки триплетов, где показаны сущности и отношения между ними (рис. 1).

Онтологии могут быть определены различными способами, такими как: списки контролируемых терминов, тезаурусы, таксономии и формальные представления в логике. Они могут быть представлены в виде явных спецификаций общих концептуализаций, имеющих разные степени формализации и содержания неявных знаний. Однако онтологии выходят за рамки процессов формализации (формирования) знаний — они также составляют основания выявления (создания), хранения, организации доступа, распространения и применения знаний, позволяют формировать процессы мышления и понимания на системной основе, обеспечивая возможность совершенствования концепций организации деятельности человечества.

Онтологии используются по-разному, в зависимости от характера рассматриваемой проблемы: для улучшения поиска информации, упрощения концепций и рассуждений, предоставляя формализованные определения сущностей и отношений между ними. Пример отечественной классификации онтологий приведен на рис. 2.

Онтологии полезны для организации систем знаний и управления ими и для интеграции информации. Они позволяют выявить (обна-

¹ National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2022. Ontologies in the Behavioral Sciences: Accelerating Research and the Spread of Knowledge: Digest Version. Washington, DC: The National Academies Press.

Рис. 2 / Fig. 2. Пример классификатора онтологий / Example of ontology classifier

Источник / Source: [2].

ружить) латентные взаимосвязи между элементами, сформировать гипотезы и встроить в пространство знаний новые факты. В отличие от традиционных баз знаний, описывающих «закрытый мир», — существует только то, что есть в базе, — онтологии используют «гипотезу открытого мира» — не все сущее описано².

Множественное и детализированное описание отношений взаимосвязей и их свойств, отражающее разнообразие функций, процессов, структур, форм позволяет извлекать неявные знания, не отражаемые исходными формами описания. За счет формирования контролируемого словаря общих терминов для понятий и явлений, представляющих интерес в пределах конкретной области и классификации этих сущностей, онтологии имеют следующие основные преимущества³:

- создают возможности для совершенствования знаний и повышения эффективности

² URL: <https://habr.com/ru/articles/659425/>

³ National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2022. Ontologies in the Behavioral Sciences: Accelerating Research and the Spread of Knowledge: Digest Version. Washington, DC: The National Academies Press.

деятельности исследователей, использующих общий язык, общие меры и одну и ту же логическую структуру для конкретных исследований и описания их результатов;

- развивают инфраструктуру для поддержки инструментария и применения современных научных исследований, помогая обеспечить обоснованность выводов, сделанных на основе обработки данных, воспроизводимость процедур исследований; при этом новые знания, скрытые в данных, не остаются незамеченными;

- совершенствуют коммуникации между людьми и машинами, упрощая интерпретации сложных наборов данных и превращая научные данные в устойчивый и доступный ресурс для всех;

- создают дополнительные возможности для развития пространства научных знаний, обеспечивая основу для размышлений, гипотез и понимания новых открытий.

Онтологии проясняют сущности и концепции, которые обсуждаются и изучаются научными сообществами, а также определяют ключевые отношения между этими концепциями,

позволяют преодолеть фрагментированность пространства знаний и противоречивость гипотез и моделей разных исследователей и областей знаний. Понимание этих сущностей может меняться со временем, но определение общих названий для явлений — важная основа как для всей научной работы, так и для любого конструктивного общения. По мере того, как теории проверяются, пересматриваются и в конечном счете заменяются, термины и отношения в онтологиях должны быть адаптированы, чтобы отражать преобладающие способы, которыми исследователи толкуют свою дисциплину. Научные онтологии динамичны: они не замыкают и не ограничивают научную мысль.

ОНТОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНЫХ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ НАУКАХ

Существуют разные взгляды на дисциплины, которые относятся к поведенческим наукам. Например, психология, социология или антропология занимаются в первую очередь человеческими действиями и часто стремятся обобщить поведение человека в обществе⁴. Становление школы поведенческих наук было обусловлено развитием психологии и социологии — сугубо аналитических дисциплин, предметом изучения которых были психические и социальные аспекты человеческой деятельности.

Ряд исследователей принципиально разделяет поведенческие и социальные науки. Не вдаваясь в дискуссию, воспользуемся опытом интегрального описания разнообразных *социальных и поведенческих наук* (Social and Behavioral Science — SBS), таких как: демография и социальная статистика, социология, экономика, лингвистика, социальная антропология, международные отношения и психология⁵.

Исследователи в этих областях используют широкий спектр научных методов, стратегий и инструментов и полагаются на разнообразные теоретические подходы, но все они способствуют пониманию людей и того, что люди делают. Ученые исследуют разнообразные вопросы об

отдельных лицах, группах, сообществах, обществах и нациях; могут изучать индивидуальные психические процессы, определяющие поведение, вопросы трансляции и развития культуры от поколения к поколению или, например, проблемы влияния нехватки воды на политические события в конкретном регионе. В рамках каждой дисциплины SBS есть несколько узких подспециальностей, в рамках которых разработаны свои собственные исследовательские подходы и методологии.

Возможность выявлять, определять, классифицировать и ссылаться на поведенческие феномены является основой наук о поведении, позволяя исследователям быть точными в отношении того, что они изучают и как они концептуализируют свою область. Общая онтология особенно актуальна для ученых-бихевиористов, которые в значительной степени полагаются на конструкты для управления исследованиями, потому что многие явления, которые они изучают, сложно организовать и исследовать.

Сложность объекта поведенческих наук крайне высока — мозг, в соответствии с современными представлениями, — система, насчитывающая около 100 млрд нейронов. Процессы нервной системы формируются на основе биологических и социальных взаимодействий на всех этапах развития человека и общества. Человеческое сообщество уже превысило по численности отметку в 8 млрд а к 2055 г. достигнет 10 млрд⁶, и каждый индивид имеет собственные интересы, принимает решения, для реализации чего взаимодействует в рамках группы, сообщества, организации, страны, цивилизации и человечества в целом. Причем по мере развития общества сложность системы «человечество» стремительно растет. Для ее описания и изучения нужны новые подходы. Невозможно использовать аксиоматику, в экономике Больших систем нужно выбирать подходы очень тщательно, оценивая при упрощении моделей потери, которые могут быть крайне значимы для анализа и приводить к неверным оценкам и прогнозам. Невозможно «в лоб» применять нейросетевой анализ и прогнозирование: искусственный интеллект всегда найдет какие-нибудь зависимости в массивах

⁴ Behavioral science noun. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/behavioral%20science>; Behavioral Sciences. URL: <http://www.businessdictionary.com/definition/behavioral-sciences.html>

⁵ National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2019. A Decadal Survey of the Social and Behavioral Sciences: A Research Agenda for Advancing Intelligence Analysis: Digest Version. Washington, DC: The National Academies Press.

⁶ Население Земли. URL: https://countrymeters.info/ru/World#population_forecast

Больших данных. Но какие? Те ли, на которые рассчитывают исследователи?

Большие системы невозможно исследовать, теряя связи. При их описании нельзя пропустить реально сложившиеся уровни, так как это приводит к изменению системы связей, потере влияния латентных центров принятия решений и утрате прогностических возможностей исследований. Причинно-следственные связи в привычном «физическом» понимании не работают. Единственное событие становится источником процессов, распространяющихся в разных направлениях (пространствах) с разными мощностными, временными и темповыми характеристиками. «Выходной сигнал» события в рамках любого показателя становится меняющимся во времени, а потеря фактора влияния чревата формированием ложного знания. Например, не приносят успеха и попытки картирования мозга вне социальной реальности, тем более, что до сих пор проявляются новые, ранее не изученные области и возможности мозга.

Видимо, вопросы изучения сложных систем требуют привлечения всего корпуса исследователей, формирования огромного числа увязанных между собой онтологий, применения новейших технологий «сильного» генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) типа GPT-4⁷, обеспечивающего доступность глобального знания для каждого исследователя, совместного обучения человека и искусственного интеллекта и их интеграции в единую предметно ориентированную гибридную ячейку человеческого и искусственного интеллекта (ЧИИ).

Онтологические системы для социальных и поведенческих наук могут иметь разные позиции в пространстве семантической сложности (рис. 3).

Контролируемые списки представляют собой перечисления специально определенных терминов, которые помогают обеспечить согласованность пользователей. *Тезаурусы* организуют термины таким образом, что группировка отражает отношения между ними (как правило, неустановленные): тесно связанные термины расположены рядом друг с другом, хотя точные отношения не указаны. *Таксономии* расширяют тезаурусы и показывают иерархические отно-

шения «класс-подкласс», такие как «родитель-потомок». Но понятия только перечисляются: отношения между ними не выражаются в формальных аксиомах (см. *таблицу*).

Для практического применения и выявления значимых событий и явлений из огромного и стремительного информационного потока, их осмысления и получения содержательных выводов специалисты Национальной академии наук США рекомендуют применительно к работе аналитика в первую очередь обратить внимание на четыре области исследований⁸.

Изучение повествования, его содержания и структуры с использованием методов антропологии и психологии. Результаты анализа многочисленных аспектов коммуникации и ее контекста могут дать представление о сравнительной силе и влиянии политических нарративов и средств противодействия им, в том числе эффективные индикаторы растущего экстремизма или потенциала насилия в повествовательных потоках.

Анализ социальных сетей — это структурный подход к пониманию мира, основанный на взаимозависимости между действующими лицами и ее влиянии на их поведение. Результаты данного анализа важны для антропологии, исследования коммуникаций, социологии и политологии. Узлы и отношения образуют взаимозависимую целостную систему, а также дают идентификацию ключевых участников (в том числе групповую) и разнообразные сетевые характеристики: распределение ресурсов и обмен ими, развитие доверия внутри группы или общества, идеологическое заражение, распространение убеждений и формирование установок, установление нормативных ограничений, развитие групповых и индивидуальных социальных связей и многое другое.

Изучение сложных систем позволяет в сжатые сроки понять ситуацию и разработать прогнозы по сценариям, которые одновременно сложны и постоянно меняются; оно требует междисциплинарного подхода (иногда называемого наукой о сложности, стратегией или теорией). Основанный на теории систем, а также на достижениях в области естественных наук, этот подход используется для изучения непредска-

⁷ GPT-4 Technical Report. URL: <https://cdn.openai.com/papers/gpt-4.pdf>

⁸ National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2019. A Decadal Survey of the Social and Behavioral Sciences: A Research Agenda for Advancing Intelligence Analysis: Digest Version. Washington, DC: The National Academies Press.

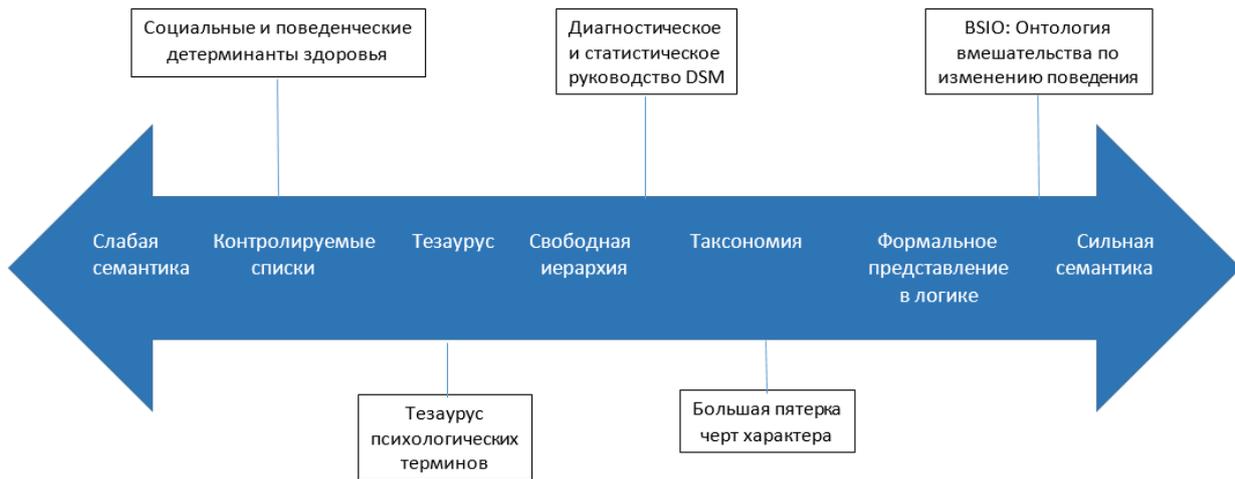

Рис. 3 / Fig. 3. Континуум семантических представлений онтологических систем с соответствующими примерами из наук о поведении / Continuum of semantic representations of ontological systems with relevant examples from the behavioral sciences

Источник / Source: National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2022. *Ontologies in the Behavioral Sciences: Accelerating Research and the Spread of Knowledge*. Washington, DC: The National Academies Press.

Примечание / Note: «Большая пятерка» черт личности: экстраверсия, покладистость, открытость, добросовестность и невротизм / “Big Five” of traits: extraversion (or extroversion), malleability, openness, conscientiousness, and neuroticism.

Таблица / Table

Примеры онтологических систем / Examples of ontological systems

Онтология / Ontology	Краткое описание / Short description
Социальные и поведенческие детерминанты здоровья	<i>Контролируемый список</i> определенных терминов, относящихся к поведенческим, социальным, экономическим, экологическим и профессиональным факторам. Список помогает систематизировать информацию и предоставляет терминологию для обозначения причин заболеваемости, смертности и будущего благополучия
Тезаурус терминов психологического индекса	<i>Контролируемый список</i> стандартизированных терминов и определений психологических понятий со свободной иерархией, показывающей взаимосвязь с другими терминами. Контролируемый словарь позволяет индексировать, каталогизировать и искать психологические концепции
Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам (DSM)	Расплывчатая иерархия поведенческих фенотипических проявлений психических расстройств с использованием общего языка и стандартных критериев, основанных на консенсусе. DSM содержит описания состояний психического здоровья и использует категории, чтобы предложить диагностический инструмент для клинической практики и исследований
Большая пятерка черт личности	Предлагаемая группировка (таксономия) черт личности, обеспечивающая модель основных параметров индивидуальных различий в личности и аспектов личностных черт, которые составляют часть основного измерения
Онтология вмешательства по изменению поведения (BSIO)	Формально – определенный набор сущностей и их отношений, который устанавливает общий язык. BSIO используется для организации информации в такой форме, которая обеспечивает эффективное накопление знаний и связь с другими системами знаний

Источник / Source: National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. 2022. *Ontologies in the Behavioral Sciences: Accelerating Research and the Spread of Knowledge*. Washington, DC: The National Academies Press.

зубых и нелинейных явлений и предоставляет способы выявления и смягчения непреднамеренных последствий, а также методы, полезные для рассмотрения широкого спектра альтернатив и поддержки стратегического анализа.

Аффективные (эмоциональные) науки — это область, где изучаются эмоции, чувства, аффекты, настроения, а также аффективные черты личности и психопатологии. Они дают представление о личностях, их образе мыслей, мотивациях и намерениях; интерпретируют действия, суждения и решения людей.

Фундаментальные исследования в этих четырех областях обеспечивают теоретическую и эмпирическую основу для разработки сложных методов, которые аналитики могут использовать для решения основных задач осмысления. Компьютерное моделирование сложных социально-политических систем опирается на фундаментальное понимание природы статуса и власти, социально-эмоциональных процессов и языковых структур. Потенциал достижений при разработке и применении таких инструментов и подходов, в свою очередь, зависит от сочетания технологических успехов и идей из областей SBS. Результаты включают использование данных цифровой трассировки для оценки важности сетевых узлов, представляющих потенциальную угрозу безопасности, или для отслеживания траектории политических идей, их оценки, а также для компьютерного анализа дискурса среди групп в социальных сетях.

Пока же в науках о поведении очень мало онтологических систем, разработанных с использованием стандартных языков представления (таких как язык семантической сети, язык веб-онтологий или OWL [3]). Одна из них — онтология вмешательства в изменение поведения (BCIO), созданная практиками в этой области с использованием стандартного подхода к представлению (*рис. 2 и таблица*).

ОНТОЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЛУЧШЕГО БУДУЩЕГО

Онтологии используются практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности [2]: в медицине и биологии, сельском хозяйстве, образовании, в научных исследованиях; для городского планирования, взаимодействия различных устройств, автоматизированных

производств и даже для представления знаний о футболе.

В современном мире, переживающем цифровую трансформацию, на основе цифровых платформ формируются бизнес-экосистемы. Это происходит столь стремительно, что возникают опасения о перехвате управления у национальных властей в условиях трансграничности информационных и экономических потоков. Естественным ответом, позволяющим национальным государствам конкурировать с глобальными бизнес-корпорациями, является формирование новых управленческих решений, которые должны быть научно обоснованными, опираться на исследования больших данных, что требует концептуального оформления системы обработки в области социологии, философии, экономики, антропологии и управления, которые активно используют онтологии. Результаты анализа применяются в сфере национальной безопасности и разведки. Новейшая сфера применения — исследования искусственного интеллекта (ИИ), в том числе его взаимодействия с человеком. Сильный ИИ уже достиг порога преодоления теста Тьюринга — возможности генерации текстов, отличить которые от написанных человеком без привлечения специальных инструментов и методик крайне сложно. Важнейшее направление развития ИИ — интеграция человеческого и искусственного интеллекта (ЧИИ). Проникновение ИИ и роботов во все сферы человеческой деятельности повышает роль социальных и поведенческих технологий для всех сфер деятельности.

ОНТОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

В последние десятилетия происходит становление онтологии проектирования как научного направления формирования новой реальности, создания будущего [4, 5]. Пока ее развитие было направлено в основном на создание конкретного артефакта — объекта проектирования. Основные компоненты среды проектирования, в рамках которой происходит создание объектов проектирования, и ее содержание представлены на *рис. 4*.

Онтология проектирования — формализованное описание знаний субъектов проектирования о процессе проектирования новых или модернизации уже известных артефактов, знания о самом объекте проектирования и близких к нему по свойствам артефактов,

Рис. 4 / Fig. 4. Содержание среды проектирования / Content of the design environment

Источник / Source: [5].

а также тезаурус предметной области. Онтология проектирования включает в себя онтологии целеполагания, анализа проектной ситуации, дивергенции, трансформации (изменение формы), конвергенции, гармонизации (устранение конфликтов, противоречий), экспертизы и защиты.

В онтологии проектирования принципиально исследование не только объекта проектирования, но и субъекта проектирования как актора — в роли заказчика, потребителя и исполнителя и, конечно, самой быстромеменяющейся среды проектирования.

«Субъекты проектирования — разумные сущности, участвующие в процессе создания артефакта — объекта проектирования: специалисты (онтолог, когнитолог, психолог, маркетолог, проектант, конструктор, прочист, аэродинамик, технолог, экономист...), организованная группа специалистов (предприятие, проектное бюро, институт, лаборатория.), заказчик (потребитель, пользователь, клиент...), созданные искусственные системы (роботы, экспертные системы), а также некие условные непознанные сущности, оказывающие явное и латентное влияние на проектирование» [4].

От гуманитариев (философов, психологов, лингвистов) для онтологий проектирования ожидают новые решения как для конкретных проектных и управленческих задач, так и для разрабатываемых интеллектуальных помощников. Онтология проектирования во многом базируется на интерсубъективной теории, когда человек как деятельностный субъект и актор проектирования не просто включен в процесс, а сам является его частью. Ожидаемый резуль-

тат — адаптация гуманитарных знаний (философских, психологических, лингвистических), их формализация, выработка конструктивных методов моделирования будущего. Онтология исследует объект проектирования и субъект проектирования, а также самую быстромеменяющуюся среду проектирования, влияющую на формирование критериев объекта и субъекта. Онтология проектирования видится авторам основой создания интеллектуальных систем, моделирующих будущее в различных его проявлениях.

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ОНТОЛОГИЙ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА БУДУЩЕГО

Механизмы дополнения онтологий проектирования онтологиями социальных и поведенческих наук в условиях непрерывного развития и усложнения пространства знаний потребуют формирования дополнительной комплексной системы исследований, включающей повторные, непрерывные, сетевые, трансформационные, трансляционные исследования и исследования будущего с учетом эффекта Эдипа. Это позволит перейти от диагностики конвергенции и пассивного прогнозирования к проактивному управлению конвергенцией знаний и технологий с учетом социальных и поведенческих эффектов, формированию структурных бизнес-процессов и развитию их в рамках глобальных цепочек технологий, поставок, стоимости и создающихся цепочек ценностей. Интеграция киберфизических систем и мультисети, охватывающей всех исследователей страны и обеспечивающей доступ к глобальному зна-

нию, позволит сформировать предпочтения для человекоориентированной экономической модели России на основе согласования личных и общественных интересов [6].

ВЫВОДЫ

Онтология перестает быть инструментом организации личного пространства знаний и становится основой упорядочения и создания возможностей эффективного развития пространства глобального, общечеловеческого знания. Проблемы организации знаний, интеграции новых наблюдений с уже известными фактами, выявления новых знаний и возможностей научно-технологического и социально-экономического развития проявляются практически во всех видах современной человеческой деятельности, в первую очередь это касается сферы управления и высшего образования.

В условиях цифровой трансформации онтологии выступают инструментом осознанного применения сильного искусственного интеллекта и его интеграции в человеческое общество. Современные динамические онтологии, использующие новейшие интеллектуальные компьютерные инструменты, становятся инструментом управления для устойчивого развития и достижения конкурентоспособности стран. Создание системы онтологий, которые способны отражать глобальные трансформации и выполнять роль линз — фокусирующих элементов нооскопа [7], позволяющих устранять имеющиеся проблемы [8], поможет сформировать видение благоприятного будущего и разработать крайне необходимый в настоящее время глобально привлекательный уникальный проект национального развития России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чусов А. В., Фролов И. Э. Об онтологической подструктуре диалектического метода. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/pub/frol04.pdf>
2. Лещева И. А. Метод автоматизированного наполнения баз знаний онтологического типа. Дисс... канд. техн. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; 2022, 215 с.
3. Лаврищева Е. М., Карпов Л. Е., Томилин А. Н. Семантические ресурсы для разработки онтологии научной и инженерной предметных областей. Научный сервис в сети Интернет: труды XVIII Всероссийской научной конференции (19–24 сентября 2016 г., г. Новороссийск). М.: ИПИМ им. М. В. Келдыша; 2016.
4. Боргест Н. М. Научный базис онтологии проектирования. *Онтология проектирования*. 2017;1(7):7–25.
5. Боргест Н. М. Границы онтологии проектирования. *Онтология проектирования*. 2017;1(23):7–33. DOI: 10.18287/2223-9537-2017-7-1-7-33
6. Ворожихин В. В. О перспективах интеграции киберфизических систем в национальную инновационную систему (НИС) на основе человеческого и искусственного интеллекта. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50748671_71291024.pdf
7. Вайно А., Кобяков А., Сараев В. Код рынка. *Экономические стратегии*. 2011;(11):94–99.
8. Pasquinelli M., Joler V. The Nooscape Manifested. Artificial Intelligence as Instrument of Knowledge Extractivism. *AI & SOCIETY*. 2021;(36):1263–1280. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01097-6>

REFERENCE

1. Chusov A. V., Frolov I. E. On ontological substructure of dialectical method. URL: <https://ecfor.ru/wp-content/uploads/pub/frol04.pdf> (In Russ.).
2. Leshcheva I. A. Method of automated filling knowledge bases of ontological type. Thesis of doctoral research for Technical Sciences. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2022. 215 p. (In Russ.).
3. Lavrishcheva E. M., Karpov L. E., Tomilin A. N. Semantic resources for developing ontology of scientific and engineering subject areas. Scientific Service on the Internet: Proceedings of XVIII All-Russian Scientific Conference (19–24 September 2016, Novorossiysk). Moscow: M. V. Keldysh Institute of Applied Mathematics; 2016. (In Russ.).
4. Borgest N. M. Scientific basis of design ontology. *Ontologija proektirovanija = Design Ontology*. 2017;1(7):7–25. (In Russ.).
5. Borgest N. M. Frontiers of Design Ontology. *Ontologija proektirovanija = Design Ontology*. 2017;1(23):7–33. (In Russ.). DOI: 10.18287/2223-9537-2017-7-1-7-33

6. Vorozhikhin V.V. On the prospects of integrating cyber-physical systems into the national innovation system (NIS) based on human and artificial intelligence. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50748671_71291024.pdf (In Russ.).
7. Vaino A., Kobyakov A., Sarayev V. Market Code. *Jekonomicheskie strategii = Economic Strategies*. 2011;(11):94–99. (In Russ.).
8. Pasquinelli M., Joler V. The Nooscape Manifested. Artificial Intelligence as Instrument of Knowledge Extractivism. *AI & SOCIETY*. 2021; (36):1263–1280. <https://doi.org/10.1007/s00146-020-01097-6>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Владимир Вальтерович Ворожихин — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник НИИ развития образования Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия; ведущий научный сотрудник ИПРАН РАН, Москва, Россия

Vladimir V. Vorozhikhin — Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia; Leading Researcher, Institute for the Study of Science of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-3361-1425>
vorozhikhin@mail.ru

Елена Игоревна Ларионова — кандидат экономических наук, ученый секретарь ИПРАН РАН, Москва, Россия; профессор департамента бизнес-аналитики, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena I. Larionova — Cand. Sci. (Econ.), Scientific Secretary, Institute for the Study of Science of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Professor of the Department of Business Intelligence of Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7335-4481>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
post@issras.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 20.04.2023; accepted for publication on 15.05.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-40-46
УДК 323.2(045)

Теоретико-методологические основы изучения государственной молодежной политики в условиях развития демократического государства

Е.А. Тимофеева

Государственная Дума, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам государственного подхода к осуществлению молодежной политики в демократических странах. Автор анализирует тенденции направленности молодежной политики в Соединенных Штатах Америки, в Европе, а также в Российской Федерации. Актуальность настоящего исследования обусловлена изменениями, которые сегодня происходят во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества, дестабилизирующими политику многих развивающихся и развитых государств путем влияния на ее экономическую и социальную сферу. В результате анализа автор приходит к выводу об острой необходимости создания научно обоснованной методики реализации международной молодежной политики.

Ключевые слова: демократическое государство; молодежная политика; молодое поколение; развитые страны; молодежь; поддержка

Для цитирования: Тимофеева Е.А. Теоретико-методологические основы изучения государственной молодежной политики в условиях развития демократического государства. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):40-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-40-46

ORIGINAL PAPER

Theoretical and Methodological Foundations of the Study of State Youth Policy in the Conditions of the Development of a Democratic State

E.A. Timofeeva

State Duma, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of the state approach to the implementation of youth policy in democratic countries. The author analyzes the trends in the orientation of youth policy in the United States of America, European countries, as well as the in the Russian Federation. The relevance of this study is due to the changes that are now occurring in all spheres of life of the world community, destabilising the policy of many developing and developed states by influencing its economic and social sphere. In the course of analyzing the effectiveness of the implementation of youth policy in these countries, the author comes to the conclusion that there is an urgent need to create a scientifically based methodology for the implementation of international youth policy.

Keywords: democratic state; youth policy; young generation; developed countries; youth; support

For citation: Timofeeva E.A. Theoretical and methodological foundations of the study of state youth policy in the conditions of the development of a democratic state. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):40-46. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-40-46

В большинстве стран мира время от времени происходят многочисленные митинги, обусловленные самыми разнообразными причинами: начиная от несогласия населения с экономией государством энергоресурсов и заканчивая активным противостоянием общей политике государственных

лидеров и пр. Обычно на такие митинги выходит именно молодое поколение в возрасте до 35 лет. Многими авторами такой факт объясняется в том числе отсутствием в разных государствах реальной молодежной политики [1].

Все это так или иначе сказывается на отношении молодежи к государству, поэтому

в настоящее время все демократические страны для стабилизации социальной обстановки изучают и разрабатывают новейшие подходы к осуществлению государственной молодежной политики.

Говоря о ней, следует начать с определения термина «молодежная политика», широко распространенного как в международной, так и отечественной доктрине. В Основах молодежной политики, которые были разработаны Советом Европы и Европейской комиссией, указано, что «молодежная политика — это стратегия, осуществляемая государственными органами власти в целях предоставления молодым людям возможностей и практического опыта, необходимых для успешной интеграции в общество и функционирования в качестве активных и ответственных членов своих социумов и инициаторов перемен»¹. Уровень развития демократического государства во многом зависит именно от эффективности осуществления молодежной политики, которая проводится в государстве, а также ее достижений в рамках улучшения жизнедеятельности молодого поколения. Объясняется это тем, что граждане государства зрелого возраста, как правило, более консервативны и готовы принимать изменения в осуществлении государственной политики даже в том случае, если они каким-либо образом ограничивают их права.

Молодежи же сегодня необходимо отстаивать свои интересы в государственных масштабах для улучшения собственного благополучия. По нашему мнению, в жизнедеятельности молодых людей на данный момент времени главенствует принцип, который проще всего выразить следующим вопросом: если не ты, то кто?

Стоит отметить, что формирование концепций развития молодежной политики странами Европейского союза основывалось на принятии ими обязательств по поддержке талантливой молодежи путем предоставления ей прав на бесплатное образование, грантов, стипендий и иных мер стимулирования. Например, Европейский союз и Совет Европы [2] проводят различные молодежные программы (например,

«Erasmus+»²) в области образования, профессиональной подготовки и спорта.

По существу дела, поддержка студентов с материальной точки зрения — это то направление в молодежной политике, которое необходимо развивать, так как оно способствует улучшению качества образования молодого человека ввиду того, что ему не нужно заботиться о своем содержании.

В противном же случае приходится выбирать между успешным освоением материала и качественной самоподготовкой, а также параллельным обеспечением себя средствами к проживанию [3].

Более того, некоторые вузы категорически против того, чтобы студенты подрабатывали во внеучебное время, но, в свою очередь, не готовы обеспечивать студентов достаточными денежными средствами. Таким образом, жизнь молодого человека превращается в выживание, что крайне пагубно сказывается на качестве его жизни и, как следствие, может привести к не самым благоприятным последствиям для нашего социума в контексте развития в юноше «бунтарского духа» и противостояния государственной политике.

Именно поэтому для дальнейшей поддержки молодых людей по окончании ими учебных заведений в странах Европы разработан Пакет поддержки занятости молодежи в ЕС и Европейская программа повышения квалификации, основной задачей которых является закрепление и усовершенствование имеющихся у молодых людей навыков и компетенций, связанных с инновациями, а также развитие социальной и профессиональной многогранности³. Стоит отметить, что Европа начала интегрировать молодежь в политику еще в прошлом столетии.

Так, К. Норвиг заметил, что именно молодежь имеет ключевое значение в интеграционных процессах с середины прошлого столетия, когда реализовалась первая общеевропейская молодежная акция «Мы — Европа» (1951–1958 гг.)⁴.

² URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/programme-guide/part-a/priorities-of-the-erasmus-programme/objectives-features>

³ URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1161&langId=en&intPageId=3332>

⁴ URL: <https://www.eui.eu/Research/HistoricalArchivesOfEU/News/2013/04-15-WeareEurope-TheEuropeanYouthCampaign1951-1958andtheroleofyouthinunitingEurope>

¹ URL: <https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/47261953/Youth+Policy+Essentials+-+updated.pdf/92d6c20f-8cba-205f-0e53-14e16d69e561>

Однако британский специалист М. Смит отмечает, что современная европейская стратегия молодежной политики ориентирована на индивида, а не на группы и их приоритеты [4]. Отметим, что такая стратегия более демократична, так как молодежная политика должна реализовываться в отношении всех молодых людей, независимо от их групповой принадлежности.

Е. А. Карагулян и Д. О. Тепляков, изучая молодежную политику скандинавских стран, отмечают, что она строится с учетом ежегодных изменений в потребностях молодежи, что помогает максимально улучшить условия ее жизнедеятельности. При этом заметно повышается авторитет государства. Выработка доверия к государству и государственным органам, которые корректируют свою деятельность в зависимости от проводящейся молодежной политики, способствует эффективной реализации политики в государстве в целом [5].

Для дальнейшей поддержки молодых людей по окончании ими учебных заведений в странах Европы разработан Пакет поддержки занятости молодежи в ЕС и Европейская программа повышения квалификации, основной задачей которых является закрепление и усовершенствование имеющихся у молодых людей навыков и компетенций, связанных с инновациями, а также развитие социальной и профессиональной многогранности.

Например, в Дании основное направление молодежной политики нацелено на усовершенствование медицинских услуг, предоставляемых молодым людям, а Швеция и Финляндия сконцентрировались на решении проблем молодежи в психологической сфере. Исландия же пропагандирует распространение здорового образа жизни среди молодого поколения.

Приоритетной основой демократического строя государства выступает должный уро-

вень организации молодежных объединений в политической системе общества. Именно молодое поколение играет ведущую роль в период важнейших социально-политических и экономических изменений, происходящих в мировом сообществе.

С учетом возрастания социальной активности молодежи на фоне цифровизации общества, данной категории лиц и их участию в осуществлении государством своих непосредственных задач необходимо уделять большее внимание. Сегодня достаточно актуальным является политологический анализ функциональных закономерностей, ролевой специфики и социальной активности молодежи, которая часто объединяется в форме различных организаций для реализации собственных или общегосударственных инициатив [6].

Что касается молодежной политики Соединенных Штатов Америки, она, в отличие от европейского подхода, ориентирована в основном на тех молодых людей, которые являются наименее защищенными и неблагополучными и не могут самостоятельно реализовать свой потенциал в условиях, определенных государством [7].

Отметим, что молодежную политику США нельзя назвать государственной в полном значении этого слова, так как осуществляется она в основном благодаря средствам негосударственных структур — частных и некоммерческих общественных объединений [8]. В дополнение к этому стоит сказать, что распространенным явлением в США являются национальные молодежные движения, которые создаются церковными организациями. К их числу относятся, например, «Лютеранская лига» или «Национальная федерация католической молодежи» [9].

В свою очередь, Российская Федерация, являясь полноценным демократическим государством, разрабатывает и ежегодно совершенствует государственную политику в сфере молодежи. В нашем государстве она определена на законодательном уровне и представляет собой совокупность мер различной направленности (от нормативно-правовой до кадровой, научной и т.д.), которые реализуются посредством сотрудничества между государственными органами власти как федерального, так и регионального, местного уровней при активной поддержке институтов гражданского

общества, различных юридических лиц всех организационно-правовых форм, а также граждан Российской Федерации, в частности, зарегистрированных в качестве самозанятых и индивидуальных предпринимателей, которые нацелены на организацию наиболее благополучных условий осуществления самореализации молодежи, развития ее творческого потенциала и гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания, способствующего глобальной конкурентоспособности и, наконец, национальной безопасности Российской Федерации⁵.

Стоит подчеркнуть, что отечественная наука предлагает исследователям вопросы и иные заслуживающие внимания варианты возможной характеристики молодежной политики.

Так, Д. А. Роговцов указывает на то, что под государственной молодежной политикой следует понимать как государственную, так и общественную деятельность, основным направлением которой должно стать формирование нетипичного, творческого и в какой-то степени прогрессивного мышления молодого поколения, базирующегося на предоставлении соответствующих поощрений и льгот, которые являются неким гарантом «сохранения, развития и реализации социально-культурных, экономических и политических традиций и интересов конкретного социума и определенной страны в долгосрочной перспективе» [10].

К. В. Болдырева и В. С. Самсонов, исследуя сущность молодежной политики на государственном и муниципальном уровнях, отмечают, что в условиях современного развития общества она представлена в виде деятельности государственных органов, направленной на обеспечение молодых людей условиями, в которых максимально успешно должна происходить их самореализация, а также как «социально-позитивная деятельность молодежных объединений и молодежных инициатив и деятельность по созданию определенных законодательством гарантий для молодежи в правовой, экономической и иных сферах жизни» [11].

В Российской Федерации осуществлением молодежной политики занимается Федеральное агентство по делам молодежи (далее — Рос-

молодежь) — основной федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере государственной молодежной политики. Руководство его деятельностью осуществляет Правительство Российской Федерации⁶.

На сегодняшний день основными направлениями деятельности Росмолодежи являются:

- развитие волонтерских движений в России в качестве стержня гражданского общества, особенно необходимого для нашей страны в условиях современной политической ситуации;

- помощь молодым людям в сфере предпринимательства, а именно — в получении знаний, навыков, необходимых для осуществления предпринимательской деятельности, а также оказание материальной поддержки в виде грантов на проекты, которые, например, пользуются популярностью на Дальнем Востоке;

- повышение уровня патриотизма, осознанности среди молодого поколения, содействие в коммуникации между старшими и младшими поколениями;

- развитие творческих индустрий в государстве путем стимулирования творческих проектов молодежи (к слову, творческая индустрия играет особую роль в развитии эмоционального интеллекта, который в свою очередь является важным индикатором успешности человека в социальной сфере [12]);

- содействие развитию инновационных технологий, создаваемых молодым поколением, материальная поддержка инновационных разработок, а также создание условий для деятельности молодых людей;

- поддержание международных дипломатических отношений, в том числе путем проведения международных слетов молодежи, различных конференций;

- развитие среди молодых людей идей экологической направленности в целях формирования устойчивого общества.

Через эти направления реализуется одна из основных задач российского государства — социализация и вовлечение молодого поколения

⁵ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>

⁶ О Федеральном агентстве по делам молодежи: постановление Правительства РФ от 29.05.2008 № 409. Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 22. Ст. 2586.

в политическую жизнь нашего государства с учетом духовных, нравственных и традиционных ценностей России [13]. Успешная реализация данной задачи предопределяет развитие российского общества и его отношение к осуществляемой государством политике.

Сфера молодежной политики отличается тем, что в ней отсутствуют единые теоретико-методологические основы.

На сегодняшний день не разработан обоснованный именно с точки зрения общественных наук подход, отсутствуют эффективные стратегии, которые были бы направлены на реализацию молодежной политики на всех уровнях осуществления государственной и муниципальной власти [14].

В связи с этим предлагается разработать методы осуществления молодежной политики, осуществить выбор направления ее деятельности.

В настоящее время форумы, семинары и иные мероприятия, проводимые Росмолодежью, в основном имеют региональную или же общероссийскую, а не международную направленность.

Это обуславливается наличием между Россией и многими западными странами серьезных противоречий по вопросам национальной безопасности и государственной политики. Однако, по мнению автора, нравственные основы молодого поколения в разных странах не могут кардинально отличаться именно в фундаментальных аспектах самой молодежной политики как самостоятельного явления общественной жизнедеятельности современного социума.

Таким образом необходимость сотрудничества в сфере молодежной политики между странами, что окажет эффективное влияние на таких ее направлениях, как: борьба с террористическими организациями, продвижение активного и здорового образа жизни, обмен творческими идеями и планами по сохранению окружающей

среды. Молодежное сотрудничество выступает важным фактором обеспечения устойчивого социально-экономического развития, а также повышения конкурентоспособности стран в условиях мировой глобализации [15].

При этом, как отмечает Н. Нифодис, программы молодежной политики, разработанные, например, Европейским союзом, имеют своей целью поощрение формирования европейской идентичности и европеизации молодежи [16]. Учитывая сказанное, они не могут быть положены в основу международной молодежной политики в силу своей направленности именно на граждан стран Европы, так как не учитывают традиционные ценности и многовековую историю России. Поэтому необходимо разработать такие программы, которые не были бы ориентированы на определенные страны, а предусматривали развитие общепринятых в обществе ценностей, таких как жизнь и здоровье человека (как психическое, так и физическое), природные ресурсы (некоторые из которых незаменимы).

Резюмируя вышесказанное, отметим, что на сегодняшний день возникла острая необходимость в модернизации подходов к международной молодежной политике с учетом сохранения традиций государств, ее осуществляющих.

Такая модернизация заключается в разработке единых теоретико-методологических основ реализации международной молодежной политики, общей концепции подхода к ее осуществлению и определению тенденций международного сотрудничества в данной сфере.

Думается, что усовершенствование молодежной политики в указанных направлениях на международном уровне позволит воспитать молодое поколение, придерживающееся высоких моральных и нравственных принципов, в частности, реализующее борьбу с экологическими проблемами, от которых зависит будущее всего человечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Панкратова Е. В. Мотивация протестного политического участия молодого и старшего поколений в представлениях россиян (на материале интервью). *Комплексные исследования детства*. 2021;3(1):38–47.
2. Баронина А. А. Реализация государственной молодежной политики на современном этапе в странах Европы. *Известия Иркутского государственного университета (Политология. Религиоведение)*. 2019;(30):40–53.
3. Тепляков Д. О. Экономические инструменты реализации интеллектуального потенциала молодежи в сфере высшего образования. *Russian Economic Bulletin*. 2020;3(5):74–78.

4. Smith M. Youth work beyond Connexions. URL: www.infed.org/personaladvisers/beyond-connexions.htm
5. Карагулян Е. А. Молодежная политика Скандинавских стран. *Экономика, предпринимательство и право*. 2021;11(8):2045–2062.
6. Толочко А. В. Проблемы становления и функционирования молодежных организаций: теоретический аспект. *Вопросы политологии*. 2019;5(45):918–926.
7. Власова К. В. Особенности молодежной политики в Соединенных Штатах Америки. *Тенденции развития науки и образования*. 2019;(53–2):55–57.
8. Чучкин М. Ю., Власова К. В., Ковешников Г. В., Ромадин С. П. Молодежная политика США (основные аспекты). *Colloquium-Journal*. 2019;18–7(42);16–17.
9. Chirun S. N. Political tolerance of the Russian youth. Social relations and conflicts in conditions of intensification of economic processes and dominance of liberal ideology XXI International Research and Practice Conference. London; 2016.
10. Роговцов Д. А. Понятие «государственная молодежная политика»: теоретико-концептуальный и политико-правовой аспекты. Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания. Сб. статей IV Международной научно-практической конференции. Могилев; 2021.
11. Болдырева К. В. Понятие и сущность молодежной политики на государственном и муниципальном уровне. Государство и общество в современной политике. Сб. научных статей по материалам 8-й Международной научно-практической конференции. Воронеж; 2021.
12. Rode J., Arthaud-Day M., Ramaswami A., Howes S. A time-lagged study of emotional intelligence and salary. *Journal of Vocational Behavior*. 2017;(101):77–89.
13. Османова М. А. Государственная молодежная политика: проектный подход. *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2022;2(84):140–143.
14. Умрихина Е. Е. Основы проведения государственной молодежной политики в Российской Федерации. *Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания*. 2021;3(27):36–38.
15. Гвалдин А. Ю. Международное молодежное сотрудничество в контексте реализации молодежной политики в Ростовской области: практики и перспективы. Теория и практика организации работы с молодежью. Сб. материалов международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону; 2022.
16. Nyfoudis N. European Youth Making Policy and the Europeanization of Youth: an analysis of the implementation of the Youth Program in Greece. URL: <https://gpsg.org.uk/wp-content/uploads/2014/06/2009-P1-Nyfoudis.pdf>

REFERENCES

1. Pankratova E. V. Motivation of protest political participation of young and older generations in the perceptions of Russians (based on interview material). *Kompleksnye issledovaniya detstva = Complex studies of childhood*. 2021;3(1):38–47. (In Russ.).
2. Baronina A. A. Implementation of state youth policy at the current stage in European countries. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta (Politologiya. Religiovedenie) = Bulletin of the Irkutsk State University (Political Science, Religious Studies)*. 2019;(30):40–53. (In Russ.).
3. Teplyakov D. O. Economic tools for realizing the intellectual potential of youth in the field of higher education. *Russian Economic Bulletin*. 2020;3(5):74–78. (In Russ.).
4. Smith M. Youth work beyond Connexions. URL: www.infed.org/personaladvisers/beyond-connexions.htm
5. Karagulyan E. A. Youth policy of the Scandinavian countries. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i parvo = Economy, entrepreneurship and law*. 2021;11(8):2045–2062. (In Russ.).
6. Tolochko A. V. Problems of formation and functioning of youth organizations: theoretical aspect. *Voprosy politologii = Questions of political science*. 2019;5(45):918–926. (In Russ.).
7. Vlasova K. V. Features of youth policy in the United States of America. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya = Trends in the development of science and education*. 2019;(53–2):55–57. (In Russ.).
8. Chuchkin M. Yu., Vlasova K. V., Koveshnikov G. V., Romadin S. P. Youth policy of the USA (main aspects). *Colloquium-Journal*. 2019;18–7(42);16–17. (In Russ.).
9. Chirun S. N. Political tolerance of the Russian youth. Social relations and conflicts in conditions of intensification of economic processes and dominance of liberal ideology XXI International Research and Practice Conference. London; 2016.

10. Rogovtsov D. A. The concept of “state youth policy”: theoretical-conceptual and political-legal aspects. State and law: actual problems of formation of legal consciousness: collection of Articles of the IV International Scientific and Practical Conference. Mogilev; 2021.
11. Boldyreva K. V. The concept and essence of youth policy at the state and municipal level. State and society in modern politics: collection of scientific articles on the materials of the 8th International Scientific and Practical Conference. Voronezh; 2021.
12. Rode J., Arthaud-Day M., Ramaswami A., Howes S. A time-lagged study of emotional intelligence and salary. *Journal of Vocational Behavior*. 2017;(101):77–89.
13. Osmanova M. A. State youth policy: project approach. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economics and business: theory and practice*. 2022;2(84):140–143.
14. Umrikhina E. E. Basics of state youth policy in the Russian Federation. *Aktual'nye problemy social'no-gumanitarnogo i nauchno-tehnicheskogo znaniya = Actual problems of socio-humanitarian and scientific-technical knowledge*. 2021;3(27):36–38. (In Russ.).
15. Gvaldin A. Yu. International youth cooperation in the context of the implementation of youth policy in the Rostov region: practices and perspectives. Theory and practice of organizing work with youth: Collection of materials of the international scientific and practical conference. Rostov-on-Don; 2022. (In Russ.).
16. Nyfoudis N. European Youth Policy Making and the Europeanization of Youth: an analysis of the implementation of the Youth Program in Greece. URL: <https://gpsg.org.uk/wp-content/uploads/2014/06/2009-P1-Nyfoudis.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Александровна Тимофеева — помощник депутата, Государственная Дума, Москва, Россия
Ekaterina A. Timofeeva — Deputy Assistant, State Duma, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0008-6771-336X>
sokolova-katya@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.05.2023; принята к публикации 15.06.2023.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article was received on 25.05.2023; accepted for publication on 15.06.2023.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-47-52
УДК 009(045)

Социокультурные достижения «советского проекта» как вектор мирового общественного развития

Е.И. Замараева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи обусловлена необходимостью полноценного научного анализа достижений советской эпохи, которая внесла исключительный вклад в мировое социокультурное пространство, продемонстрировав небывалые результаты в различных сферах человеческой жизни. Автор анализирует, прежде всего, сферу образования как ключевой фактор социокультурного развития. Отмечено, что «советский проект» дал уникальный опыт прорыва в области образования в различных его направлениях. Констатируется, что не менее определяющим стал план ГОЭЛРО, заложивший основы системной индустриализации. Анализ основных достижений «советского проекта» в области экономики позволяет сделать вывод о том, что рост экономических показателей определяет колоссальные изменения всей социокультурной парадигмы советского общества, которая, в свою очередь, определяет ценностные установки и в целом образ жизни советского человека. В конце статьи автор делает вывод о значении «советского проекта» в истории человечества.

Ключевые слова: «советский проект»; система образования; социокультурные достижения; системный подход

Для цитирования: Замараева Е.И. Социокультурные достижения «советского проекта» как вектор мирового общественного развития. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):47-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-47-52

ORIGINAL PAPER

Sociocultural Achievements of the “Soviet Project” as a Vector of World Social Development

E.I. Zamaraeva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the article is due to the need for a full-fledged scientific analysis of the achievements of the Soviet era, which made an exceptional contribution to the world socio-cultural space, demonstrating unprecedented results in various spheres of human life. The author analyzes, first of all, the sphere of education as a key factor in socio-cultural development. It is noted that the “Soviet project” gave a unique experience of a breakthrough in the field of education in its various directions. It is stated that the Soviet GOELRO plan became no less decisive, laying the foundations for systemic industrialization. An analysis of the main achievements of the “Soviet project” in the field of economics allows us to conclude that the growth of economic indicators determines colossal changes in the entire socio-cultural paradigm of the Soviet society, which, in turn, determines the values and the general way of life of the Soviet people. The author concludes that the “Soviet project” is a colossal socio-cultural breakthrough in the history of mankind, and the analysis of the best achievements of this project will allow us to avoid such mistakes and miscalculations in the future and bring our country to new heights, strengthen its sovereignty and confidently go into the future.

Keywords: “Soviet project”; education system; socio-cultural achievements; systematic approach

For citation: Zamaraeva E.I. Sociocultural achievements of the “soviet project” as a vector of world social development. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):47-52. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-47-52

Во времена геополитической турбулентности, когда кардинально пересматриваются основы мирового устройства, на помощь приходит ценный опыт предшествующих поколений, который является предостережением на будущее. Таковым выступает так называемый «советский проект», достижения которого пока не проанализированы в полной мере. А их было достаточно в самых разных областях человеческой жизни. Напри-

мер, «Десять дней, которые потрясли мир» заложили основы той социокультурной парадигмы, в которой мы сейчас живем, пользуясь благами, как само собой разумеющимися.

«Советский проект» — это высочайшие достижения в науке, технике, промышленности, экономике, здравоохранении, образовании, культуре. Экономика и образование тесно связаны друг с другом, и достижения или провалы в одной области влекут за собой изменения и в других, порой напрямую не связанных областях. Однако социокультурные достижения любой страны базируются на образовании.

Одно из важнейших достижений СССР — это образование. Неграмотных в дореволюционной России, по разным подсчетам, было 70–80% [1]. При этом грамотный в России того времени — это умеющий читать вывески и поставить подпись, т. е. речь идет о малограмотном человеке. Читать связные сложные тексты могли немногие. По данным переписи 1897 г., грамотных было всего 27%¹. По данным других исследователей, безграмотность достигала 90% [2]. Начальную школу посещали всего 30% детей в возрасте от 8 до 11 лет².

Советская власть кардинально меняет ситуацию. При этом меняется глобально вся система образования. В первую очередь образование постепенно становится всеобщим (сначала четырехлетнее, затем семилетнее, наконец, десятилетнее) и непрерывным: начальная школа, средняя, училище (ПТУ) и вуз.

Как строилась система образования в Российской империи? Образование не было непрерывным и тем более всеобщим, доступным каждому: начальная школа, городское начальное училище (3 класса), реальное училище или гимназия. В начальной школе и в начальных училищах не готовили к поступлению в гимназию — нужно было сдавать экзамены (испытания, как тогда называли, прежде всего, по древним языкам), а для этого требовалась подготовка, репетитор.

Образование в гимназии было платным. Могла ли рабочая или крестьянская семья себе это позволить? Вряд ли. Таким образом, сама система образования блокировала подобные возможности, не говоря уже о знаменитом

циркуляре «о кухаркиных детях» 1887 г., который официально назывался «О сокращении гимназического образования» и должен был ограничить доступ в учебные заведения детей из «неблагородных» сословий.

После реального училища можно было получить только техническую специальность, а в университет попадали только после гимназии.

Система образования в СССР с самого начала была социально ориентирована и кардинально отличалась от предыдущих.

Уже в 1918 г. была создана Государственная программа по подготовке проекта о единой непрерывной системе образования, и в 1918–1920 гг. для обучения педагогов стали организовывать педагогические техникумы, вузы и университетские отделения.

Еще одно важнейшее достижение в области образования — ликвидация безграмотности у взрослых. Это была единая государственная бесплатная программа, идеологом которой выступил В. И. Ленин. В декабре 1919 г. Совет народных комиссаров принял декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», согласно которому все граждане в возрасте от 8 до 50 лет, если они не умели читать, обязаны были учиться, причем или на русском, или на родном языке — по выбору человека.

В первую очередь, конечно, необходимо было выучить молодых людей до 30 лет — активистов, рабочих, красноармейцев — в очень сжатые сроки — до полугода.

В 1923 г. было создано даже специальное добровольное общество «Долой неграмотность», и сотни волонтеров начали занятия с безграмотными. Всего за десять лет было обучено грамоте до 10 млн взрослых³.

К 1936 г. в стране почти 40 млн людей стали грамотными. По данным переписи 1939 г., число грамотных лиц в возрасте от 16 до 50 лет приближалась к 90%⁴. А в 1930 г. было введено всеобщее начальное обучение.

Кроме того, существовала так называемая проблема беспризорных детей, составляю-

³ Статистический ежегодник 1922–1923 гг. (Выпуск первый). Труды Центрального Статистического Управления. Т. VIII. Вып. 5. Глава VII. М.; 1924:306.

⁴ Численность населения СССР на 17 января 1939 г.: по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам. М.: Госплан-издат; 1941. 266 с.

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб.; 1890–1907.

² Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. URL: <https://istmat.org/node/166>

щих важнейший социальный контингент, где необходимо было победить не только неграмотность, но и криминогенный менталитет. Детская беспризорность и безнадзорность — страшнейшее социальное явление советской России, возникшее в результате революций и Гражданской войны и достигшее в 1920-х гг. ужасающих размеров. В Российской Федерации беспризорников, по существующим данным, насчитывалось около 5 млн а в целом по Советскому Союзу — до 7 млн [3]. Из них формировалась криминальная среда, но советская власть сделала их полноправными и активными участниками нового социалистического общества. И это также уникальный и бесценный опыт «советского проекта». Уже в январе 1921 г. Президиум ВЦИК постановил организовать специальную комиссию по улучшению жизни детей, которую возглавил Ф. Э. Дзержинский. И начался уникальный социальный эксперимент по перевоспитанию трудных подростков, создание «трудовых коммун» для детей. Самыми известными были коммуны А. С. Макаренко, С. Т. Шацкого, М. С. Погребинского, В. Н. Сороки-Росинского, И. В. Ионина, в основе работы которых лежали идеи трудового образования и самоуправления [4]. А уже в мае 1935 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» фиксировало, что явление массовой беспризорности детей ликвидировано, однако проблема «трудных подростков» не исчезает из внимания правительства, она постоянно находится под надзором и контролем и со стороны правоохранительных органов, и со стороны родителей и всех заинтересованных.

Важнейшим социокультурным достижением в рамках «советского проекта» было создание письменности для 46 народов, которые до этого времени ее не имели. В кратчайшие сроки — в течение 15 лет после Октябрьской революции — этот проект был завершен. Дети и взрослые многих национальностей впервые в своей истории получили собственную письменность, книги, учебники и учебные пособия на родном языке, что позволило сохранить не только язык, но и развиваться культуре в целом [5].

Кроме того, советская школа формировала у детей и подростков целостную картину мира. Те, кто заканчивал школу в СССР, помнят, что

выпускники получали так называемый аттестат зрелости, т. е. сдавали экзамены по базовым дисциплинам: математике, физике, химии, литературе, русскому языку. Вся система образования формировала целостную картину мира [6]. Недаром она считалась одной из лучших. Именно поэтому Джон Кеннеди сказал о том, что космическую гонку США «проиграли русским за школьной партой».

В качестве важнейшего достижения «советского проекта» можно назвать Государственный план электрификации советской России (ГОЭЛРО). Почему это важно? Потому что электрификация коренным образом меняла жизнь как отдельного человека, так и общества в целом: быт, культуру, привычки, не говоря уже о промышленности.

В царской России электрификация осуществлялась за счет частных компаний, например, компания Сименса занималась уличным освещением городов, однако это была фрагментарная работа, причем половина объектов находилась в руках иностранного капитала, что существенно затрудняло работу. Несовершенство нормативной базы и частная собственность на землю также часто служили препятствием для проведения эффективной электрификации. Уже в 1902 г. существовал план строительства Волховской ГЭС, автором проекта которого был Генрих Осипович Графтио, но владелец земли не дал разрешения на строительство электростанции, и план тогда не был реализован. Это произошло только после Октябрьской революции, а сам Г. О. Графтио стал одним из активных участников проекта ГОЭЛРО.

Правительством по заданию и под руководством В. И. Ленина с 1917 по 1920 г. создавался план, утвержденный на VIII Всероссийском Съезде народных депутатов. Он был рассчитан на 15 лет и предусматривал строительство 30 районных электростанций (в 8 основных экономических районах страны), а параллельно шло строительство транспортной и промышленной системы. В этой работе приняли участие около двухсот ученых и инженеров под руководством Г. М. Кржижановского.

План ГОЭЛРО заложил основу индустриализации страны и был в основном выполнен к 1931 г. Выработка электроэнергии увеличилась не в 4,5 (как планировалось ранее), а в семь раз, по сравнению с 1913 г.

Лозунг «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» стал вектором социокультурного развития. Как справедливо считали большевики, социализм может победить, если даст более высокое качество жизни большинству населения страны. Это было бы невозможно без модернизации, первым этапом которой стала электрификация. План ГОЭЛРО лег в основу последующих пятилетних планов развития страны. Он был хорошо обоснован, явился настоящим прорывом в будущее, помог выиграть в страшной войне и всего лишь через шестнадцать лет после Победы отправить человека в космос. Наша страна до сих пор живет результатами этого прорыва.

Электрификация страны кардинально изменила всю жизнь простого человека, это касается не только промышленности, но и электрического транспорта, освещения (знаменитая «лампочка Ильича»), возможности учиться, заниматься творчеством, увеличения мобильности населения. Это был план, синергетический эффект от которого полностью изменил жизнь, привычки, быт людей. Известный философ-эмигрант И. Л. Солоневич, которого нельзя упрекнуть в симпатиях к советской власти, писал о «чрезвычайной экономической отсталости России по сравнению с остальным культурным миром». Русские до Первой мировой войны жили в 7 раз беднее американцев и в 2 раза беднее итальянцев. Оснащенность сельского хозяйства, а следовательно, урожайность в дореволюционной России была в 3–4 раза ниже, чем в Германии, «основная масса населения жила на нищенском уровне [7, с. 87].

Каковы же результаты работы «советского проекта» в первые годы советской власти, с 1929 по 1955 г.?

Советская экономика становится первой в Европе и второй в мире. Среднегодовой рост экономики (за вычетом 4-х военных лет) составляет 13,8% и повышается в 14 раз. Похожие показатели дают только Япония и Сингапур (более 9%) на протяжении 20 лет. Созданы и развиваются новейшие отрасли промышленности, которых не было в царской России, и передовые технологии, которых еще нет в мире. Отечественные научно-техническая школа и образование, как среднее, так и высшее, выходят на мировой уровень и, по оценкам специалистов, становятся лучшими [8, с. 26].

На 26 лет увеличилась продолжительность жизни, на 46 млн чел. выросло народонаселение. Все граждане без исключения имеют качественное и доступное образование и здравоохранение.

Рост реальной заработной платы людей увеличился в 4 раза, вкладов граждан в сберкассах — в 5 раз, реальных доходов рабочих — в 6 раз, крестьян — в 6,5 по отношению к 1913 г. [8, с. 28].

Для сравнения приведем показатели с 1991 по 1998 г., опубликованные в исследовании под руководством А. С. Галушки «Кристалл роста».

20 млн русских оказались за рубежом, убыль населения — 12 млн чел. (в основном трудоспособное население), т. е. больше, чем в годы Великой Отечественной войны.

В 90-е гг. наша страна вышла на первое место в мире по числу абортотворцев, разводов, социальному сиротству, количеству людей в тюрьмах, числу самоубийств и убийств, количеству наркоманов и алкоголиков [8, с. 35].

Каковы же ценностные ориентиры «советского проекта»? Какова мировоззренческая парадигма советского человека? Помимо материальных благ, которые были уже названы, изменились и духовные ценности. «Советский проект» формирует эпоху романтиков. Правительство поддерживало любые новаторские идеи: инженерные, научные, культурные. Инженеры получили возможность реализовать свои проекты, в частности О. Графтио. Интеллигенция 20–30-х гг. была устремлена в будущее: все человечество движется вперед, а мы — в авангарде. Отсюда прорывы во многих социокультурных областях: в технике, живописи, архитектуре, театре, кино, литературе, педагогике.

И государство это начинания финансировало, поддерживало. Правда, и требовало отчета о проделанной работе и потраченных средствах.

Были провозглашены идеалы добра, честности, справедливости, взаимопомощи, которые так близки большинству молодых людей. Стыдно и немодно было быть глупым, необразованным, жадным, трусливым, продажным, эгоистичным. Вспомним книги для детей А. Гайдара, В. Катаева, З. Воскресенской, Л. Кассиля и многих других, формировавшие идеалы, на которых воспитывались новые поколения советских людей.

Советская власть дала молодым людям возможность покорять Арктику, Сибирь, строить заводы, мосты, электростанции, осваивать новую технику, подниматься в небо, летать в космос...

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», — так пелось в известной советской песне. И именно поколение, возвращенное советской властью, отстояло нашу Родину во время Великой Отечественной войны, эти люди прекрасно понимали, за что они воюют и что защищают [9].

Современной молодежи, выросшей в парадигме индивидуализма и либеральных ценностей, не всегда понятны эти идеи и ценности, которые очень точно сформулировал один из культовых писателей советского периода

Н.А. Островский: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному в мире: борьбе за освобождение человечества» [10].

Таким образом, «советский проект» — это колоссальный прорыв в истории человечества. Конечно, были роковые ошибки, трагические потери, порой невосполнимые, но анализ лучших достижений этого проекта позволит нам избежать подобных просчетов в будущем и вывести нашу страну на новые высоты, укрепить ее суверенитет и уверенно идти в будущее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР. Ист.-стат. очерки. М.: Статистика; 1964. 195 с.
2. Страннолюбский А. Н. Состояние народного образования в селах Европейской России. *Русская школа*. 1893;(3–4):167.
3. Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью. *Государство и право*. 2003;(7):92–98.
4. Смирнов И. П. Детские трудовые колонии — предтеча советской педагогики (Шацкий С.Т). *Казанский педагогический журнал*. 2021;(2):7–19.
5. Замараева Е. И. Результаты культурной политики России в постсоветский период. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2016;(4):14–19.
6. Кулакова Н. Н. Трансформация образовательной сферы российского государства на примере преподавания истории и политологии: патриотические культурно-воспитательные акценты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):145–152. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-1-145-152>
7. Солоневич И.Л. Народная монархия. М.: Институт русской цивилизации; 2010. 624 с.
8. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра; 2021. 360 с.
9. Титов В. В. Образы советского прошлого как ресурс формирования национально-государственной идентичности россиян. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):20–24. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-20-24>
10. Островский Н. А. Как закалялась сталь. URL: https://librebook.me/kak_zakalialas_stal/vol1/1

REFERENCES

1. Bogdanov I. M. Literacy and education in pre-revolutionary Russia and in the USSR. Historical and statistical notes. Moscow: Statistika = Statistics; 1964. (In Russ.).
2. Strannolyubsky A. N. The state of public education in the villages of European Russia. *Russkaya shkola = Russian school*. 1893;(3–4):167. (In Russ.).
3. Krivonosov A. N. Historical experience in the fight against homelessness. State and law. 2003;(7):92–98. (In Russ.).
4. Smirnov I. P. Children's labor colonies are the forerunner of Soviet pedagogy (Shatsky S. T.). *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal = Kazan pedagogical journal*. 2021;(2):7–19. (In Russ.).
5. Zamaraeva E. I. The results of the cultural policy of Russia in the post-Soviet period. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2016;(4):14–19. (In Russ.).

6. Kulakova N. N. Transformation of the educational sphere of the Russian state on the example of teaching history and political science: patriotic cultural and educational highlights. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):145–152. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-1-145-152> (In Russ.).
7. Solonevich I. L. People's monarchy. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2010. 624 p. (In Russ.).
8. Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov M. O. Growth crystal to the Russian economic miracle. Moscow: Nashe Zawtra = Our Tomorrow; 2021. 360 p. (In Russ.).
9. Titov V. V. Images of the Soviet past as a resource for the formation of the national-state identity of Russians. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):20–24. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2020-10-3-20-24> (In Russ.).
10. Ostrovsky N. A. As the Steel Was Tempered. URL: https://librebook.me/kak_zakalialas_stal/vol1/1 (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Ивановна Замараева — кандидат философских наук, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena I. Zamaraeva — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Humanities and social studies, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

zamaraeva_e@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.04.2023; принята к публикации 15.05.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 20.04.2023; accepted for publication on 15.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-53-57
УДК 303.022+323.2(045)

Миф как политический инструмент воздействия на общественное сознание

Н.П. Волкова^а, А.А. Волкова^б

^а Московский авиационный институт (НИУ), Москва, Россия;

^б Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены аспекты применения мифологизации в общественно-политическом дискурсе. Определена роль мифов в формировании индивидуальных и коллективных представлений о государстве и политических процессах. Проанализированы функции политического мифа, выделены его политико-психологические особенности и ценностно-смысловые основы. В результате анализа авторы выявили, что мифы применяются в политических целях и являются инструментом поддержания легитимности существующего строя через механизмы оправдания событий и героизации подвигов людей. Путем выделения одних событий и пренебрежения другими политический миф может конструировать и дополнять образы прошлого в интересах действующей власти или общественной элиты.

Ключевые слова: миф; политический миф; мифологизация; влияние на общественное сознание; поддержание легитимности политической власти

Для цитирования: Волкова Н.П., Волкова А.А. Миф как политический инструмент воздействия на общественное сознание. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):53-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-53-57

ORIGINAL PAPER

A Myth as a Political Tool for Influencing Public Consciousness

N.P. Volkova^а, A.A. Volkova^б

^а Moscow Aviation Institute (NRU), Moscow, Russia;

^б Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The authors research aspects of the implementation of mythologization in the socio-political discourse. They determine the role of the political myth in the creation of individual and collective representations about the state and political processes. The article contents analysis of functions of the political myth. The political and psychological features of the myth and its value-semantic basis are given. As a result of the analysis, the authors revealed that myths are used for political purposes as a tool for maintaining the legitimacy of the existing system through mechanisms of justification events and glorification of people's feats. The political myth can construct and change images of the past in the interests of the government or the public elite due to highlighting some events and overshadowing others.

Keywords: a myth; a political myth; mythologization; the impact on public consciousness; maintaining the legitimacy of political power

For citation: Volkova N.P., Volkova A.A. A myth as a political tool for influencing public consciousness. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):53-57. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-53-57

Люди всегда ощущали настоящее путем его связи с прошлым, находящим свое выражение в историческом сознании народа, которое не может быть свободно от мифов [1]. Эти мифы сохраняют и передают из поколения в поколение историческую память народа.

Мифологизация определенных событий всегда имела место в истории человечества. Возможности мифа многогранны и очень велики, поэтому люди достаточно часто прибегают к его использованию. Значимость мифологических представлений оценивается по их способности

влиять на воображение масс, а жизнестойкость зависит от того, насколько они связаны с ценностными ориентирами той аудитории, на которую направлены.

Мифы живут в историческом сознании народа с самой ранней древности. Изначально они служили объяснением картины мира, которая не могла быть познана рационально, выступая своеобразным регулятором общественных отношений посредством утверждения в них определенных традиций и моральных норм [2]. Иное отношение к мифам стало формироваться в контексте распространения религии и развития науки, под воздействием которых они стали терять свою истинность в представлениях людей, получив новую жизнь в форме произведений литературы и искусства [3]. Исходя из этого, можно сказать, что мифы выступают своеобразным способом познания действительности и существующего миропорядка, с одной стороны, и служат средством интерпретации событий прошлого — с другой. Основой мифа является вера в то, что сказанное и воображаемое совпадает с действительностью, поэтому, чтобы прижиться в историческом сознании народа, он должен содержать в себе долю убедительной, непреложной истины — тогда миф становится результатом уникального переплетения правды и вымысла, заставляющих общество верить в него и поддерживать [4]. Т. Аполте и Дж. Мюллер делают выводы о том, что «мифы и идеологии могут стать устойчивыми в группе в процессе социального взаимодействия, в котором члены рационально придерживаются пост-рационализации какого-либо мифа, наблюдая, что другие члены делают то же самое» [5, с. 2].

Французский философ и политик Ж. Сорель писал, что люди не могли бы действовать, если бы не выходили из области настоящего [6]. По его мнению, миф следует рассматривать в качестве средства воздействия на настоящее. И как бы парадоксально это ни звучало, людям, поддерживающим тот или иной миф, не важно, что именно из его содержания предназначено для действительного осуществления в плане будущей истории, — имеет значение его содержание в целом, поскольку отдельные части только придают рельефность идее. Согласно концепции Ж. Сореля мифы формируют в умах людей образы и чувства, которые побуждают их к совершению действия и по итогу могут привести к падению правящего режима. Его теория выстраивается

на проблеме «всеобщей забастовки» — ярком проявлении социальной борьбы, которая формирует миф, поддерживаемый революционным пролетариатом, настроенным на воплощение в жизнь социалистической доктрины — слишком темной и таинственной для того, чтобы стать реальностью [6].

В связи с тем, что мифы могут выступать в роли механизма, стимулирующего осуществление какого-либо действия и наделяющего слова новым функциональным смыслом, они начинают активно использоваться в политике, способствуя поддержанию легитимности благодаря созданию образа исторической преемственности своей политики и консолидации общественности путем привлечения ее внимания к определенным историческим событиям и личностям [7]. Политический миф — это миф, использующийся в политическом пространстве с целью легитимации, распределения и упрочения власти, а также трансляции ценностей политических институтов и отдельных политиков. По мнению С.В. Рязановой, «из феномена, описывающего мир, определяющего границы человеческого познания, он превращается в инструмент для разрешения противоречий и издержек политической сферы, легитимации участников политической деятельности, выполнения компенсаторной функции для малообразованных слоев общества, особенно в ситуациях протеста против правящего режима» [8, с. 87]. Согласно выводам С.И. Белова, «политический миф представляет собой изначально искусственно конструируемую форму мировосприятия, основанную на обращении к сфере эмоций и направленную на манипуляцию общественным сознанием» [9].

Для ряда социально-политических мыслителей миф тесно взаимосвязан с политической идеологией: Р. Барт считал, что это инструмент идеологии [10]. По логике С. Хизанишвили, политический миф не будет иметь идеологического влияния на политическую арену, если он «не способен обрести парадигматическую ценность и не способен создать логическую модель как существующей, так и будущей реальности» [11].

По мнению А.Г. Иванова, для того, чтобы политический миф обрел внутреннее единство и смог претендовать на участие в процессе обеспечения политической стабильности, необходимо наполнить его конкретными фактами, событиями, действиями, изысканными нарративами, которые объединяли бы в себе архаику и современность,

индивидуальное и коллективное, уникальное и общее [12]. Миф выполняет по отношению к политической сфере этиологическую функцию, указывая на истоки и механизмы формирования политических отношений. Также он реализует нормативную функцию, благодаря которой задаются границы политической жизни. Определяя политические отношения, он, с одной стороны, накладывает на ключевые действующие лица ряд черт, из которых проистекают их права и обязанности, а с другой — способствует предотвращению их нарушения [8].

Воздействуя на картину мира человека, мифы возвеличивают одни события и преуменьшают значимость других, что может способствовать перераспределению акцентов и изменению характеристик, к примеру, при смене негативных черт на положительные в процессе героизации личности. Согласно высказыванию С. В. Перевенцева, «мифологизация» — есть абсолютизация какой-то одной «интерпретации» как единственно правильной, отрицание иных «интерпретаций», стремление утвердить данную «интерпретацию» в качестве общепринятого понимания прошлого» [13]. Таким образом, изменяя субъективные ориентиры человека, политический миф может конструировать и дополнять образы прошлого в интересах действующей власти или общественной элиты. В процессе мифологизации формируется историческая картина, которая используется для поддержания нацией своей идентичности и придания значимости своей истории. Информация, усвоенная человеком посредством «принятия» мифа, оказывает прямое воздействие на формирование образов времени и пространства, социальных отношений и статусов [14]. Для преодоления слабости ценностно-символических связей люди обращаются к поиску своих мифологических «корней» — к тому, на чем можно выстроить консолидированное общество в будущем [15]. А. Ф. Лосев указывал, что миф выступает в роли консолидирующего символа [16]. Ярким примером этого является легенда швейцарской нации о Вильгельме Телле, который стал символом духа свободы и героизма жителей лесных кантонов, борющихся против австрийского угнетения.

Мифологизация, наравне с интерпретацией и фальсификацией, является разновидностью условного искажения действительности, которое становится инструментом оправдания, активно применяющегося в политике. К оправдательной

функции активно прибегали немецкие руководители после окончания Первой мировой войны. Так, принц М. Баденский считал, что проигрыш в войне связан с «ударом кинжалом в спину», нанесенным мнимой изменнической деятельностью руководства рейха [17]. Таким образом, мифы выступают, с одной стороны, инструментом преодоления кризиса национально-государственной идентичности (посредством консолидации общественности вокруг ключевых для страны символических событий), а с другой — инструментом оправдания. Консолидация общества с помощью мифа подкрепляется отсутствием оппозиции как таковой, потому что она нарушает целостность мира, в котором все согласовано [18]. Поэтому наиболее часто мифы возникают в период военного времени или кризисов, когда от сплоченности населения зависит будущее государства. Воспроизводя универсальные и непреложные истины, они поддерживают онтологическую ценность: «универсальная логическая связь формирует политическое пространство внутри любой традиционной культуры, заставляя весь социум существовать в едином культурном ритме» [8, с. 89].

Так, современные исследователи пришли к выводу, что политический миф является инструментом управления общественным сознанием [19]. Его применяют для осуществления информационных противоборств. «Миф становится неотъемлемой, хоть и неявной, частью государственной атрибутики наряду с флагом, гербом и гимном» [20, с. 1382]. По мнению С. Б. Баглюка, в информационной войне использование мифа направлено на то, чтобы посеять недоверие к действующему политическому режиму. Для него миф — это пространство «самовыражения, свободной творческой реализации любых замыслов и раскрытия глубинных переживаний» [21, с. 19].

Таким образом, можно заключить, что миф обладает большой силой, способной заменить истину своей собственной интерпретацией в интересах политической власти и общественной элиты. Его объясняющая, консолидирующая и нормативная функции определяют наше представление о социально-политической действительности. И все это ведет к тому, что он становится политическим инструментом воздействия на общественное сознание с целью поддержания легитимности существующего строя через оправдание одних событий и героизацию других.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб.: Владимир Даль; 2004. 426 с.
2. Flood Ch.G. Political myth: A theoretical introduction. N.Y., London, Routledge Publishig house; 2002. 256 p.
3. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 286 p.
4. Шестов Н.И. Политический миф теперь и прежде. М.: ОЛМА-ПРЕСС; 2005. 409 с.
5. Apolte T. Müller J. The persistence of political myths and ideologies. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0176268021000641?via%3Dihub> DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2021.102076
6. Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер; 2013. 293 с.
7. Юн Сан-С., Вальдман И.А. Элементы мифологического сознания и процессы интеграции и дезинтеграции в социокультурной коммуникации современного общества. *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2019;8(5):20–27. DOI: 10.34670/AR.2019.45.5.032
8. Рязанова С.В. Политический миф как явление: вчера, сегодня и всегда. *Вестник Пермского научного центра*. 2016;(5):86–91.
9. Белов С.И. Соотношение концептов «политический миф» и «исторический миф». *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2018;(3):39–48.
10. Барт Р. Мифологии. М.: Издательство им. Сабашниковых; 2004. 320 с.
11. Khizanishvili S. Essence of «Political Myth». *Advances in Social Sciences Research Journal*. 2020;7(6):472–476. DOI: 10.14738/assrj.76.8409
12. Иванов А.И. Гарантийное изменения политического мифа. *Томский государственный университет. Философия. Социология. Политология*. 2019;(49):69–78.
13. Перевезенцев С.В. Историческое сознание: опыт типологизации. *Тетради по консерватизму*. 2017;(3):11–21.
14. Vriese H. Political myth and sacrifice. *History of European Ideas*. 2017;(43):808–824. DOI: 10.1080/01916599.2017.1321567
15. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилок. *Политические исследования*. 2015;(4):12–21.
16. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль; 2001. 559 с.
17. Мёллер Х. Веймарская Республика: опыт одной незавершенной демократии. Пер. с нем. М.: РОССПЭН; 2010. 311 с.
18. Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения*. 2015;(2):16–25.
19. Segal R. Myth: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press; 2015. 112 p.
20. Русакова О.Ф., Андреева А.К., Шаждекеев Д.А. Политический миф как результат и средство ведения современных информационных войн. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/80369/1/978-5-91256-440-6_2019_143.pdf?ysclid=llktbzkhcw813002910
21. Баглюк С.Б. Особенности процесса трансформации мифа в инструмент информационной войны. *Евразийский Союз Ученых (ЕСУ)*. 2021;2(83):19–23.

REFERENCES

1. Lowenthal D. The past is a foreign country. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2004. 426 p. (In Russ.).
2. Flood Ch.G. Political myth: A theoretical introduction. N.Y., London, Routledge Publishig house; 2002. 256 p.
3. Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 286 p.
4. Shestov N.I. Political myth now and before. Moscow: OLMA-PRESS; 2005. 409 p. (In Russ.).
5. Apolte T. Müller J. The persistence of political myths and ideologies. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0176268021000641?via%3Dihub> DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2021.102076
6. Sorel J. Reflections on violence. Moscow: Falanster; 2013. 293 p. (In Russ.).
7. Yun San-Svet., Val'dman I. Elements of mythological consciousness and processes of integration and disintegration into socio-cultural communication of modern society. *Kontekst I refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and reflection: philosophy about the world and human*. 2019;8(5):20–27. (In Russ.).
8. Ryazanova S.V. Political myth as a phenomenon: yesterday, today and always. *Vestnik Permskogo nauchnogo centra = Bulletin of the Perm Scientific Center*. 2016;(5):86–91. (In Russ.).

9. Belov S. I. The relationship of the concepts “political myth” and “historical myth”. *Vestnik Moskovskogo universiteta Seriya 12. Politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political sciences.* 2018;(3):39–48. (In Russ.).
10. Bart R. of Mythology. Moscow: Sabashnikovs publishing house; 2004. 320 p. (In Russ.).
11. Khizanishvili S. Essence of “Political Myth”. *Advances in Social Sciences Research Journal.* 2020;7(6):472–476. DOI: 10.14738/assrj.76.8409
12. Ivanov A. The narrative dimension of a political myth. *Tomskiy gosydarstvenniy universitet. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Tomsk State Yniversity. Philosophy. Sociology. Political science.* 2019;(49):69–78. (In Russ.).
13. Perevezentsev S. Historical consciousness: experience of classification. *Tetrady po konservatizmu = Notebooks on conservatism.* 2017;(3):11–21. (In Russ.).
14. Vriese H. Political myth and sacrifice. *History of European Ideas.* 2017;(43):808–824. DOI: 10.1080/01916599.2017.1321567
15. Malinova O. Y. Myth as a category of symbolic politics: analysis of theoretical junctions. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political studies.* 2015;(4):12–21. (In Russ.).
16. Losev A. F. Dialectics of myth. Moscow: Mysl'; 2001. 559 p. (In Russ.).
17. Meller H. The Weimar Republic: the Experience of one incomplete Democracy. Doronina A. V. Moscow: ROSSPEN; 2010. 311 p. (In Russ.).
18. Zavershinskiy K. Political myth in the structure of modern symbolic politics. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya = Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Political Science. International relations.* 2015;(2):16–25. (In Russ.).
19. Segal R. Myth: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press; 2015. 112 p.
20. Rusakova O., Andreeva A., Shazhdekeev D. Political myth as a result and means of conducting modern information wars. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/80369/1/978-5-91256-440-6_2019_143.pdf?ysclid=llktbzkhcw813002910 (In Russ.).
21. Baglyuk S. V. Features of the process of transformation of myth into an instrument of information warfare. *Evraziyskiy souz uchenih = Eurasian Union of Scientists (EUU).* 2021;2(83):19–23. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Нина Петровна Волкова — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия», Московский авиационный институт (научно-исследовательский университет), Москва, Россия
Nina P. Volkova — Cand. Sci (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy of the Moscow Aviation Institute (Research University), Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8402-3645>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
petronavolkova@mail.ru

Александра Андреевна Волкова — магистр 1-го курса факультета политологии, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Alexandra A. Volkova — 1st year Master of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia <https://orcid.org/0000-0003-1977-1326>
sandra-volkova@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.03.2023; принята к публикации 25.05.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 14.03.2023; accepted for publication on 25.05.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-58-63
УДК 329.18(045)

Политический транзит в Германии в 20–30-е годы XX века: предпосылки, ход, особенности течения

В.В. Зубов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается проблема регрессивного политического транзита в Германии в 20–30-е гг. прошлого столетия, повлекшего за собой переход от буржуазно-демократической Веймарской республики к преступному террористическому режиму Третьего рейха. Раскрываются общие теоретические положения о политическом транзите, разбирается влияние политической трансформации на все компоненты социума. Обозначается ход изменения уклада и милитаризации немецкой экономики, описывается гомогенизация политического поля, приведшая к установлению однопартийной диктатуры. Замечается, что тоталитарный характер транзита постулировался как самими нацистами, которые видели во всеобъемлющем поглощении общества благо и выражение собственного могущества, так и убежденными противниками расистской диктатуры, справедливо выступавшими против тотальной экспансии, ирредентизма и антисемитизма. В заключение делается вывод о том, что в сфере властных отношений нацистский транзит повлек за собой полную стерилизацию политического поля, очищение пространства от конкурентных сил путем запугивания и уничтожения, в экономике произошло изменение уклада со смешанного на командно-административный с уклоном в сторону милитаризации, в духовно-нравственной сфере установилась единая нацистская идея расового господства «арийцев» и закрепилась апология силы, агрессии и подавления

Ключевые слова: политический транзит; транзитология; Германия; Веймарская республика; национал-социализм

Для цитирования: Зубов В.В. Политический транзит в Германии в 20–30-е годы XX века: предпосылки, ход, особенности течения. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):58-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-58-63

ORIGINAL PAPER

Political Transit in Germany in the 20–30s XX Century: Background, Course, Features

V.V. Zubov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article examines the problem of regressive political transit in Germany in the 20–30s of the last century, which led to the transition from the bourgeois-democratic Weimar Republic to the criminal terrorist regime of the Third Reich. The general theoretical provisions on political transit are revealed, the influence of political transformation on all components of society is analyzed. The course of changes in the way of life and militarization of the German economy is outlined, the homogenization of the political field that led to the establishment of a one-party dictatorship is described, the political and philosophical features of the unification of the ideological field are revealed. It is noted that the totalitarian nature of transit was postulated both by the Nazis themselves, who saw in the comprehensive absorption of society the benefit and expression of their own power, and by convinced opponents of the racist dictatorship, who rightly opposed total expansion, irredentism and anti-semitism. In conclusion, it is stated that in the sphere of power relations, the Nazi transit entailed the complete sterilization of the political field, the purification of space from competitive forces through intimidation and destruction, a change in the way of life from mixed to command-administrative with a bias towards militarization took place in the economy, a single nazi idea of racial domination was established in the spiritual and moral sphere the “aryans” and the apology of force, aggression and suppression was fixed

Keywords: political transit; transitology; Germany; Weimar Republic; national socialism

For citation: Zubov V.V. Political transit in Germany in the 20–30s xx century: Background, course, features. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):58-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-58-63

ВВЕДЕНИЕ

История Германии прошлого столетия показала, что развитое общество в течение нескольких лет способно под влиянием маргинальных и открыто враждебных политических сил видоизмениться и стать угрозой всему человечеству. Изучение негативного опыта мировой политической истории должно способствовать извлечению тяжелых уроков с тем, чтобы не допустить повторения мировых войн и беспрецедентных акций, направленных на уничтожение этнических групп и покорение идеологически чуждых народов. В этой связи крайне важным представляется исследование политической специфики функционирования уже состоявшихся экспансионистских диктатур, и в особенности — путей трансформации государств из цивилизованных акторов политического процесса в террористические организации, несущие угрозу миру и безопасности. Причем наиболее страшные и члеловеконенавистнические амбиции, как показывает всемирная история, были продемонстрированы нацистским режимом Третьего рейха, что актуализирует потребность в первостепенном исследовании предпосылок, хода и особенностей течения регрессивного политического транзита в Германии в прошлом веке.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ТРАНЗИТЕ

В общем и целом проблема политического транзита уже давно исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными. Более того, в политической науке выделяется самостоятельное теоретическое направление, занимающееся изучением транзитного процесса, — транзитология.

Заметим, что в российском политологическом сообществе имеют место два противоположных подхода к определению политического транзита. По мнению Г. С. Працко и В. С. Шпака, в транзитологии, как правило, «речь идет о демократических транзитах, хотя следует отметить, что существуют и другие, нетранзитные пути, направления развития к «лучшей» форме государственного устройства, управлению и контролю за ней «снизу», т.е. населением, гражданами, неправительственными учреждениями, организациями, институтами, а также протестным движением» [1, с. 71]. Ученые справедливо полагают, что исчерпывать политические транзиты переходом от диктаторских режимов к демократическим не стоит, в то же время мы не можем согласиться с тем, что транзит как

противоположность нетранзитным путям в обязательном порядке представляет собой движение от «худшей» формы государства к «лучшей». Безусловно, транзит — это качественный переход, но смена качества далеко не всегда сопряжена с прогрессом. Более обоснованным представляется подход А. В. Линецкого, согласно которому «в современной политической науке под термином “транзит” понимается комплексный процесс трансформации общественной среды в совокупности ее... изменений от одной модели к другой» [2, с. 40]. Ученый верно замечает, что «“транзит” — это понятие, обозначающее просто движение от одного качественного состояния социальной макросистемы к другому» [2, с. 40]. Соответственно, транзит отличается от модернизации, предполагающей совершенствование, улучшение, прогресс политического пространства.

Таким образом, **политический транзит** — это процесс качественной (модернизационной либо регрессивной) смены политических отношений (в том числе легальных норм и неформальных ценностей), опосредующий трансформацию формы государства в целом или политического режима в частности и принципиально меняющий состояние экономической и культурной сфер, а также социальной структуры общества.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И МИЛИТАРИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Перед экономической сферой Веймарской республики стояли следующие задачи: 1) стабилизация народного хозяйства после Первой мировой войны; 2) снижение репарационного бремени; 3) обеспечение бюджетной сбалансированности и роста государственных доходов.

Восстановлению экономики в 20-е гг. прошлого столетия в Германии способствовали рецепция передовых технологий и постепенное обновление основных капиталов. Наметились тенденции стандартизации и механизации производства, на базе электрификации стали распространяться конвейерно-поточные подходы в автомобилестроении, что закономерно образом благоприятно повлияло на производительность труда. В целом, модернизация народного хозяйства привела к тому, что «в 1927 году германская промышленность по общему объему производства вышла на довоенный уровень» [3, с. 163].

Снижению репарационного бремени способствовал план Дауэса, за счет которого удалось, с одной стороны, снизить на четыре года регуляр-

ные аннуитетные платежи с сохранением общей суммы репараций, а с другой стороны, сделать немецкую экономику открытой для притока иностранных инвестиций. Впрочем, реализация подобных мероприятий находилась под международным контролем, что делало внутреннюю бюджетную политику страны зависимой от воли истеблишмента стран-победительниц.

Самостоятельная финансово-экономическая политика веймарских властей в целом носила либеральный характер. Государство стремилось сокращать свое прямое влияние на экономику и переходить к косвенным мерам экономического воздействия через бюджетные, налоговые и инвестиционные механизмы, установление таможенных тарифов и пошлин, кредитование.

Приход к власти нацистов и сопутствующее ему установление тоталитарной однопартийной диктатуры Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) повлекли за собой трансформацию экономической системы. Социально ориентированное рыночное хозяйство сменилось централизацией экономики, усилением государственного вмешательства и милитаризацией промышленности. Летом 1933 г. в Германии создается Генеральный совет германского хозяйства, оказавший значительное влияние на принятие в 1934 г. так называемого «Закона об органическом построении экономики». Здесь надо обратить внимание на то, что плановая модель нацистской экономики строилась на базе элитарного, а не коллективистского миропонимания и предполагала нахождение рычагов управления народнохозяйственным комплексом в руках небольшой группы элиты и лично лидера НСДАП [4, с. 55].

В литературе замечено, что «с 1934–1935 гг. большая часть государственных расходов стала неуклонно направляться на вооружение» [3, с. 232], а «с 1936 г. милитаризация стала неприкрытой» [3, с. 234]. Переход немецкой экономики на военные рельсы сопровождался закреплением изоляционистского курса (автаркии), стремлением к достижению внутренней ресурсной обеспеченности, установлением директивного планирования. Милитаризация экономики подталкивала тяжелую и добывающую промышленность к наращиванию темпов производства и добычи стратегически важного сырья для нужд оборонного комплекса.

Все вышеозначенное свидетельствовало о том, что нацистская Германия целенаправленно гото-

вилась к вооруженной агрессии против ведущих стран цивилизованного мира, а трансформация экономики в сторону плановой служила лишь одной цели — развязыванию крупномасштабной войны в Европе.

ГОМОГЕНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Политическая жизнь Веймарской республики основывалась на конкурентном сосуществовании политических сил различного спектра — от немецких националистов до сторонников левых взглядов. На территории Германии до установления нацистского диктата существовали Немецкая национальная народная партия (НННП), Баварская народная партия (БНП), Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Коммунистическая партия Германии (КПГ), Национал-социалистическая немецкая рабочая партия (НСДАП).

Основой формирования высшей власти в Веймарской республике являлись выборы. В ходе голосования за пост президента победу в 1925 и 1932 гг. одержал Пауль фон Гинденбург, который оставался главой государства вплоть до 1934 г. Впрочем, наиболее значимыми, с точки зрения политической истории, оказались выборы в рейхстаг 31 июля 1932 г., по результатам которых за НСДАП проголосовало 37,2% избирателей (13,7 млн человек) [3, с. 190]. Несмотря на то что национал-социалисты не обеспечили себе парламентского большинства, данное событие стало отправной точкой в нацистском политическом транзите. Однако здесь надо заметить, что в исторических исследованиях отражена и другая дата, с которой ассоциируется начало нацистского периода в немецкой истории — 30 января 1933 г. — день подписания Гинденбургом указа о назначении лидера НСДАП рейхсканцлером. Тем не менее полная формально-правовая консолидация всей верховной власти в руках нацистского фюрера произошла уже после смерти президента Гинденбурга. 19 августа 1934 г. был проведен якобы «народный референдум», в ходе которого легитимизировалась полная узурпация власти нацистами.

Придя к власти, нацисты приступили к полномасштабной зачистке политического поля, унификации общественного пространства и насаждению монопольного диктата собственной партии. Считаю важным обратить внимание на основные рестрикции, связанные с укреплением нацистского диктата. В апреле 1933 г. в Герма-

нии принимается закон, согласно которому на государственную службу могли притязать лишь лица «арийского» происхождения, что очевидным образом свидетельствовало о переходе к дискриминационному этническому курсу. 14 июля 1933 г. санкционируется закон о запрете образования новых политических партий, за чем последовала легализация монополии Национал-социалистической немецкой рабочей партии на высшую власть в Германии. Окончательное сращивание НСДАП и государства произошло в декабре 1933 г., связывается оно с принятием «Закона об обеспечении единства партии и государства».

УНИФИКАЦИЯ ИДЕЙНОГО ПОЛЯ

Тоталитарный политический транзит в духовной жизни Германии привел к насаждению и повсеместному распространению посредством пропагандистских приемов единой национал-социалистической идеологии, которая охватывала собой не только политическую печать и популярную прессу, но и литературу, кино, науку, образование и воспитание.

В сущности, национал-социализм как разновидность политической идеологии для целей историко-политического анализа обладает теми базисными признаками любой идеологии, на которые мы обращали внимание ранее: «концептуальная обоснованность, экспансионизм, массовость, цельность, простота и доступность, ангажированность, догматизм» [5, с. 22].

Концептуальное обоснование представляет собой набор исходных тезисов и аргументов, на основе которых делаются дальнейшие политические выводы. При этом из концептуального обоснования как признака политической идеологии вовсе не следует, что сама идеология носит объективно доказанный характер. Речь идет всего лишь о том, что фундаментном любой идеологии служит некий концепт.

В основе национал-социализма лежит расовая концепция, которая вне зависимости от нацизма разрабатывалась Жозефом Артюром де Гобино, Хьюстоном Стюартом Чемберленом, Гансом Фридрихом Карлом Гюнтером. Жозеф Гобино стал своего рода пионером расистской мысли. В «Опыте о неравенстве человеческих рас» философ утверждает, что «мысль о врожденном, исходном и раз и навсегда установленном неравенстве между разными расами является одной из самых распространенных с незапамятных времен» [6, с. 46], т.е., по сути, идея расового неравенства

относится к числу органичных воззрений. Ганс Гюнтер выступает против смешения людей из разных этнических типов в целях сохранения расовой чистоты, однако он не принимает категорию «арийской» расы. Что касается самой дефиниции узловой категории, то раса для разработчиков одноименного учения — это однородная социальная группа, характеризующаяся общностью физических и интеллектуально-эмоциональных качеств и воспроизводящая себе подобных.

Экспансионизм политической идеологии выражает стремление ее лидеров и проводников к как можно более полному захвату политического пространства. Экспансионизм может быть как латентным (т.е. в данном случае не признаваемым политической силой или авангардными группами внутри нее), так и явным. Идеология нацизма изначально обозначала в качестве цели полное и неоспоримое тоталитарное доминирование в социальном пространстве, которое должно пронизывать все общество.

Массовость нацистской идеологии выразилась в проведении целого комплекса пропагандистских мероприятий с целью осуществления вышеназванной идейной экспансии. Конечное предназначение пропаганды состояло в создании широкого круга сторонников НСДАП, из которых впоследствии можно будет создавать партийный костяк.

Простота и доступность политической идеологии показывают ее массовую ориентацию, ведь невозможно посредством пропаганды распространять в широких слоях населения сложные и трудные для восприятия мыслительные конструкции. Потому неудивительно, что всю нацистскую идею можно передать в качестве набора адаптированных идеологем (превосходство «арийской» расы; раса как высшая ценность; доминирование партии в обществе и государстве; ирредентизм; антисемитизм; вождизм).

Цельность идеологии свидетельствует о ее определенности и внутренней завершенности. Национал-социализм в этом отношении — законченное ультраправое террористическое движение, воспевающее насилие, собственную непогрешимость и культивирующее агрессию.

Ангажированность политической идеологии — это то же, что и тенденциозность. По сути, она означает жесткое, ригористическое проведение собственной точки зрения и принципиальное непринятие иных позиций и взглядов. А поскольку нацизм как массовое движение страдал редук-

ционизмом и упрощенчеством, то в качестве основного аргумента воспевалась сила, и речь шла преимущественно о насильственном подавлении противников.

Догматизм национал-социализма выражает эмоциональную сторону принятия теми или иными адептами политического мировоззрения. И опять-таки речь идет не о рациональной, а об эмоциональной составляющей. Предполагалось, что нацизм может стать своего рода политической религией, принимаемой без доказательств: верность мировосприятия определялась через веру в постулаты.

По нашему убеждению, важно обратить внимание на то, что национал-социализм в некотором смысле способствовал дискредитации традиционной правой политической идеи за счет тоталитаризма, античеловеческой направленности, примитивности, непонимания сути и содержания элитаристской идеи.

На первый компонент, в частности, обращал внимание итальянский философ Юлиус Эвола. По его мнению, «традиционное государство органично, а не тоталитарно», поскольку «оно строится на иерархической основе и допускает существование частичной автономии» [7, с. 209]. «Абсолютная власть, сосредоточенная в центре истинного государства, — пишет Эвола, — становится естественным центром притяжения для всех его частей» [7, с. 209]. Причем «эта власть — которую государство может и должно заставить уважать — обладает правом вмешательства в чрезвычайных обстоятельствах или при принятии важных решений» [2, с. 209]. Это значит, что государство, обладающее подлинным авторитетом, согласно правой идее, прибегает к подавлению (т.е. демонстрирует авторитарные черты) лишь в исключительных целях, а не обозначает террор в качестве ведущего способа политической борьбы.

Примитивность нацизма выражается в искаженной интерпретации расовых воззрений. Нацисты провели извращение ряда выводов в угоду собственным политическим интересам, что послужило отправной точкой для уничтожения шести миллионов евреев и посягательства на территориальную целостность Советского Союза.

Наконец, идеология нацизма проявила непонимание ее разработчиками сути и предназначения правых взглядов. Нацисты, проводя популистский курс, ориентировались в своей деятельности на широкие народные массы (эгалитаризм), а не на малочисленные социальные группы (элитаризм), что следует из включения в название партии слов «рабочая» и «социалистическая». Довольно странной представляется идея однопартийности в тоталитарном государстве, где ведущая политическая сила и публичная власть срашиваются: теряется любой смысл существования партии. Нацисты провели десакрализацию самоценности государства, механически объявив его средством для развития немцев как расы, а не целью политической и социальной жизни.

ВЫВОДЫ

В заключение отметим, что произошедший в Германии политический транзит, за которым последовал приход национал-социалистов к власти, явил собой пример непродолжительной по историческим меркам трансформации страны от неустойчивой веймарской буржуазной демократии к тоталитарному террористическому режиму. Причем, что удивительно, тоталитарный характер данного транзита постулировался как самими нацистами, которые видели во всеобъемлющем поглощении общества благо и выражение собственного могущества, так и убежденными противниками расистской диктатуры, справедливо выступавшими против тотальной экспансии, ирредентизма и антисемитизма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Працко Г.С., Шпак В.Ю. Политические транзиты и трансформации. *Философия права*. 2013;(5):69–72.
2. Линецкий А.В. Транзитология — место и роль в современной политической науке. *Вестник СПбГУ. Серия 6*. 2010;(2):40–46.
3. Бетмахаев А.М., Бяликowa Т.А., Галактионов Ю.В. и др. История Германии. Учебное пособие. В 3-х т. Т. 2. М.: КДУ; 2008. 673 с.
4. Марченко А.Н. К вопросу об экономической конституции Третьего рейха. *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2012;(5):47–56.
5. Зубов В.В. Сравнительный анализ идейных платформ политических партий в контексте политической борьбы (на примере ФРГ и ГДР времен холодной войны). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):20–26.

6. Гобино Ж.А. Опыт о неравенстве человеческих рас. М.: Одиссей: Олма-Пресс; 2000. 765 с.
7. Эвола Ю. Политические трактаты. М.: Опустошитель; 2020. 388 с.

REFERENCES

1. Pratsko G. S., Shpak V. Yu. Political transits and transformations. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2013;(5):69–72. (In Russ.).
2. Linetsky A. V. Transitology — place and role in modern political science. *Vestnik SPbGU. Seriya 6 = Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6*. 2010;(2):40–46. (In Russ.).
3. Betmakaev A. M., Belikova T. A., Galaktionov Yu. V. [et al.] The history of Germany: a textbook. In 3 t. Vol. 2; Moscow: KDU; 2008. 673 p. (In Russ.).
4. Marchenko A. N. On the question of the economic Constitution of the Third Reich. *Elektronnoe prilozhenie k "Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu" = Electronic appendix to the "Russian Law Journal"*. 2012;(5):47–56. (In Russ.).
5. Zubov V. V. Comparative analysis of ideological platforms of political parties in the context of political struggle (on the example of Germany and the GDR during the Cold War). *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Science. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):20–26. (In Russ.).
6. Gobino J. A. Experience on the inequality of human races. Moscow: Odyssey: Olma-Press; 2000. 765 p. (In Russ.).
7. Evola Y. Political treatises. Moscow: Opustoshitel; 2020. 388 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Вадим Владиславович Зубов — кандидат исторических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Vadim V. Zubov — Cand. Sci. (History), Associate professor, Department of political science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

zubov305@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.05.2023; принята к публикации 15.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.05.2023; accepted for publication on 15.06.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Понятие народа – между сообществом памяти и воображаемым сообществом: философские наблюдения о концептуальном этногенезе

Ч.Д. Копривица

Белградский университет, Белград, Сербия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие «народ», и в качестве двойственной, полемической, частично друг друга исключая теоретической матрицы используется противопоставление понимания народа как сообщества памяти и как воображаемого сообщества. Наша цель, однако, состоит не только в подытоживании двух теоретических позиций, мы намерены с помощью известных концепций и традиций попытаться внести небольшой вклад в освещение бытия народа, используя, прежде всего, философский концептуальный аппарат, а по мере необходимости – социальную онтологию. **Ключевые слова:** народ; нация; воображаемое сообщество; сообщество памяти; общая судьба; антирепрезентализм; коллективная интенциональность; социальная онтология

Для цитирования: Копривица Ч.Д. Понятие народа – между сообществом памяти и воображаемым сообществом: философские наблюдения о концептуальном этногенезе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2023;13(4):64-67. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-64-67

The Concept of the Nation – Between the Community of Memory and the Imagined Community: Philosophical Observations on Conceptual Ethnogenesis

Ch.D. Koprivitsa

University of Belgrade, Belgrade, Serbia

ABSTRACT

The article deals with the concept of “people” people and as a dual, polemical, partially excluding each other theoretical matrix, the opposition of understanding the people as a community of memory and as an imaginary community is used. Our goal, however, is not only to sum up the two theoretical positions, but with the help of well-known concepts and traditions, we intend to try to make a small contribution to the elucidation of the existence of the people, using, first of all, the philosophical conceptual apparatus, and, as necessary, social ontology.

Keywords: people; nation; imagined community; memorial community; common destiny; antirepresentalism; collective intentionality; social ontology

For citation: Koprivitsa Ch.D. The Concept of the Nation – Between the Community of Memory and the Imagined Community: Philosophical Observations on Conceptual Ethnogenesis. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University.* 2023;13(4):64-67. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-64-67

СМЫСЛ ВОСПОМИНАНИЙ О СУДЬБЕ

Когда говорят, что народ есть «сообщество памяти» [1], мы не станем понимать это как общую аффективно заряженную ориентацию на прошлое, потому что, якобы, только в ней можно найти что-то достаточно ценное, обычно — это какое-то событие, положившее начало созданию национальной общности, которая ныне существует лишь в памяти. Воспоминание, скорее всего, находится в *адверби-*

альном положении к какому-то интенциональному объекту, например к конкретному народу (хотя иногда говорят и о цивилизационном сообществе памяти). Народ не смог бы сохранить себя, если бы не было какого-то совместного, по меньшей мере, ментального действия, подтверждающего его существование. Память есть не что иное, как действие, эвоцирующее сообщество, сравнимое с тем, что в традиционной метафизике называется

generatio continua. Коллективное действие, без которого нет этнического коллектива, также можно было бы назвать «со-чувством», поскольку воспоминания о чем-то переживаемом как драгоценном неотделимы от коэмоциональности. Конкретные эмоциональные модальности могут быть различными — как совместная радость, так и совместная скорбь — и все это достигает эвокативного эффекта. Помимо этого, в данном контексте мы также можем говорить и об ориентации на будущее через общую проекцию членов сообщества. Важно то, что, если некоторые индивиды что-то (этнически плодотворное) *сделали сообща*, то образуется народное сообщество. Название этого совместного действия и способ его операционализации могут варьироваться и теоретически, и реально, но оно *является конститутивным для идентичности*.

Сообщество, поддерживаемое совместно осуществляемым и впоследствии всегда повторяемым действием, должно тематизироваться не только ретроспективно, но и перспективно; если оно совместно помнит, ожидает и дожидается (своего) будущего, а также обладает «чувством общей судьбы», то это — *сообщество судьбы*.

Разговоры об общей судьбе отдельного сообщества означают не то, что у него она какая-то уникальная, а то, что его члены ретроспективно и перспективно чувствуют себя взаимосвязанными. Скрытое содержание этой «единой судьбы» можно было бы примерно сформулировать следующим образом: *осознавая то, что наши предки разделяли общую судьбу, мы, их потомки, готовы продолжать делать это вместе*.

Для сообщества память не является самоцелью и тем более вопросом какой-то одержимой потребности жить прошлым, а не настоящим и будущим. Воспоминание — это коинтенциональная (через совместное действие) доступная модальность эвокации принадлежности к собственному сообществу. Память, однако, не действие, посредством которого преднамеренно производится определенный эффект. Исходя из сочувственности своих членов, этнический коллектив побочно непреднамеренно (в процессе становления) констатирует свою сплоченность — вплоть до собственного существования [2]. Таким образом, он начинает существовать как *со-чувствующее (себя) сообщество*. «Народность» возникает тогда, когда совместно испытываемое чувство близости в какой-то момент превращается в (сочувствующее) «общее бытие». Народ, по крайней мере в стандартном случае, не возникает из какого-то априорного намерения, но его появление

саморефлексивно констатируется. На основе этого и образуется общая память.

Народ есть коллектив, который и по своим границам, и по своей сущности определяется тем, что он (исторически) *вместе пережил* и продолжает помнить. Те события, которые произошли, сказываются на построении его бытия. Однако только некоторые из преходящих событий сохраняются в памяти народа и со временем становятся основами его идентичности.

Без формирования духовной функции памяти коллектив вообще не может стать народом, тем более «историческим». Первое общее воспоминание ложится в «фундамент» и является основой новых воспоминаний, а затем каждое последующее совместно пережитое и потенциально памятное событие становится проверкой на прочность для предыдущих.

ВООБРАЖЕНИЕ КАК КАТАЛИЗАТОР ИМАГИНАРНОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Теория нации как воображаемого сообщества имеет явно критический характер. На то, что она якобы *воображаемый конструкт*, должно указывать то обстоятельство, что «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации [...] все сообщества крупнее первобытных деревень, объединенных контактом лицом-к-лицу (а, может быть, даже и они), — воображаемые» [3]. Из тезиса о том, что члены определенной группы *актуализируют* свою принадлежность к ней посредством представления, Б. Андерсон делает вывод, что и сам интенциональный объект этого акта (народ) *«производится»* именно посредством воображения (*imagination*). Означает ли это, что объект лишен внементальной референциальности? Тогда нация была бы конструктом/продуктом коллективной *интенциональности* тех, кто *желает* вообразить себя ее частью.

Подобное высказывание аналогично утверждению, что истина должна быть субъективной (т.е. по своему содержанию зависящей от исполнителя акта ее констатации), потому что никто не может соображать универсально объективно — только через личный перцептивно-понятийный аппарат. Таким образом, получается, что средства достижения цели со-конституируют ее, а суть цели сводится к действиям средств.

Воображаемое сообщество, внутри которого вряд ли все знакомы друг с другом, по своей сути *символическое существо*. Взаимосвязь его членов опосредована действительностью конститутивных

символов. Их аффективный заряд компенсирует абстрактность отношений между никогда не встречавшимися соотечественниками.

Один из недостатков теории нации как воображаемого сообщества — то, что она исходит из кажущегося самоочевидным предположения о том, что даже многочисленные общины должны быть представлены малым коллективам — через личное *я-ты*-отношение. Поскольку большая часть членов многочисленных сообществ никогда не встречалась со всеми своими соотечественниками, сторонники такой интерпретации прибегают к тезису *воображения* как компенсации их личного «незнакомства». Хотя межличностное *я-ты*-отношение возможно и внутри сообщества, контакты его членов опосредованы взаимодействием между индивидуумом и символическим ядром данного коллектива. Казалось бы, парадоксально, — символы кажутся безличными, но конкретизирующими, и являются центрами идентичности для создания больших коллективов, в которых каждый человек лично знаком только с некоторыми их членами.

Всякий человеческий коллектив в *определённом смысле* воображаемый. Каждое коллективно-общественное явление (семья, класс, нация и т.д.) воображается, так как это не природные явления, которые можно констатировать посредством чувственного восприятия. В этом смысле нация как самовоображаемое сообщество не представляет собой ничего особенного.

Когда первое поколение *почувствует* свою принадлежность, и это чувство общности упрощается, можно говорить о существовании народа. Со-чувственность феноменологически первичнее воображения, она логически предшествует ему и обуславливает его — и потому должна занимать более важное место в концептуализации народа.

О КОНСТИТУТИВНОСТИ АКЦИДЕНТАЛЬНОСТИ ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

«Именно национализм порождает нации, а не наоборот» [4], поэтому феномен национализма не является следствием (предыдущего) существования феномена нации, а, наоборот, нация есть изобретение национализма, т.е. националистов. Это напоминает ироническое примечание Фейербаха: не Бог создал человека, а человек Бога. Кроме того, создавая (свою) нацию, «модерные» националисты, согласно этому выводу, должны, конечно, задним числом реконструировать «домодерный» народ как мнимую историческую основу (т.е. предтечу

своей нации) для того, чтобы скрыть, что нация — их выдумка.

Приемлемо ли тогда для марксистов (если сравнивать идеологически нарративные предпочтения) думать, что идентичность рабочего *класса* есть изобретение идеологов рабочего движения XIX в.? Рабочий класс, несомненно, не является сообществом памяти, хотя идеологи марксизма, опираясь на тезис о том, что вся история есть история классово-борьбы, пытались изобрести и внедрить в сознание современников «память» о предыстории борьбы угнетенных за освобождение — от восстаний рабов в античности и до наших дней. От идеи о том, что рабочий класс представляет собой «сообщество общей судьбы», которая как марксистский контртезис противопоставлялась национальной судьбе, едва ли остается какой-либо глубокий след.

С *обществом* дела обстоят не лучше. Разумеется, что как теоретическое, так и разговорное употребление этого слова предполагает, что совокупность социальных акторов, их взаимодействий, социальных явлений (которые на самом деле конституируются дифференциацией взаимных интересов и, значит, находятся в состоянии взаимного спора) сходится в единстве *одного* Общества. Общество, подобное (одной) Истории, (одной) Культуре, должно быть *singularia tantum*¹ — таково, по крайней мере, молчаливое семантическое «предположение» этого понятия — даже если интенциональный объект соответствующего термина совсем не однороден, монолитен и, наконец, — *один*.

Как же объяснить происхождение народности? Загадочность этого феномена волнует исследователей уже давно: «Одна нация [...] *есть* множество людей, *желающих* стать [той же] нацией» [5]. Эта парадоксальная циркулярность указывает на то, что национализм возникает из *воли*, причем ее появлению должен предшествовать некий толчок, который в некотором обществе объективно ситуационно близких людей вызывает прилив симпатической однородности. Этот толчок необходимо усилить и перевести сосуществование тех, на кого он воздействует, на более высокую ступень самопереживания, чтобы он стал твердым эмпирическим фактом коллективного существования. Народ как *перформативный самопроизводитель* есть парадоксальная *causa sui*². В этом отношении народ как носитель «само-воли» должен быть и своим «предшественником», и своим «потомком». Вопрос

¹ От лат. — единственное только.

² От лат. — причина самого себя.

о происхождении народа, о его онтологической ἀρχή³, по всей видимости, не может быть решен исторически, а только — трансторически.

Когда путем однажды установленной и затем регулярно повторяемой коллективной интенциональности образуется одно *мы*, т.е. когда воображаемый коллективный субъект через коллективную интенциональность схватывает свой объект — тогда создается *коллективный объект*, приписываемый именно этому *коллективному субъекту* как исполнителю акта коллективного самовоображения. После этого группа фактически становится народом.

Генезис народа с точки зрения национального репрезентализма можно рассматривать и диалогически:

Бароны, навязавшие Иоанну Плантагенету Великую хартию, не говорили по-английски и не мыслили себя англичанами, но 700 лет спустя в школьных

учебниках Соединенного Королевства были определены как первые патриоты [3].

К тому можно добавить следующее утверждение: «Такое представление является *ретроспективной иллюзией*...» [6]. Возражение Андерсона состоит в том, что идентичностные неоднородности в истории формирования того, что потом признается нацией, делают неоправданной интерпретацию древних коллективных идентичностей к тому, что возникало на их основе на протяжении времени.

Приобретение своеобразного характера необходимости чего-то первоначально случайного можно наглядно проиллюстрировать по аналогии с примером из природы. Песчаник, по сути, состоит из песка, и то, что он когда-то был рыхлым и чувствительным к внешним воздействиям, например ветру, не означает, что из него не получится что-то твердое. Таким образом, даже случайно соединившиеся племена при благоприятных условиях могут достичь формы самобытности и стать *народом*.

³ От греч. — начало, основание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Пер. с нем. М.: Языки славянской культуры; 2004. 363 с.
Assman Ya. Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Transl. from Germ. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury; 2004. 363 p. (In Russ.).
2. Scheler M. Wesen und Formen der Sympathie. Bonn: Friedrich Cohen Verlag; 1923. 372 с.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле; 2001. 287 с.
Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Per. from Engl. Moscow: Kanon-press-C, Kuchkovo pole; 2001. 287 p. (In Russ.).
4. Геллнер Э. Нации и национализм. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1991. 289 с.
Gellner E. Nations and nationalism. Transl. from Eng. Moscow: Progress; 1991. 289 p. (In Russ.).
5. Fröbel J. Theorie der Politik. Wien: C. Gerold's Sohn; 1861.
6. Balibar É. The Nation and Form. History and Ideology. *Review (Fernand Braudel Center)*. 1990; XIII(3):329–361.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Часлав Данилович Копривица — доктор философских наук, очередной профессор факультета политических наук, Белградский университет, Белград, Сербия

Chaslav D. Koprivica — Dr. Sci. (Philosophy), Regular Professor of the Faculty of Political Sciences, University of Belgrade, Belgrade, Serbia

<https://orcid.org/0000-0002-9548-6597>

caslav.koprivica@fpm.bg.ac.rs

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.05.2023; принята к публикации 20.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.05.2023; accepted for publication on 20.06.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-68-76
УДК 32(045)

Особенности модернизационных процессов на Западе и в Китае

С.А. Просеков

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие модернизации и варианты его определения. Само явление до сих пор часто трактуется как вестернизация, хотя развитие ряда азиатских стран, и прежде всего Китая, демонстрирует, что типов, или версий модернизации, может быть много. В свете новых научных данных исследуются основные положения М. Вебера о невозможности развития буржуазного строя в Китае, связанные с его анализом конфуцианской и даосской ментальности в сравнении с протестантскими принципами «человека экономического». На конкретном материале показано, что европоцентристская методология чаще всего не дает ценных объективных результатов. Это требует проработки новой методологии для изучения китайского национального менталитета, в частности в аспекте его возможности формировать принципы современного мышления и прилагать их к хозяйственной жизни.

Ключевые слова: модерн; модернизация; ментальность; конфуцианство; даосизм; протестантизм; Китай; личность; «лицо»; спасение; сотериология; магия; рацио; экстаз; эмпиризм; семейственность; достижение; сетевое общество; сетевой индивид

Для цитирования: Просеков С.А. Особенности модернизационных процессов на Западе и в Китае. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):68-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-68-76

ORIGINAL PAPER

Features of Modernization Processes in the West and China

S.A. Prosekov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In the article "Modernization in China" discusses the concept of modernization and options for its definition. The phenomenon itself is still often interpreted as westernization, although the development of a number of Asian countries, and above all of China, shows that there can be many types or versions of modernization. In the light of new scientific data, the main provisions of M. Weber on the impossibility of the development of the bourgeois system in China, related to his analysis of the Confucian and Taoist mentality in comparison with the Protestant principle of "economic man", are explored. It is shown on concrete material that Euro-centrist methodology often does not give valuable objective results. This requires a new methodology for studying the Chinese national mentality, in particular in the aspect of its ability to form the principles of modern thinking and apply them to economic life.

Keywords: modernity; modernization; mentality; Confucianism; Taoism; Protestantism; China; personality; "face"; salvation; soteriology; magic; ratio; ecstasy; empiricism; nepotism; achievement; network society; network individual

For citation: Prosekov S.A. Features of modernization processes in the West and China. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):68-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-68-76

При изучении сущности и метаморфоз китайской ментальности в конце XX и начале XXI вв. возникает круг методологических проблем, связанных с самим понятием «модернизация». Если ментальность понимается как «способ быть человеком» и при этом «способ такого способа» определяется у исследователей по-разному, то и трактовка понятия «модерниза-

ция» применительно к развитию социума до сих пор не имеет однозначного определения.

Европоцентристская идея модернизации как вестернизации возникла давно, это гегельянская традиция, продолженная К. Марксом и А. Кожевным. Она укрепилась тридцать лет назад в связи с провозглашенным Ф. Фукуямой в статье 1989 г. «концом истории», якобы повсеместным и неиз-

бежным торжеством либерально-демократических режимов западного образца [1]. Несмотря на то что сама главная идея потерпела крах, автор от нее отказался, отошел от неоконсервативного движения и очевидным образом «полевел». Инерция общественно-политической мысли такова, что исследователи до сих пор повторяют слова про «правильную» и «неправильную» сторону истории, ратуя за насаждение «либеральных демократий» хоть бы и «гуманитарными бомбардировками». По меньшей мере уже лет двадцать назад в мировой научной мысли появились аргументированные протесты против европоцентристского понимания модерна (modernity) как непрямого и высшего этапа в развитии всех социумов мира по примеру Западной Европы и США, а модернизации — как следования по единственно верному европейскому пути при переходе от аграрного общества к индустриальному, (в терминологии марксизма — к буржуазной общественно-экономической формации). Однако и до сих пор очень часто под модернизацией понимают именно евроамериканский путь как исключительное, единственно правильное направление развития всего мира. Иными словами, модернизация в большинстве случаев все так же остается вестернизацией; в связи с подобным живучим европоцентризмом такие исследователи и публицисты именуют свои страны «развитыми», «цивилизованными», на долю иных остается «неразвитость», «нецивилизованность», вечная «догоняющая модернизация», при которой они никогда не догоняют лидеров этой гонки.

Явление на мировой арене «азиатских тигров» с совершившим невиданный рывок в развитии Китаем поразило таких наблюдателей, однако практически, как ни странно, не пошатнуло их убеждений. Одни из них прогнозируют неизбежное падение «тигров» вместе с Китаем вслед за прорывом; другие указывают на «синусоиду» в развитии азиатских стран, где за подъемом непременно следует спад, и где якобы в принципе невозможен устойчивый рост; третьи ссылаются на отсутствие в Китае «духа капитализма» по М. Веберу, и прежде всего — на авторитарность политического режима и отсутствие индивидуализма как движущей силы капитализма.

Первичными причинами перехода от аграрного общества к индустриальному классики теории модернизации считали экономические факторы, иные исследователи таковыми полагали метаморфозы в общественном сознании, которое меняет ориентацию с коллективистских ценностей на индивидуалистические: новый человек, «человек

экономический», освобождается от мифологического сознания, становится свободной личностью, которая ломает общественный уклад и создает новый. В реальности же происходит взаимодействие, взаимовлияние бытия и сознания, или, как сказал бы К. Маркс, базиса и надстройки, экономической жизни и менталитета, но линейность европейского мышления, сложившаяся окончательно в эпоху Нового времени, приводит к постоянным дискуссиям о «первичности» и «вторичности».

По Веберу, именно тип личности, сформированный в первую очередь протестантизмом, т.е., говоря упрощенно, трудоголик с отсроченным личным потреблением и аскетическим бытом, при утверждении формально правовой системы в государстве постепенно минимизировавшей произвол прежнего нобилитета, обеспечил расширенное воспроизводство товаров, поскольку прибыль не тратилась «на жизнь», а вкладывалась в производство. Согласно кальвинистскому вероучению никакие земные дела не в состоянии изменить предопределенность одних душ к аду, других — к раю, однако на этой основе развился не фатализм, поощряющий бездеятельность, а напротив, — активизм, поскольку единственным косвенным признаком богоизбранности ко спасению могли служить деловые успехи человека. Таким образом, именно культурные нормы во многом определяют возникновение или отсутствие буржуазной организации общества, хотя никакая хозяйственная этика, как указывал М. Вебер, не является исключительно религиозной, а связана с образом жизни, который также определяется социально-экономическими и другими условиями [2, с. 24]. Китайские культурные нормы как будто вовсе не могли породить капитализм, но то, что сегодня называют китайским капитализмом, расцвело в последней четверти XX столетия, а в XXI в. вывело Китай в лидеры мирового развития. Вебер же в поисках объяснения специфики западной рациональности и истоков общества модерна полагал, что важнейшую роль в Европе сыграли, среди вышеперечисленного, идея личного Бога и сотериология, которых не было в конфуцианском Китае, а потому там, по мнению социолога, нет предпосылок для возникновения капитализма. Безличное Небо — носитель и образец вечного космического порядка, поэтому, как считал Вебер, китайский дух — адаптивный, приспособительный, ориентированный на посясторонность (и это парадокс: земные интересы не способствуют развитию капитализма, а заботы о загробной жизни — способствуют), а не преобразующий, не овладевающий, не ориентированный

на потусторонность и благополучный в нее переход, как в Новое время на Западе. Ведь именно ориентация на земные ценности, положим, у П. Сорокина является критерием, по которому буржуазный строй относится к «чувственным» культурам, в отличие от идеациональных, ориентированных на сверхчувственные ценности [3].

Вероятно, тут следовало бы использовать несколько иную терминологию, говорить не о «земных интересах», а о краткосрочных (непосредственных, «детских», которые не признают отсрочки, а требуют немедленного/скорого удовлетворения), в отличие от долгосрочных («взрослых», в пределе определяемых или земным характером отсроченного удовлетворения, или небесным, загробным).

При увязывании «малоподвижности» китайской цивилизации с почитавшимся образцом — вечным и неподвижным космическим порядком, Небом — надо вспомнить, что со времен Античности, которая является истоком и первым этапом становления цивилизации Запада, мир считался законосообразным, — это космос, организованность, порядок. Отсюда — и идеи возможности его познания, ибо только порядок поддается научному познанию, основанному на логике и вере в то, что понятия отражают реалии, отсюда же — и моральное убеждение в том, что человеку следует лишь познавать и поддерживать такой порядок. Если присмотреться внимательнее, то можно увидеть, что и в Европе, и в Америке даже при всяких революционных ломках возникают идеи восстановления нарушенного исконного, правильного порядка, как бы он не назывался — Золотым веком, аутентичным христианством или естественными правами человека. Китайский император, «сын Неба», во главе своих чиновников-мандаринов обеспечивал порядок среди людей, соответствующий порядку Неба, возможно, с другой скоростью и несколько иными методами, однако, в сущности, совершенно так же, как и европейские цари, императоры-помазанники, а затем и светская власть, как бы она ни отрецивировалась от религиозных представлений, поскольку нет никакой связи, положим, между атеизмом и правами человека. Сама идея прав человека выростала в христианстве и из христианства, имея там обоснованный и личностный характер и став абстрактной, безличной, ничем не фундированной нормой при превращении в конституционный принцип европейских государств (или, как саркастически сформулировал В.С. Соловьев, «человек произошел от обезьян, следовательно, мы должны любить друг друга»). Поэтому само соображение

М. Вебера о важнейших причинах «застоя» китайского общества вследствие отсутствия идеи личного Бога и заманчивых перспектив сотериологии будет теперь в науке подвергаться жесткой критике.

Непосредственное отношение к пониманию модернизации имеют и постулаты М. Вебера о степени «рационализации» религиозных воззрений и присутствию/отсутствию экстатических состояний в культуре. Если формулировать предварительно, то, чем выше рационализация и меньше экстатичности, тем, скорее всего, по мнению немецкого социолога, такая культура порождает буржуазные отношения. Уровень рационализации он определял через степень свободы от магии и разработанность представлений о Боге, мире и человеке (антропологии) [2, с. 369].

Что касается степени «магичности», то для ее оценки в сравниваемых Вебером протестантизме и китайской ментальности, описанной им как контаминация конфуцианства и его «ересей» — прежде всего даосизма, а также буддизма, — целесообразно вспомнить определение магии у Ю.М. Лотмана, а именно: магия предполагает, что колдун и высшая сила равно являются актерами; что совершаемые обоими актерами действия имеют принудительный характер в отношении их обоих; что «обмен» эквивалентен; что отношения между актерами имеют характер договора [4]. Конфуцианство, по определению Вебера, представляет собой рациональную ветвь китайской ментальности, даосизм — народно-магическую; конфуцианцы, скорее всего, терпели магизм, считая его полезным для народа, хотя и верили в действенность магии, которую, однако, способна побеждать добродетель. Они бы с негодованием отвергли идею о принудительности для Неба действовать так, как того требует маг; об эквивалентности ритуальных действий и ответа на них Неба; о договорных отношениях между предками и человеком, а также между Небом и императором, как о таких, которые можно заключить, а можно расторгнуть. Небо и предки всегда правы перед государством и человеком; если ритуал не вызывает просимых даров, это значит, что император, чиновники и человек нарушили законы Неба и культ предков; отношения между государством и Небом, между членами семьи и родом разорвать нельзя, иначе высшая инстанция уничтожает земного актора, который по определению не равен роду и Небу.

С другой стороны, вопрос об удельном весе («больше/меньше») магизма в развитых религиях корректно решать только в рамках одной конфес-

сии, сравнивая ее деноминации или разные этапы развития, поскольку в ином случае не обнаруживается единой системы отсчета, той точки, «ниже» которой магизма «меньше», а «выше» — больше. То же соображение следует отнести и к степени экстатичности культа. Так, сравнительно с православием или католицизмом протестантизм отличается существенно меньшей степенью внешней выраженности чувств (что, впрочем, не означает меньшей эмоциональности, более бедной чувствительности протестантов). Но есть ли объективные критерии для сравнения даосско-конфуцианской и протестантской ментальности в этом отношении? Ответ видится отрицательным.

Что касается сравнительной антропологии протестантизма и конфуцианско-даосского комплекса воззрений, то, опять же, степень развитости сравнивать крайне затруднительно из-за отсутствия общих критериев — эти антропологии просто разные; в частности, судить об этом трудно и из-за зачастую не книжного, а практического характера — знания передаются непосредственно от учителя, а не через сформулированные в книгах понятия.

Как известно, у христиан, в том числе у протестантов, Бог — личность и един в трех лицах, у китайцев божественная инстанция — Небо, которое безлично, и предки, которые, превратившись в объект культа, становятся не вполне индивидами, сливаясь в безличный Род; европейского понятия личности в Китае просто нет. С точки зрения протестантизма, первородный грех уничтожил образ Божий в человеке, поэтому окончательно падшее человечество и в этом смысле — злое по своей «второй природе» — не способно «обожиться», ему остается лишь уповать на индивидуальное спасение, которое достигается только верой; при этом главная форма религиозного служения — профессиональный труд и преобразование, переделка природы и общества.

У китайцев нет понятия греха; то, что европейцы называют таковым, у китайцев близко к понятиям нарушения приличий [2, с. 372]. Тем более им покажется, мягко говоря, странной идея греховности всего человечества и зла, разлитого в мире [1 Ин. 5:20], — мир в целом принимается китайским менталитетом как должное, которое не подлежит переделке, а только постоянному поддержанию в нем порядка и соответствия законам Небес; человек призван к индивидуальному самосовершенствованию, которое в принципе не знает пределов. Человек по своей природе добр, а проявиться эта добрая природа может при получении и постоянном поддержании образованности. Провозглашенный

Лютером идеал «монашества в миру» абсолютно чужд китайцам, как и сам институт монашества, к которому конфуцианцы всегда относились с подозрением — во всяком случае, не позволяли складываться вокруг монастырей постоянным общинам, а монахов были склонны считать тунеядцами. При такой картине мира «спасаться» было не от чего.

Очень часто говорят об отсутствии «личности» в китайской культуре, и это тоже отмечено у М. Вебера: он полагал, что признание множественности душ у китайцев свидетельствует об неимении внутренней целостности, с которой европейцы связывают понятие «личность» [2, с. 380]. Этот вопрос требует отдельного подробного анализа, но тут можно сказать, что, как сегодня видится, специфическая для китайца слитность телесного и душевного в холистическом единстве, напротив, такова, что, как правило, непонятна европейцу и недоступна для него, привыкшего к картезианскому дуализму, к «первичности» души и «вторичности» тела или наоборот (начиная с Фрейда), но в любом случае — разделенности.

Понятие «лица» в китайском менталитете также требует отдельного рассмотрения; тут же надо отметить, что трактовка Вебером «лица» как внешних манер, формальной учтивости, в противоположность пуританскому «внутреннему человеку» [2, с. 391], совершенно несправедлива. Некоторые исследователи полагают, что китайское понятие «лица» непереводаемо; ближе всего к нему такие европейские понятия, как «престиж», «статус», «честь», «достоинство», однако они не исчерпывают собственно китайского концепта. Конфуцианство учит относиться к людям по-разному — в зависимости от их статуса, и в этом смысле у них разные «лица». Для китайской этики характерна ситуативность, а не универсальность понятий добра и зла, поэтому тут допустимо лгать, чтобы защитить лицо — свое или ваше, клановое или индивидуальное, личное или национальное. С другой стороны, есть авторы, которые считают, что понятие «лица» есть во всех культурах, однако остается не очень ясным вопрос: могут ли локальные концепты работать применительно к нелокальным явлениям? [5].

И на каком основании можно говорить о «развитости» или «неразвитости» антропологии в протестантизме, с одной стороны, и в китайской культуре — с другой? Нет такого основания.

Что касается экстатичности культа, то некоторые отмеченные Вебером протестантские секты действительно изгоняли ее, как ликвидировали и особое выделение служителей культа или даже признаки

молитвенного дома [2, с. 384]. Однако стоит посмотреть, например, на ряд американских сект, в которых их члены доходили до массовой истерии и самоубийств, чтобы понять, что подобный аскетизм свойственен далеко не всем деноминациям протестантизма, а по сравнению с экстатическими протестантскими культурами выглядит крайне аскетично, как раз конфуцианский ритуал [6, с. 105].

Часто аксиологическую систему воззрений протестантизма характеризуют как ориентацию на эмпиризм, на практически полезные знания и изобретения (при недооценке и порой прямо отрицательном отношении к фундаментальным наукам и книжности), что и способствовало, по Веберу, формированию капиталистических отношений, и, по видимости, было совершенно чуждо конфуцианству. Однако, как известно, изобретения, с которыми исследователи связывают наступление эпохи Нового времени, — средства сообщения, книгопечатание, механические часы и пр. — впервые были созданы в Китае задолго до европейцев; разница с Европой состояла в том, что флот в Китае мало использовался для внешней торговли, в основном — для внутренней, книгопечатание — прежде всего для создания копий императорских указов и т.д. Иными словами, дело тут не в эмпирической ценностной ориентации, а в мотивировках, которые, кстати, напрямую задавались практическими потребностями существующего строя.

Совершенно европоцентристскими сегодня видятся утверждения последователей М. Вебера о таких «неистребимых» свойствах китайской хозяйственной жизни, как коррупция и злоупотребление должностным положением в среде чиновничества. Сам же Вебер указывает, что на протяжении веков, если не тысячелетий, должность чиновника предполагала бесчисленные «подарки» вышестоящим и практически бесконтрольное обирание налогоплательщиков, распределение должностей и благ по семейному принципу («книжниками», как называли в Китае конфуцианцев, могли становиться и люди неблагородного происхождения, но при условии успешного прохождения экзаменов, подготовка к которым была длительной и стоила дорого). «Формально правительство платило жалованье своим чиновникам. Однако из собственных средств оно выплачивало содержание лишь ничтожной части тех, кто действительно был занят в управлении, причем эти выплаты составляли лишь небольшую, а часто — совсем незначительную часть их дохода. Чиновник не мог бы жить на это жалованье и тем более покрывать официально возложенные на

него затраты по управлению» [2, с. 155]. Поэтому «доход чиновника от управления округом рассматривался как кормление, фактически не отличающееся от его частных доходов <...>. В свою очередь, владельцы должностных кормлений, напротив, были очень далеки от того, чтобы рассматривать земельный налог или какие-то иные обязательства налогоплательщиков как фиксированную часть своего совокупного дохода» [2, с. 156]. Если Вебер прав, «чиновничеству в целом было гарантировано получение огромных доходов с кормлений, но положение отдельного чиновника, напротив, было совершенно затруднительным. Получение должности (учеба, покупки, подарки и “взносы”) приводило к огромным расходам и часто долгам, поэтому он стремился за короткое время службы получить с должности максимальный доход. И это было возможно, поскольку отсутствовали твердые тарифы и гарантии. Считалось само собой разумеющимся, что должность существует для накопления состояния» [2, с. 160].

Именно из-за многовековой укорененности такого положения, когда «коррупция» и «злоупотребление служебным положением» были не просто общественно приемлемыми, но само собой разумеющимися условиями управления, их сложно победить в современных условиях, хотя в Китае для борьбы с ними применяются самые жестокие меры. Однако, что характерно, подобные условия были свойственны и европейскому докапиталистическому укладу, но никто из исследователей не определяет их как «коренные» и «неистребимые» для европейского или американского национального характера, хотя коррупция в Европе и США представляет собой большую проблему.

Оказавшись свидетелями выхода Китая и «четырех азиатских драконов» на мировую арену, одни исследователи склонны ныне отрицать существенную роль культурных норм для модернизации, подчеркивая иные факторы — политические, географические и пр., а другие стали, как представляется, совершенно справедливо считать, что до сих пор европейцы просто очень плохо, а именно — в своем европоцентристском методологическом ключе — понимали китайскую ментальность, как и модернизацию в китайском обществе, которые требуют других подходов.

Так, общепризнанным свойством китайской цивилизации в целом является ее «семейственность». Конфуцианство — одна из основ мировоззрения и мироощущения китайцев — выстраивает жесткие иерархические структуры, в которые вписывается

человек, — от семьи до верховной власти. Именно такой цивилизационный принцип западные ученые стали считать помехой для развития буржуазных отношений: «Ключевой аргумент заключается здесь в том, что тесные семейные связи ведут к деспотизму, несовместимому с современной корпоративной экономикой, в которой универсалистские ценности вытесняют ценности патриархального типа. Такие рассуждения, неоднократно опровергаемые последующими китаеведческими исследованиями, послужили основой для дальнейшей критики «семейственности» [7, с. 208]. Право в Китае, разумеется, существовало, но оно не защищало торговые сделки, и в результате торговцы сами были вынуждены отлаживать регулятивные механизмы. Семьи объединялись в гильдии по профессиональному и территориальному признакам и несли полную ответственность за поведение своих членов, а санкции за нарушение договорных отношений были самыми суровыми: изгнание из семьи превращало человека в совершенного изгоя в обществе [7, с. 209]. С победой маоизма была разрушена и та правовая система, которая к этому времени сложилась в Китае, так что с конца 1970-х гг. ее приходилось создавать заново. Законы, регулирующие коммерческую деятельность, были приняты, но правоприменительная практика оставалась напрямую зависящей от государственных структур и коммунистической номенклатуры. В таких условиях азиатские бизнесмены были вынуждены опять самостоятельно заниматься безопасностью собственных сделок и для этого налаживать самые тесные связи с правительствами своих стран. Таким образом, хотя «семейственный» принцип и порождал коррупцию, на протяжении долгого времени в условиях практического отсутствия правового регулирования он обеспечивал функционирование бизнес-отношений.

С другой стороны, европейцы стали понимать, что национальный менталитет может давать неодинаковые результаты: «...одни и те же культурные ценности порождают <...> разные последствия. <...> действуя в непохожих обстоятельствах, они могут производить (и, как правило, производят) различный эффект. Иначе говоря, внутреннее содержание азиатских ценностей может оставаться неизменным, но внешние условия меняются, и потому прежнее позитивное впоследствии становится негативным (или наоборот. — С.П.). <...> культурные ценности всегда выступают как некая совокупность; в разное время они комбинируются по-разному и порождают непохожие результаты» [8, с. 222]. Холистичность восприятия мира в условиях общества и междуна-

родных отношений, созданных модерном (а значит, с культом логоса европейского или советского «розлива», линейностью мышления и т.д.) сдерживала социально-экономическое развитие Китая, зато в условиях постмодерна, когда стали востребованы иные ментальные способности, позволила китайскому конфуцианскому капитализму мощно проявить себя.

Исследователи подчеркивают, что китайским торговцам, находившимся, согласно конфуцианской «табели о рангах», на самой нижней ступени социальной лестницы, практически ничего не оставалось, как преуспевать в торговле, и это напоминало положение евреев в средневековой Европе. С другой стороны, конфуцианство с презрением относилось к тяжелому труду, и в особенности — физическому: «благородный муж» предавался праздности и удовольствиям [8, с. 227], а китайские источники полны апологий безделья. Вероятно, такое положение дел в каких-то отношениях сходно с кодексом правильного поведения «благороднорожденных» («по праву гордых») в античные времена, когда невозможными для нобилей занятиями считалась профессиональная деятельность, связанная с оплачиваемым трудом, в частности — физическим [9], хотя аналогия тут все-таки достаточно условна, поскольку конфуцианцы были или чиновниками, так или иначе получавшими содержание, или искателями должности чиновника.

При этом даосизм, видимо, еще больше акцентировал это положение, основываясь на идеале недеяния. Китайцы, предоставляя вещам идти как они идут — «жизни житьствовать», — очень чутки к внешним обстоятельствам, к «удаче»: «Принятие любых решений сфокусировано на тщательном взвешивании ситуации и использовании любых преимуществ. Иначе говоря, то, что на первый взгляд кажется бездумной верой в слепой случай, парадоксальным образом укрепляет человека в трезвом и прагматичном восприятии объективной действительности. Такая ориентация сделала китайцев весьма восприимчивыми к характеру и структуре рынков. Рынок для них — не теоретическая абстракция, а реальность, полная жизни и динамики. Готовность мыслить в терминах, обеспечивающих концептуализацию рыночных отношений, объясняет ключевое различие между китайским и западным капитализмом. Капитализм Запада подталкивается технологиями: создайте мышеловку лучше, чем у других, и клиенты сами придут к вашему порогу. Но движущей силой китайского капитализма всегда было стремление

выяснить, кто и в чем нуждается, то есть определить, каковы потребности рынка. Западные фирмы пытаются усовершенствовать свои изделия, усилить организационную структуру, добиться признания марки. Китайские предприниматели, напротив, стремятся к диверсификации; им не нужна репутация производителя одного-единственного товара, поскольку они всегда должны быть готовы сменить приоритеты в соответствии с запросами рынка» [8, с. 228].

Важной конфуцианской ценностью является самосовершенствование, а значит — ориентация на достижение, при почитании старших, что также сближает китайскую норму с античными. Древние греки, как и римляне, высоко ценили лидерство, а отцы требовали от сыновей стремления быть первыми во всем, отсюда с полным на то основанием одними из принципов античной культуры называют состязательность и агональность. Поэтому странно выглядит удивление исследователя перед «парадоксом» китайской психологии — контаминацией подчинения и достижительности [8, с. 229]. Очень важно, что такое сочетание обеспечивает устойчивость социальных связей — как собственно семейно-родовых, так и тех, что именуют «гуанси»: «С экономической точки зрения китайский опыт гуанси важен потому, что он предполагает взаимный обмен обязательствами даже между теми людьми, которые лично не знакомы друг с другом. Достаточно того, что они были одноклассниками или учились в одной школе, родились в одном городе или одной провинции, служили в одном подразделении или имели еще что-либо общее» [8, с. 230].

Таким образом, разные исследователи подтверждают мысль о том, что невозможно создать общий для всех народов и эпох перечень качеств менталитета (свойств национального характера / культурных ценностей / религиозных предпосылок), которые бы всегда и везде обеспечивали экономический и социальный рост, а также тех, которые это развитие тормозят. Поэтому, в частности, нельзя отождествлять модернизацию с вестернизацией: у каждой страны есть свой особый путь развития, который может быть сходен с иными, а может радикально от них отличаться.

Это же подтверждает название статьи лидера мирового постнеоконфуцианства профессора Ту Вэймина и ее содержание [10], как и весь выдвинутый им мегапроект возрождения конфуцианства в условиях мировой глобализации. Чтобы конфуцианство превратилось в актуализированный ресурс глобализации и составную часть мирового этоса,

согласно взглядам Ту Вэймина, следует преодолеть традиционные дихотомии традиционное/современное, западное/незападное, локальное/глобальное, а также дух/материя, тело/разум, сакральное/профанное, человек/природа, творец/творение, субъект/объект и т.д. [11]. Управление в восточно-азиатской версии модернизации предполагает: участие государства в управлении экономикой (и тут важны солидарность, роль этики и семьи как микрокосма государства и государства как большой семьи); превращение образования в «гражданскую религию»; самовоспитание всех членов общества [10, с. 244]. Ту Вэймин далек от утверждения, что все страны должны следовать таким путем — он просто показывает множественность вариантов модернизации и несводимость ее к евроамериканской модели.

Очень точно о модели модернизации по-китайски пишет В.В. Малявин, определяя и ее метафизические основания. Китайские культурные коды позволяют «совмещать накопление капитала и непроемкие траты, обусловленные социальными обязательствами (например, статусом, понятием «лица», связями)» [12]. Китайский идеал — стяжание наибольшего и чистого удовольствия, что требует высокоразвитой способности это удовольствие откладывать. Философская основа единства «жизни и стоимости» — «в традиционном для китайской мысли отождествлении реальности с “таковостью” существования, с тем, что “таково само по себе” (цзы жань), то есть не с предметностью, а с качеством существования. Именно таковость существования уравнивает столь несходные, даже несопоставимые во всем остальном вещи, делая основой китайского мирозерцания принцип подобия вне различия между истинным и ложным» [12]. Экономическая сила в Китае всегда ранее, а во многом и ныне используется для достижения жизненных ценностей вроде власти, славы и прочих видов личного потребления. Так или иначе, но китайские ценности не являются идеями, а представляют собой «телесный дух» (что с точки зрения европейского модерного мышления является абсолютным абсурдом), они отелеснены, что, как отмечает Малявин, прямо совпадает с принципами зрелого капитализма постмодерного толка. Специфичны для Китая не субстанциональные образы социума и индивида, а сетевые. Так, «прообразом “тела социума” выступает не индивидуальное тело, а скорее, тело как сеть отношений, рассеянное, пусто-телое, классифицируемое по сочленениям и отверстиям (точкам открытости миру), как принято в китайской

медицине. Итак, “социальное тело” по-китайски существует как рассеянная или даже, скорее, рассеивающаяся структура, где центр и периферия, внутреннее и внешнее переходят друг в друга, где каждая точка соприкасает с “инобытием”, где видимое есть образ (подобие) отсутствующего, и где человек в конечном счете живет по пределу своего существования, пребывает в непрерывных превращениях подобно тому, как бытие “самоподобия” есть постоянная метаморфоза, удостоверяющая... вечносущие качества бытия» [12]. И в этом — огромный потенциал глобализации, не меньший, чем у Запада с его опорой на индивидуализм, а, возможно, и больший. Отсюда — совершенно разные методы модернизаций на Западе и в Китае. Если в евроамериканской цивилизации оптимально функционирующими считаются крупные компании, то в Китае, напротив, мелкие; менеджеры в Европе вовлекают подчиненных в управление, чего никогда не делают в Поднебесной; вообще никакие демократические в западном смысле слова методы на китайских предприятиях не работают. Для производственных сфер в Китае характерны личностные отношения (в широком, азиатском понимании «личности»), патернализм в отно-

шении подчиненных, неразвитость специализации. Любителям рассуждать о «вечном восточном деспотизме» надо знать, что строгого государственного контроля за экономической деятельностью тут нет, государственная политика в этой сфере ситуативна и вырастает из общественного согласия по поводу базовых принципов. «Сочетание либерализма и культуртрегерского патернализма» кажется невозможным условием для проведения модернизации в глазах западных наблюдателей, однако, как показывает практика, эти принципы сочетаются и работают. Таким образом, китайский капитализм — за неимением иного слова назовем этот уклад так — имеет гораздо более глубокие корни и потенциальные возможности, чем мнилось европейцам. Сетевые отношения, к которым оказались плохо готовы европейцы и американцы, поскольку на «субстанциональное» общество они действуют деструктивно, давно знакомы китайцам. Иными словами, модерная (западная) версия модернизации работала в Европе и США, а постмодерная с не меньшим, а, возможно, и большим успехом сработала и в Китае, и в целом в Юго-Восточной Азии, поскольку в этом регионе практически все ключевые позиции в бизнесе занимают китайцы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. Пер. с англ. М.: АСТ; 2007.
2. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. Пер. с нем. СПб.: Владимир Даль; 2017.
3. Сорокин П. Человек. Цивилизация. М.: Политиздат; 1992.
4. Лотман Ю.М. Память культуры. История и семиотика. URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-96.htm>
5. Xiaoying Qi. Face: A Chinese Concept in a Global Sociology URL: https://www.researchgate.net/publication/258154538_Face_A_Chinese_Concept_in_a_Global_Sociology
6. Армстронг К. Битва за Бога. История фундаментализма. М.: АНФ; 2013.
7. Перкинс Д. Законность, семейственность и азиатский способ ведения бизнеса. Пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований; 2002.
8. Пай Л. «Азиатские ценности»: от динамо к домино? Пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований; 2002.
9. Аристотель. Никомахова этика. Пер. с греч. М.: Эксмо-Пресс; 1997.
10. Вэймин Т. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии. М.: Московская школа политических исследований; 2002.
11. Мигунов Н.И. Конфуцианский путь Ту Вэймина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konfutsianskiy-put-tu-veymina>
12. Малявин В.В. Модернизация и капитализм в Китае. По поводу гипотезы Макса Вебера. URL: <http://www.synologia.ru/a/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D0%B2%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5.%20%D0%9F%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%D0%B3%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%B7%D1%8B%20%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B0%20%D0%92%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B0> (дата обращения: 14.06.2023).

REFERENCES

1. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. Transl. from Eng. Moscow: AST; 2007. (In Russ.).
2. Weber M. Economic ethics of world religions: Experiences of comparative sociology of religion. Confucianism and Taoism. Transl. from German St. Petersburg: Vladimir Dal; 2017. (In Russ.).
3. Sorokin P. Man. Civilization. Moscow: Politizdat Publ; 1992. (In Russ.).
4. Lotman Yu.M. The memory of culture. History and semiotics. URL: <http://www.philology.ru/literature1/lotman-96.htm> (In Russ.).
5. Xiaoying Qi. Face: A Chinese Concept in a Global Sociology URL: https://www.researchgate.net/publication/258154538_Face_A_Chinese_Concept_in_a_Global_Sociology
6. Armstrong K. The battle for God. A history of fundamentalism. Moscow: ANF; 2013. (In Russ.).
7. Perkins D. Legitimacy, nepotism and the Asian way of doing business. Transl. from English. Moscow: Moscow School of Political Research; 2002. (In Russ.).
8. Pai L. "Asian Values": From Dynamo to Domino? Transl. from Eng. Moscow: Moscow School of Political Research; 2002. (In Russ.).
9. Aristotle. Nicomachean ethics. Transl. from Greek. Moscow: Eksmo-Press; 1997. (In Russ.).
10. Weiming T. Multiplicity of modernizations and the consequences of this phenomenon for East Asia. Moscow: Moscow School of Political Research; 2002: 237–250. (In Russ.).
11. Migunov N.I. The Confucian Way of Tu Weiming. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/konfutsianskiy-put-tu-veymina> (In Russ.).
12. Malyavin V.V. Modernization and capitalism in China. Regarding the hypothesis of Max Weber. URL: <http://www.synologia.ru/a/%D0%9C%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%20%D0%BA%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC%20%D0%B2%20%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B5.%20%D0%9F%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%83%20%D0%B3%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%B7%D1%8B%20%D0%9C%D0%B0%D0%BA%D1%81%D0%B0%20%D0%92%D0%B5%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B0> (accessed on 06.14.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Анатольевич Просеков — кандидат философских наук, доцент, заместитель заведующего Редакцией научных журналов, Финансовый университет, Москва, Россия

Sergey A. Prosekov — Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Deputy Head of the Editorial board of scientific journals, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-6049-2479>

SAProsekov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 14.06.2023; принята к публикации 20.07.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 14.06.2023; accepted for publication on 20.07.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-77-84
УДК 32(045)

Влияние институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах Европы

С.Л. Чепель

Финансовый университет, Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах Европы. В качестве институциональных переменных выбраны партийная и избирательная системы. Отмечается, что заметное влияние на уровень мобильности электората в рассматриваемой группе стран оказывает не сегментация, а поляризация партийных систем. Подчеркивается, что небольшая идеологическая дистанция между партиями, конкурирующими на электоральном поле, препятствует формированию устойчивой партийной идентификации избирателей и это способствует росту электоральной подвижности. Автор приходит к выводу, что институциональный фактор в целом ограниченно влияет на динамику смены партийных предпочтений избирателей. Поэтому следует признать, что преимущественное воздействие на электоральное поведение граждан посткоммунистических стран Европы продолжает оказывать фактор политической культуры.

Ключевые слова: электоральная подвижность; посткоммунистические страны; партийная идентификация; партийная система; избирательная система

Для цитирования: Чепель С.Л. Влияние институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических странах Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):77-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-77-84

ORIGINAL PAPER

The Impact of Institutional Factor on the Dynamics of Electoral Volatility in Post-Communist Countries of Europe

S.L. Chepel

Financial University, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article examines the influence of the institutional factor on the dynamics of electoral volatility in post-communist European countries. The party and electoral systems were chosen as institutional variables. It is noted that a noticeable influence on the level of electoral mobility in the group of countries under consideration is not segmentation, but polarization of party systems. The author emphasizes that the small ideological distance between the parties competing in the electoral field hinders the formation of stable party identification of voters, which contributes to the growth of electoral volatility. The author comes to the conclusion that the institutional factor as a whole has a limited effect on the dynamics of changing party preferences of voters. Therefore it should be recognized that the factor of political culture continues to have a predominant impact on the electoral behavior of citizens of post-communist European countries.

Keywords: electoral volatility; post-communist countries; party identification; party system; electoral system

For citation: Chepel S.L. The impact of institutional factor on the dynamics of electoral volatility in post-communist countries of Europe. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):77-84. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-77-84

Условием стабильного функционирования механизма представительного правления выступает, как известно, устойчивая партийная идентификация избирателей. Объективными критериями ее оценки следует признать направленность и интенсивность электоральной подвижности как процесса смены партийных предпочтений граждан от одних парламентских выборов к другим. В этой связи одной из важных исследовательских задач был и остается ответ на вопрос: какой фактор — культурный либо институциональный — оказывает преимущественное воздействие на динамику мобильности электората? Безусловно, причинно-следственная связь между массовыми ценностями и политическими институтами всегда была одной из наиболее дискуссионных проблем в политической науке. Но интерес политологов к этому вопросу усилился в последней трети XX в. в связи с так называемой «третьей волной» демократизации, охватившей десятки стран мира, значительно различавшихся в плане социально-экономического и культурного развития. В процессе изучения многочисленных примеров политической трансформации бывших диктатур обозначились два подхода: структурный и процедурный. Сторонники структурного подхода настаивали на том, что возникновение и стабилизация демократических режимов возможны лишь при условии зрелости благоприятных объективных предпосылок в виде относительно сложившихся: рыночной экономики, дифференцированной социальной структуры, гражданских ценностных ориентаций. В частности, широко известны суждения Р. Инглхарта о том, что только заметное распространение в массовом сознании ценностей самовыражения может способствовать успешному развитию «новых демократий», так как граждане, дорожающие своими правами и свободами, рассматривают именно демократические институты в качестве их главного гаранта. Такая гражданская компетентность формируется в результате устойчивого рыночного экономического роста, обеспечивающего повышение материальной, когнитивной и социальной эмансипации массовой личности, которая, ощущая свою возрастающую самостоятельность, склонна высоко ценить политическое участие и свободу выбора. При этом утверждалось, что создание и функционирование даже вполне дееспособных демократических институтов не может привести к последовательному усвоению обществом новой для него гражданской политической

культуры. Ссылаясь на опыт развития посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы и стран бывшего СССР, Р. Инглхарт указывал на то, что в большинстве из них принятие новых конституций и иных политических норм, закрепивших основы демократического политического процесса, не привело к широкому распространению в массовом сознании демократических ценностей. «Даже наилучшим образом сконструированным институтам, — подчеркивал он в этой связи, — необходима совместимость с преобладающей в обществе культурой» [1, с. 234]. Сторонники процедурного подхода, напротив, полагали, что решения и действия политических элит, обеспечивающие создание стабильно функционирующей системы демократических институтов, ведут к возникновению массовой гражданской культуры за счет выработки навыков участия в демократических процедурах в первую очередь в конкурентном электоральном процессе. На этот механизм стабилизации молодых демократических режимов обращал внимание еще классик теории транзита Д. Растоу, выделивший в процессе перехода к демократии, наряду с другими этапами, и фазу привыкания. «Суть демократии, — писал он, — в привычке к постоянным спорам и примирениям по постоянно меняющемуся кругу вопросов и при постоянно меняющейся расстановке сил» [2, с. 15].

Можно утверждать, что изучение «третьей волны» демократизации во многом способствовало возрождению интереса к институциональному анализу после длительного периода доминирования в политических исследованиях поведенческого подхода, с позиции которого государственно-политические институты представлялись в основном организационной формой выражения и реализации меняющихся общественных запросов, а не инструментом проектирования и трансформации социальной среды. Действительно, в подавляющем большинстве стран — участниц «третьей волны» к моменту кризиса и распада диктатур объективные социально-экономические и культурные предпосылки, благоприятствующие переходу к демократии, либо отсутствовали, либо были выражены ограниченно. Тем не менее массовый переход к демократическим режимам произошел, хотя качество «новых демократий» и сегодня, в начале XXI в., заметно различается. Иными словами, следует признать, что на первом этапе развития молодых демократий ключевую роль в деле их стабилизации сыграли политические институты,

которые оказывали воздействие на выбор (как элитами, так и массами) адекватных ситуации перехода к демократии форм политического поведения. Неспособность теории политической культуры дать убедительное объяснение возникновению демократических режимов в большинстве стран — участниц «третьей волны» стала одной из причин методологического обновления политической науки, выразившегося в повороте к так называемому неинституциональному подходу. Не отрицая значимости влияния социального контекста на развитие политического процесса, представители неинституционализма, тем не менее, отказались от социального детерминизма, настаивая на том, что государственно-политические институты автономны и играют самостоятельную роль в организации общественной жизни, в том числе и в деле направления политического поведения граждан «новых демократий» в русло конкурентной политики. Как отмечали еще в середине 1980-х гг., т.е. в разгар «третьей волны» демократизации, Дж. Марч и Й. Олсен, «политическая демократия зависит не только от экономических и социальных условий, но и от дизайна политических институтов» [3, р. 738]. Таким образом, если в период обладания поведенческого подхода политические институты рассматривались в качестве зависимой переменной, объясняемой действием набора объективных социальных факторов, то в рамках неинституционализма они уже интерпретировались как независимая переменная, способная объяснять развитие социальных процессов.

Следует заметить, что возрождение интереса к политическим институтам являлось частным проявлением роста популярности институционального подхода в социальных исследованиях в конце XX в. Изучение общественных процессов давало немало свидетельств того, что направления и динамика их развития объясняются в большей степени действиями институтов, чем влиянием социокультурного или социально-экономического контекстов. Основной принцип неинституционального анализа был сформулирован Д. Нортон, по мнению которого институты — «это «правила игры» в обществе ...они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике» [4, с. 17]. Иными словами, существующие институты навязывают участникам социальных взаимодействий логику поведения в конкретной ситуации, в том числе и в политической, вынуждают их, приспосабливаясь к «правилам игры», ме-

нять свои предпочтения и тем самым в некоторой степени формируют эти предпочтения. Поэтому в статье предпринята попытка выявить степень влияния институционального фактора на динамику электоральной подвижности в посткоммунистических государствах Европы, учитывая прежде всего то, что именно в посттоталитарных обществах наблюдаются наиболее высокие показатели мобильности избирателей. Согласно имеющимся данным среднее значение индекса электоральной подвижности составило: в Западной Европе и США в период 1945–2005 гг. — 10,7%, в странах Латинской Америки в период 1983–2005 гг. — 26,4%, в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы и постсоветского пространства в период 1990–2005 гг. — 43,6% [5, р. 4]. К этому следует добавить, что интерес к проблеме влияния институционального устройства политической системы на динамику смены партийных предпочтений избирателей связан с тем, что именно политические институты являются наиболее привлекательными объектами политической инженерии.

В качестве кейсов для изучения были избраны политические системы таких европейских посткоммунистических стран, как Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Чехия и Эстония. Выбор данной группы стран обусловлен заметной схожестью их политических культур. Общества в этих государствах до Второй мировой войны получили хотя и ограниченный, но все же определенный опыт участия в демократическом политическом процессе. В послевоенный период, став частью системы так называемого «социалистического содружества», они находились в ее составе непродолжительный период и частично сохранили элементы плюрализма социально-экономической жизни. Вместе с тем политика построения социалистического общества в этих государствах привела к стиранию тех фундаментальных социальных размежеваний, которые в европейских странах закладывали основы партийной идентификации граждан. Являясь довольно близкими в политико-культурном измерении, политические системы рассматриваемых стран заметно различаются в институциональном плане, что дает возможность выяснить степень влияния институционального фактора на динамику электоральной подвижности. В качестве институциональных переменных в статье рассматриваются партийная и избирательная системы (табл. 1).

В сравнительных исследованиях партийных систем широко используются предложенные Дж. Сартори критерии их классификации: степень сегмен-

**Индексы электоральной подвижности на парламентских выборах в период 2011–2022 гг., % /
Electoral volatility indices in parliamentary election in period 2011–2022, %**

Страна / Годы	2011–2019		2015–2022		Страна / Период	2011–2019	2015–2022
Венгрия 1 многомандатные округа 2 одномандатные округа	1 16,9	2 15,3	1 46,5	2 49,1	Польша	32,3	48,9
Латвия	40,8		48,1		Чехия	31,3	48,9
Литва 1 многомандатные округа 2 одномандатные округа	1 39,9	2 39,2	1 24,1	2 23,2	Эстония	19,8	17,0

Источник / Source: рассчитано автором по: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org; www.electionresources.org / calculated by the author from: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org; www.electionresources.org

тации — число партий, действующих на политической арене, и степень поляризации — величина идеологической дистанции между партиями на лево-правом континууме. Отмечая, что количество партий влияет как на тактику партийной конкуренции, так и на формирование правительственных коалиций, он подчеркивал, что классификация партийных систем только на основе количественного измерения не раскрывает их сущности. «Решение, — писал Дж. Сартори, — заключается в проверке сегментированных политий с помощью идеологической переменной» [6, р. 111]. На первый взгляд может показаться, что рост числа партий, участвующих в электоральной борьбе за власть, предполагает и увеличение идеологической дистанции между ними, а значит, и усиление поляризации партийной системы. Однако опыт функционирования западноевропейских партийных систем не подтверждает это предположение. Так, в ряде государств действуют развернутые многопартийные системы, в идеологическом плане центростремительного типа, т.е. умеренно поляризованные. В то же время есть и примеры ограниченных многопартийных систем идеологически центробежного характера, т.е. выражено поляризованных. Поэтому в статье сегментация и поляризация партийных систем используются как две отдельные переменные, воздействующие на уровень электоральной подвижности.

С теоретической точки зрения следовало бы ожидать усиления электоральной подвижности по мере роста числа партий, входящих в партийную систему. Чем больше партий, тем больше возмож-

ностей выбора у избирателей, а следовательно, и выше вероятность смены партийных предпочтений. Возникновение новых партий также означает появление у избирателей политических альтернатив их прежнему партийному выбору. Ограниченное же число партий, формирующих стабильную партийную систему, объективно сужает пространство для маневра избирателя на электоральном поле. На связь роста количества партий и усиления мобильности избирателей указывал и датский исследователь М. Педерсен, который первым в конце 1970-х гг. предложил формулу расчета индекса электоральной подвижности. Что касается поляризации партийных систем, то теоретически ее усиление должно способствовать снижению уровня электоральной подвижности. Чем больше идеологическая дистанция, разделяющая партии, тем отчетливее просматриваются их политические цели и тем проще избирателю определить, какая из партийных программ ему наиболее близка, что в целом содействует укреплению партийно-групповых связей. На значимую роль идеологий в деле ориентации электорального поведения избирателя обращал особое внимание еще Э. Даунс, по мнению которого они «помогают ему акцентировать внимание на различиях между партиями, поэтому их можно использовать в качестве образцов всех различающихся позиций» [7, р. 141]. В условиях же нечеткости идеологического размежевания между партиями внимание избирателей может смещаться от содержания партийных программ к имиджу кандидатов, что повышает вероятность смены партийных предпочтений электората.

Таблица 2 / Table 2

Индексы эффективного числа электоральных партий на парламентских выборах в период 2011–2022 гг. / Indices of the effective number of parties votes in parliamentary election in period 2011–2022

Страна	ENPV Парламентские выборы	Страна	ENPV Парламентские выборы	Страна	ENPV Парламентские выборы
Венгрия	2014 г. – 3,2 2018 г. – 3,3 2022 г. – 2,4	Литва	2012 г. – 8,3 2016 г. – 7,4 2020 г. – 7,8	Чехия	2013 г. – 7,7 2017 г. – 6,9 2021 г. – 5,2
Латвия	2014 г. – 5,7 2018 г. – 8,3 2022 г. – 10,8	Польша	2011 г. – 3,7 2015 г. – 4,5 2019 г. – 3,3	Эстония	2011 г. – 4,7 2015 г. – 5,1 2019 г. – 5,1

Источник / Source: рассчитано автором по: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org; www.electionresources.org / calculated by the author from: www.parties-and-elections.eu; www.electionguide.org; www.electionresources.org

Для определения уровня сегментации партийных систем в странах изучаемой группы в статье используется индекс эффективного числа партий М. Лааксо и Р. Таагеперы применительно к избирательному процессу, т.е. речь идет об эффективном числе электоральных партий (Effective number of parties votes ENPV) (табл. 2).

Сравнение данных табл. 1 и 2 лишь ограниченно подтверждает предположение о том, что изменение количества партий, действующих на политической арене рассматриваемой группы стран, влияет на уровень мобильности электората. Действительно, в Латвии значительный рост индекса ENPV сопровождался повышением индекса электоральной подвижности, а в Литве, напротив, незначительному снижению индекса ENPV сопутствовало уменьшение индекса электоральной подвижности. В то же время, несмотря на сокращение эффективного числа партий, в Венгрии, Польше и особенно в Чехии наблюдался рост уровня мобильности избирателей. В Эстонии же слабый рост индекса ENPV сочетался со снижением индекса электоральной подвижности. Партийные системы изучаемых стран различаются и по уровню поляризации. На основе данных опросов избирателей стран разных регионов мира в период 2016–2021 гг., представленных международным исследовательским проектом Comparative Study of Electoral Systems (CSES), О. ван дер Винн произвел расчеты индексов поляризации, используя шкалу от 0 до 10, где теоретически 0 означает одинаковые идеологические позиции всех партий, а 10 — крайние противоположные идеологические позиции крупных партий. При этом порог, после которого поляризация начинает угрожать политической стабильности, был определен исследо-

вателем в 5,25. Согласно данным О. ван дер Винна индекс поляризации в 2020 г. составил в Венгрии 5,08, в Латвии — 4,73, в Литве — 3,97, в Польше — 4,69, в Чехии — 5,01, в Эстонии — 4,19 [8, p. 63]. Таким образом, для партийных систем изучаемых стран характерна умеренная степень поляризации. Сравнение этих показателей и индексных значений электоральной подвижности (табл. 1) в основном подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что небольшая идеологическая дистанция между партиями способствует сохранению высокого уровня мобильности избирателей. Однако исключением выступают случаи Эстонии и Литвы, где умеренный и низкий уровни поляризации сочетались с низкими значениями показателей электоральной подвижности. Оценивая роль сегментации и поляризации партийных систем как факторов смены электоральных предпочтений избирателей рассматриваемой группы стран, можно согласиться с утверждением Р. Далтона о том, что в анализе партийных систем «ключевой переменной является поляризация, а не количество партий» [9, p. 915]. В этой связи необходимо напомнить, что в ходе посткоммунистической трансформации руководители всех стран Центральной и Восточной Европы и Балтии столкнулись с однотипными вызовами в виде необходимости проведения радикальных экономических и социальных реформ, а также включения в общеевропейские политические и экономические структуры. Думается, что понимание серьезного значения данных вызовов «привело к возникновению идейного консенсуса ведущих партийных элит по поводу стратегической линии развития посткоммунистических “новых демократий”» [10, с. 17]. По-видимому, эти обстоятельства

оказали определенное сдерживающее воздействие на процесс идеологической поляризации партийных систем стран ЦВЕ и Балтии. Однако в условиях небольшой идеологической дистанции между партиями главным средством привлечения внимания избирателей становится их организационная трансформация. В большинстве изучаемых стран, хотя и с разной степенью интенсивности, наблюдается постоянный процесс изменения состава партийных систем от одних парламентских выборов к другим. Такая структурная неустойчивость, дезориентирующая избирателей, безусловно, способствовала сохранению высоких значений показателей электоральной подвижности. Как весьма точно заметили в этой связи И. Дежегере и Р. Дассонвилль, «если партия раскалывается или сливается между двумя выборами, у избирателя действительно нет другого выбора, кроме как “измениться”» [11, р. 9].

Отражая особенности политической культуры общества, сегментация и поляризация партийной системы являются в то же время результатом действующих электоральных правил. Как свидетельствует историческая практика, когда-то принятые избирательные системы весьма стабильны, что вынуждает партии подстраивать под них свою политическую стратегию и тактические действия, а избирателей — выбирать модель своего электорального поведения. Поэтому можно предполагать, что тип избирательной системы как способ перевода итогов голосования в виде количества поданных за партии голосов избирателей в результаты выборов в виде распределения парламентских мест между партиями оказывает существенное влияние на динамику электоральной подвижности. Определяя направления этого влияния, следует выделить два аспекта. Насколько тип избирательной системы способствует, во-первых, повышению либо снижению партийной идентификации избирателей, а во-вторых, усилению либо ослаблению их стратегического голосования. С теоретической точки зрения устойчивая партийная идентификация граждан формируется в результате применения пропорциональной избирательной системы, которая предполагает голосование за партийные списки, а не за кандидатов, что должно содействовать деперсонализации выбора избирателя и ориентировать его на поиск наиболее близкой ему партийной программы. Тем самым укрепляется партийная приверженность избирателей, а значит, снижается уровень электоральной подвижности. В условиях же применения плюральной или мажоритарной

избирательных систем, предполагающих голосование за кандидатов, избирательная кампания нередко строится вокруг обсуждения их личных качеств, что может отодвигать на второй план дискуссию относительно политических альтернатив развития общества. В такой ситуации следует ожидать неустойчивости партийной идентификации граждан, а следовательно, и повышения уровня мобильности электората. Стратегическое голосование, как известно, представляет собой тактику электорального поведения избирателя, стремящегося, поддерживая наиболее вероятного победителя, максимально рационально использовать свой голос, даже если этот кандидат не особенно близок ему в идеологическом плане. Поэтому теоретически повышение уровня стратегического голосования должно способствовать росту электоральной подвижности. К голосованию «с пользой» избирателя подталкивают плюральная и мажоритарная системы, при которых используются одномандатные избирательные округа. Напротив, пропорциональная система, при которой выборы проходят в многомандатных избирательных округах, не способствует усилению стратегического голосования. Предоставляя реальный шанс даже небольшим партиям получить места в парламенте, она дает избирателю возможность поддержать наиболее близкую ему партию, не опасаясь, что его голос будет потрачен впустую. Таким образом, теоретически — как в плане повышения партийной идентификации избирателей, так и в смысле ослабления их стратегического голосования — именно пропорциональная избирательная система должна содействовать снижению уровня мобильности электората. Однако данные, представленные в *табл. 1*, вынуждают отвергнуть это предположение. Из стран, где применяется пропорциональная система с открытыми списками и с 5%-ным заградительным барьером, только в Эстонии имел место низкий уровень электоральной подвижности (17%). В Латвии, Польше и Чехии он был, напротив, очень высокий (более 48%). Но при этом все же следует отметить, что эти страны различаются по такому важному измерению электорального процесса, как величина избирательных округов. Так, в многомандатных округах в Латвии распределяется 12–36 мандатов, в Польше — 7–20, в Чехии — 5–25, а в Эстонии — 5–14. Иными словами, существуют заметные различия по средней величине избирательных округов. Она, соответственно, составляет в Латвии 24 мандата, в Польше — 13,5, в Чехии —

15, а в Эстонии — 9,5. Сравнивая эти показатели с данными табл. 1, нетрудно заметить наличие прямой положительной корреляции между средней величиной округа и уровнем электоральной подвижности: чем выше первый показатель, тем выше и второй. Действительно, большое число разыгрываемых в избирательном округе депутатских мандатов открывает возможность новым партиям попытаться добиться парламентского представительства, что, в свою очередь, расширяет предложение партийных программ на электоральном рынке, стимулирующее повышение мобильности избирателей. Напротив, относительно небольшое число распределяемых в округе депутатских мест не позволяет новым политическим силам рассчитывать на победу и ориентирует их на блокирование с действующими относительно крупными партиями. В такой ситуации не происходит сколько-нибудь существенного роста предложения партийных программ, а значит, и роста электоральной подвижности избирателей. Подтверждением этой гипотезы служит пример Эстонии, где на протяжении длительного периода действует ограниченный и неизменный набор партий: Партия реформ Эстонии, Центристская партия Эстонии, Социал-демократическая партия Эстонии, Консервативная народная партия Эстонии, Союз Отечества.

В посткоммунистических странах ЦВЕ и Балтии на парламентских выборах не используются плюральная и мажоритарная избирательные системы, что вполне объяснимо. Распад тоталитарных режимов в этих государствах сопровождался резкой политической активизацией масс, стремившихся к созданию широкопредставительной системы правления. Поэтому в большинстве из них были приняты пропорциональная система. Однако в некоторых странах применяется смешанная избирательная система, при которой одна часть депутатского корпуса формируется в результате голосования граждан в многомандатных округах на основе принципа пропорциональности, а другая — в одномандатных округах на основе прин-

ципа большинства. Среди рассматриваемых стран такая избирательная система действует в Венгрии и Литве. С теоретической точки зрения следовало бы ожидать более высокого уровня мобильности избирателей в одномандатных округах в силу влияния фактора персонификации выбора и фактора стратегического голосования. Однако, как следует из табл. 1, значения индексов электоральной подвижности, как в Венгрии, так и в Литве, при голосовании за партийные списки в многомандатных избирательных округах и при голосовании за кандидатов в одномандатных округах очень близки или практически совпадают. Иными словами, принципиально различающиеся правила перевода итогов голосования в результаты выборов не оказывают различного воздействия на динамику смены партийных предпочтений избирателей. Более того, в ходе последовательных избирательных циклов наблюдается либо параллельный рост (Венгрия), либо снижение (Литва) значений индексов электоральной подвижности при голосовании за партийные списки и за кандидатов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что институциональный фактор в виде партийной и избирательной системы в целом оказывает ограниченное влияние на динамику электоральной подвижности в рассматриваемых странах. Наиболее отчетливо просматривается воздействие на мобильность электората только такой переменной, как поляризация партийной системы. С одной стороны, небольшая идеологическая дистанция между политическими силами, конкурирующими в борьбе за власть, препятствует формированию устойчивой партийной идентификации избирателей. С другой стороны, незначительная идеологическая поляризация провоцирует структурную нестабильность партийных систем, что также ведет к росту электоральной подвижности. В этой связи приходится констатировать, что неустойчивость партийных предпочтений избирателей является все же преимущественно результатом влияния политической культуры, сложившейся в посткоммунистических обществах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство; 2011.
Inglehart R., Welzel K. Modernization, cultural changes and democracy. Sequence of human development. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2011. (In Russ.).
2. Раствоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели. *Политические исследования*. 1996;(5):5–15.
Rustow D. Transitions to Democracy: An Attempt at a Dynamic Model. *Politiesheskie issledovaniya = Political Studies*. 1996;(5):5–15. (In Russ.).

3. March J., Olsen J. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. *The American Political Science Review*. 1984;78(3):734–749.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «НАЧАЛА»; 1997.
North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi “NACHALA”; 1997. (In Russ.).
5. Mainwaring S., Gervasoni C., Espana-Najera A. Extra-and-within-system electoral volatility. URL: <https://www.academia.edu/22310372/Extra-and-Within-system-Electoral-Volatility>
6. Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press; 1976.
7. Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy. *The Journal of Political Econom.* 1957;65(2):135–150.
8. Van der Veen O. Political Polarization Compared: Creating a Comprehensive Index of Political Polarization. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.etd.ceu.edu/2021/van-der-veen_olaf.pdf&ved=2ahUKEwiPq9nY2Z79AhWCuIsKHR9YDWwQFnoECAMQAg&usg=AOvVaw0den1YfoTddVC9DOSsEYo
9. Dalton R. The Quantity and the Quality of Party Systems. Party System Polarization, Its Measurement and Its Consequences. *Comparative Political Studies*. 2008;41(7):899–920.
10. Чепель С.Л. Электоральная подвижность и стабильность партийных систем в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета* 2020;10(5):13–22.
Chepel S.L. Electoral mobility and stability of party systems in the post-communist countries of Central and Eastern Europe. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):13–22. (In Russ.).
11. Dejaeghere Y., Dassonneville R. The Impact of the Party System on Electoral Volatility. URL: https://www.google.com/url?esrc=s&q=&rct=j&sa=U&url=https://www.academia.edu/2502941/The_Impact_of_the_Party_System_on_Electoral_Volatility_A_Cross_Country_Analysis_of_Inter_Election_Switching&ved=2ahUKEwj_I7PvjKn9AhWFqIsKHbTtAy4QFnoECAoQAg&usg=AOvVaw2yxRfa_s72ZThr8qPdRroQ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Львович Чепель — кандидат исторических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

Sergey L. Chepel — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sciences, Finance University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Science, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

SLChepel@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 24.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.04.2023; accepted for publication on 20.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-85-90
УДК 327.56(045)

Место и роль Всеукраинских круглых столов национального единства в урегулировании конфликта на Донбассе

Д. О. Денисов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

С момента возникновения конфликта на Украине применялись различные методы и способы его урегулирования. Одним из таких механизмов должен был стать инклюзивный диалог внутри украинского общества. Такой формат весной 2014 г. поддерживали все вовлеченные в конфликт стороны. В мае 2014 г., уже после начала так называемой антитеррористической операции на востоке страны, киевские власти при содействии ОБСЕ организовали серию Всеукраинских круглых столов национального единства. В публичной плоскости организаторы мероприятий преследовали цель – поиск компромисса между сторонами конфликта. В ходе исследования осуществлена попытка выявить влияние Всеукраинских круглых столов национального единства на процесс урегулирования конфликта на Донбассе. Объектом исследования выступили три круглых стола, прошедшие в мае 2014 г. в Киеве, Харькове и Николаеве. Актуальность работы обусловлена недостаточной разработанностью темы, связанной с диалоговыми площадками на Украине в период с 2014 по 2022 г., и их влиянием на протекание конфликта на Донбассе. Новизна работы заключается в том, что ранее тема Всеукраинских круглых столов национального единства не была освещена в научной литературе.

Ключевые слова: Всеукраинские круглые столы национального единства; конфликт на Донбассе; Минские соглашения; «нормандский формат»; переговорный процесс; Украина; отдельные районы Донецкой и Луганской области; урегулирование конфликта

Для цитирования: Денисов Д. О. Место и роль Всеукраинских круглых столов национального единства в урегулировании конфликта на Донбассе. *Гуманитарные науки*. 2023;13(4):85-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-85-90

ORIGINAL PAPER

Place and role of All-Ukrainian Round tables of National Unity in the Settlement of the Conflict in the Donbass

D.O. Denisov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Since the outbreak of the conflict in Ukraine, various methods and methods of its settlement have been applied. One of such mechanisms was to be an inclusive dialogue within Ukrainian society. This format was supported by all parties involved in the conflict in the spring of 2014. In May 2014, after the start of the so-called anti-terrorist operation in the East of the country, the Kiev authorities, with the assistance of the OSCE, organized a series of All-Ukrainian round tables of national unity. In the public sphere, the organizers of the events pursued the main goal of finding a compromise between the parties to the conflict. In the course of the study, an attempt was made to identify the impact of the All-Ukrainian Round tables of National Unity on the conflict settlement process in the Donbass. The object of the study were three Round tables held in May 2014 in Kiev, Kharkiv and Nikolaev (Mykolaiv). The relevance of the research is due to the problem of insufficient elaboration and development of the topic related to dialogue platforms in Ukraine in the period from 2014 to 2022 and their impact on the course of the conflict in the Donbass. The novelty of the work lies in the fact that the topic of the All-Ukrainian round tables of National Unity has not been covered in the scientific literature.

Keywords: All-Ukrainian Round Tables of National Unity; conflict in the Donbass; Minsk agreements; the Normandy format; negotiation process; Ukraine; separate districts of Donetsk and Luhansk regions; conflict resolution

For citation: Denisov D.O. Place and role of all-Ukrainian round tables of national unity in the settlement of the conflict in the Donbass. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):85-90. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-85-90

ПРЕДПОСЫЛКИ ВСЕУКРАИНСКИХ КРУГЛЫХ СТОЛОВ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА

После подписания представителями США, России, Украины и ЕС Женевского заявления от 17 апреля 2014 г.¹ председательствующий в ОБСЕ Д. Буркхальтер сообщил, что СММ ОБСЕ в контексте реализации Женевских соглашений оказала Украине помощь в установлении контактов с группами людей, захватившими некоторые административные здания на Востоке Украины¹. Однако данные эпизодические контакты не переросли в устойчивый диалог.

Начиная с марта 2014 г. Российская Федерация публично выступала с поддержкой базовых требований протестующих на Юго-Востоке Украины, не признавших насильственную смену власти в Киеве. С начала обсуждения возможных всеукраинских диалоговых форматов и площадок Россия акцентировала внимание на необходимости участия в них представителей Юго-Востока страны². Российская Федерация пыталась привлечь их к диалогу в Женеве, однако это предложение не было воспринято другими участниками переговоров³.

В начале мая 2014 г. ОБСЕ представила дорожную карту урегулирования конфликта на Украине, которая включала в себя четыре основных направления: а) сдерживание насилия; б) разоружение; в) общенациональный диалог; г) проведение выборов⁴.

Несмотря на то что базовые позиции были одобрены Украиной, Российской Федерацией, США и ЕС, проблема состояла в совершенно различной интерпретации пунктов документа вовлеченными субъектами.

8 мая в Совместном обращении⁵ и.о. президента Украины, председателя Верховной Рады Украи-

ны Александра Турчинова и премьер-министра Украины Арсения Яценюка было анонсировано проведение Всеукраинских круглых столов национального единства.

Инициатива по их проведению всеми сторонами, вовлеченными в конфликт на Украине, воспринималась позитивно. Накануне первого круглого стола представители киевской власти акцентировали внимание на необходимости диалога⁶. Данную инициативу поддержала Германия и выразила надежду, что национальный диалог будет способствовать урегулированию ситуации по всей Украине⁷. Аналогичную позицию заняли представители США⁸. Российская сторона также поддержала данное начинание, подчеркнув «императив обеспечения равенства его участников, включая представителей нынешних властей в Киеве и общественных лидеров Юго-Востока и других регионов страны»⁹.

ВСЕУКРАИНСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В КИЕВЕ 14 МАЯ 2014 Г.

Модераторами были фактически назначены первый и второй президенты Украины Л. Кравчук и Л. Кучма. Соорганизатором выступил специальный представитель председательствующего в ОБСЕ В. Ишингер¹⁰.

С первого мероприятия четко обозначились неформальные группы, отстаивающие конкретные цели и задачи в рамках дискуссии.

Первая группа состояла из политиков и общественных деятелей, представлявших киевскую власть, либо лояльных по отношению к ней.

В своих выступлениях они подчеркивали, что диалог возможен, но только с теми протестующими, которые «не держат оружие в руках и выступают

¹ Geneva Statement on Ukraine. URL: https://eeas.europa.eu/archives/ashton/media/statements/docs/2014/140417_01_en.pdf (дата обращения: 07.03.2023).

² Интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова программе «Воскресное время». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE 02Bw/content/id/68426 (дата обращения: 07.03.2023).

³ Выступление и ответное слово Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.И. Чуркина на открытом заседании Совета Безопасности ООН по ситуации на Украине. URL: https://www.mid.ru/web/guest/general_assembly/-/asset_publisher/lrzZMhfoYRUj/content/id/64926 (дата обращения: 07.03.2023).

⁴ Swiss Chairperson-in-Office receives positive responses to OSCE Roadmap, says implementation is well underway. URL: <https://www.osce.org/cio/118479> (дата обращения: 07.03.2023).

⁵ Спільне звернення в.о. Президента України, Голови Верховної Ради України Олександра Турчинова і Прем'єр-міністра України Арсенія Яценюка. URL: <https://portal.rada.gov.ua/news/Povidomlennya/92422.html> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ Відбулася зустріч Голови Верховної Ради України, в.о. Президента України Олександра Турчинова з Федеральним міністром закордонних справ Німеччини Франком-Вальтером Штайнмаєром. URL: <https://portal.rada.gov.ua/news/Povidomlennya/92606.html> (дата обращения: 07.03.2023).

⁷ Там же.

⁸ США поддерживают идею проведения «круглых столов национального единства» на Украине. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1175329> (дата обращения: 07.03.2023).

⁹ Комментарий Департамента информации и печати МИД России об организации внутриукраинского национального диалога. URL: https://www.mid.ru/web/guest/kommentarii_predstavatelya/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/60322 (дата обращения: 07.03.2023).

¹⁰ Перший Загальноукраїнський круглий стіл національної єдності. URL: https://www.youtube.com/watch?v=-2H1Wdq21VY&feature=emb_logo (дата обращения: 07.03.2023).

за единство Украины». Лейтмотивом высказываний этих политиков было продвижение пакета реформ как единственно возможного варианта урегулирования конфликта, который включал в себя децентрализацию¹¹, изменения в Конституцию Украины, проведение президентских выборов и евроинтеграцию.

В большинстве своем представители этой группы характеризовали ситуацию на Юго-Востоке Украины как инспирированную Россией, а некоторые оценивали ее как акт агрессии со стороны Российской Федерации.

Ко второй группе относились депутаты парламента преимущественно от Партии регионов, до марта 2014 г. являвшейся наиболее многочисленной в Парламенте, и общественные деятели, использовавшие риторику, связанную с отстаиванием определенных прав жителей Юго-Востока Украины, однако по факту они входили в орбиту олигарха Р. Ахметова и представляли его интересы.

Основной целью данной группы было добиться больших прав для самоуправления регионов и сохранить себя во властной вертикали Украины. С одной стороны, члены этой группы поддерживали инициативы киевской власти, а с другой, ссылаясь на массовые акции протестов на Юго-Востоке, предлагали диалоговые форматы, в которых они представляли бы Юго-Восточные регионы страны¹².

Третья группа состояла из лидеров и активных деятелей политических партий, заинтересованных в получении дивидендов от своей публичной позиции и продвижении собственных идей в целях разрешения кризиса.

В четвертой, самой незначительной группе, были общественные лидеры, не претендовавшие на политические дивиденды и предлагавшие разнообразные механизмы выхода из кризиса. Они преимущественно говорили о необходимости переговоров и диалогов между всеми противостоящими сторонами конфликта.

¹¹ Протестующие на Юго-Востоке Украины одним из ключевых требований к киевским властям выдвигали федерализацию страны с акцентом на социокультурные факторы, такие как язык, религия, историческая память. В то же время представители киевской власти, говоря о реформе децентрализации, делали акцент на экономической составляющей. Впоследствии реформа затронула экономическую плоскость и — «косметически» — распределение административных полномочий.

¹² На май 2014 г. в Донецкой и отчасти в Луганской области сложилась уникальная ситуация, когда представители местной власти, депутаты городских и областных парламентов почти в полном составе покинули свои регионы и находились преимущественно в Киеве.

Особо следует отметить, что представители протестующих граждан на Юго-Востоке Украины на это мероприятие приглашены не были и, как следствие, не могли высказать свою позицию. Также на круглые столы не были приглашены члены парламентской Коммунистической партии Украины, на тот момент резко критиковавшие новые киевские власти.

Обобщая результаты первого Всеукраинского круглого стола национального единства в Киеве, можно сделать следующие выводы:

- Представители киевской власти путем проведения круглых столов добивались подтверждения своей легитимности на всей территории Украины через вовлечение в дискуссию представителей Партии регионов (традиционно представлявшей Юго-Восточные регионы Украины), а также местной и центральной власти в Донецкой, Харьковской и Луганской областях.

- Организаторы круглых столов пытались навязать свою повестку выхода из кризиса на Украине, причем не через диалог, а с позиции силы. Это выражалось в том, что, несмотря на работу круглых столов, не была остановлена так называемая антитеррористическая операция на Востоке страны; ключевыми предложениями киевских властей, которые преподносились как компромисс, были реформа децентрализации (передача в регионы больших полномочий по финансовой и бюджетной политике), конституционная реформа (без указания ее четких параметров), президентские выборы, которые, по мнению представителей киевских властей, должны решить проблему легитимности и «европейского выбора» Украины.

- Киевские власти в своих выступлениях не упоминали требования протестующих относительно федерализации Украины и придания русскому языку статуса государственного, чем демонстрировали отсутствие намерения вести диалог по этим вопросам.

- Организаторы круглого стола сознательно не допустили для участия в нем представителей парламентской Коммунистической партии Украины, выступавших за обсуждение проблем федерализации Украины и придание русскому языку статуса второго государственного.

- Выбранные модераторами первый и второй президенты Украины, судя по стилю и ключевым тезисам их выступлений, продемонстрировали, что диалог с протестующими на Востоке фактически невозможен.

- На круглом столе не было ни одного представителя протестующих граждан из Донецкой и Луганской областей.

- Ряд участников круглого стола, которые избирались по мажоритарным округам Донецкой и Луганской областей, представляли муниципальную власть, были выходцами из региона, но на момент проведения круглого стола не имели инструментов и возможностей оказывать эффективное влияние на протестующих и ситуацию в регионе в целом.

- Один из наиболее влиятельных людей региона, Р. Ахметов, не стал участвовать в круглом столе, ограничившись видеобращением в сети Интернет во время проведения мероприятия. В своем обращении он фактически солидаризировался с представителями киевских властей, указав на необходимость реформы децентрализации страны и конституционной реформы, но ничего конкретного касательно данных изменений он не указал.

На следующий день после первого круглого стола правительство инициировало обсуждение инициатив по изменению Конституции с целью децентрализации с руководителями органов власти в регионах¹⁵. Однако все инициативы, предложенные правительством, находились в финансово-бюджетной сфере и не затрагивали гуманитарную плоскость.

ВСЕУКРАИНСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В ХАРЬКОВЕ (17 МАЯ 2014 Г.)

Во вступительном слове модератор мероприятия Л. Кравчук сообщил, что подготовлено два документа. В первом содержались предложения по изменению Конституции Украины в плане региональной политики, а во втором — по децентрализации власти¹⁴.

Премьер-министр Украины А. Яценюк в своем выступлении изложил параметры подготовленной реформы, отметив, что представители власти в Киеве готовы предоставить русскому языку специальный статус (как и другим языкам национальных меньшинств), но какой конкретно — не уточнил.

¹⁵ Регіони підтримали децентралізацію повноважень і пропонують внести відповідні зміни до Конституції до 25 травня. URL: http://old.kmu.gov.ua/kmu/control/uk/publish/article?art_id=247303801&cat_id=248439756 (дата обращения: 07.03.2023).

¹⁴ II Всеукраїнський круглий стіл національного єднання. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZT_uL5mZlGk (дата обращения: 07.03.2023).

В ходе заседания депутат В. Новинский зачитал Меморандум мира и согласия¹⁵, который два дня спустя внес на рассмотрение парламента. В нем содержались следующие позиции:

- Верховная Рада Украины поддерживает в полном объеме Женевские договоренности от 17 апреля 2014 г.;

- Верховная Рада Украины осуждает противоправное применение оружия и насилия, которые привели к массовым убийствам людей и другим преступлениям против человечества;

- Верховная Рада Украины безотлагательно начнет процесс Конституционной реформы с главным элементом децентрализации власти.

В рамках децентрализации предполагалось: 1) определение внеблокового статуса Украины; 2) участие в международных союзах только после проведения общенародных референдумов; 3) реформирование вертикали власти в сторону усиления местной власти; 4) прямые выборы руководителей областей; 5) установление справедливых бюджетных отношений между центром и регионами; 6) введение институтов местных референдумов; 7) реформирование государства в парламентско-президентскую модель; 8) проведение судебной реформы; 9) проведение реформы правоохранительных органов; 10) ведение борьбы с коррупцией и создание антикоррупционного комитета Украины; 11) упрощение процедуры импичмента президенту; 12) недопущение межконфессиональных конфликтов; 13) обеспечение конституционного закрепления статуса русского языка Верховной Радой Украины; 14) объявление амнистии для граждан, участвовавших в массовых акциях протестов; 15) разоружение всех незаконных формирований; 16) приостановление антитеррористической операции и возвращение всех подразделений в места их постоянного базирования.

В документе¹⁶, который был принят Верховной радой Украины спустя 2 дня, фигурировали новые пункты, и было удалено несколько крайне важных тезисов. Так, появилось утверждение, что Парламент Украины поддерживает проведение выборов президента 25 мая 2014 г. как залог мира и единства в обществе. Также Верховная Рада выражала

¹⁵ Проект постанови Верховної Ради України від 19.05.2014 № 4904. Про Меморандум миру та злагоди. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/DG3S800A?an=3> (дата обращения: 07.03.2023).

¹⁶ Постанова Верховної Ради України. Меморандум порозуміння й миру. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1280-18#Text> (дата обращения: 07.03.2023).

«благодарность всем гражданам Украины, которые принимают участие в мероприятиях по обеспечению защиты прав и свобод граждан, сохранению конституционного строя и территориальной целостности Украины». Пункт относительно статуса русского языка был переделан и гласил, что Парламент Украины обеспечит гарантирование статуса русского языка (при сохранении украинского как единственного государственного). Также государство брало на себя обязательства гарантировать поддержку языков национальных меньшинств в местах их компактного проживания.

Верховная Рада в своем обращении отказалась (как было озвучено на круглом столе) призывать к остановке так называемой антитеррористической операции, вместо этого появилась формулировка о возврате военнослужащих, задействованных в антитеррористической операции, в места их постоянной дислокации после того, как будут освобождены все заложники и административные здания, а также произойдет полное разоружение (данный пункт также относился к протестующим Востока Украины).

Примечательно, что из принятого Парламентом документа также исчезли пункты о внеблоковом статусе Украины и присоединении к международным организациям через механизм общенародных референдумов.

Процесс оглашения на круглом столе в Харькове и принятия Парламентом Украины «Меморандума мира и согласия» демонстрирует двойственную позицию представителей украинских властей в тот период времени. Для широкой публики озвучивались предложения, на которые могли пойти участники протестных акций на Донбассе, но в то же время принимались документы, по содержанию и ключевым идеям неприемлемые для граждан Востока Украины. МИД РФ в своем комментарии отмечал эти изменения и подчеркивал, что они несут деструктивный характер¹⁷.

В ходе круглого стола в Харькове проявилась большая радикализация участников и их противопоставление друг другу. На данном мероприятии, в отличие от киевского, присутствовали представители местной власти из Луганской области, которые сообщали, что граждане массово голосовали на референдумах в Луганске и Донецке, лидеры акций протестов готовы на переговоры, но условием является прекращение так называемой антитер-

рористической операции, — Украина должна быть федеративным государством.

На круглом столе в Харькове проявилась четкая предвзятость модераторов дискуссии. Так, Л. Кравчук делал постоянные комментарии такого характера: «Я не могу пригласить на круглый стол избранного руководителя»; «Выгоните провокаторов из своих областей» (обращаясь к представителям Луганской области); «С террористами и убийцами переговоров нет, только с официальными гражданскими организациями» (относительно лидеров протестов). Власть в лице премьер-министра А. Яценюка также стала использовать более жесткие формулировки. В частности, отмечал, что языковой проблемы не существует, федерализация недопустима, в Донецке и Луганске — террористы, которые хотят у вас украсть территорию (обращаясь к луганским и донецким представителям).

В итоге, ключевой темой на круглом столе в Харькове стала проблема административно-территориального деления Украины: оставить государство унитарным (с осуществлением реформы децентрализации) или переформатировать страну в федерацию.

ВСЕУКРАИНСКИЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА В НИКОЛАЕВЕ (22 МАЯ 2014 Г.)

В начале был зачитан текст Меморандума взаимопонимания и мира. Логика дискуссий на этом круглом столе была сходной с предыдущими мероприятиями: представители власти акцентировали внимание на реформе децентрализации, представители националистических политических сил критиковали Меморандум за его «мягкость», большинство руководителей де-юре местных властей Юго-Восточных регионов поддерживали Меморандум¹⁸.

Следует отметить, что круглый стол в Николаеве стал самым малосодержательным с точки зрения смыслового наполнения. Также по выступлениям участников становилось все более очевидным, что сама идея инклюзивного внутригосударственного диалога не реализуется в рамках данных мероприятий, а заменяется на навязывание одной из сторон, представляющей новую киевскую власть, своей парадигмы развития страны другим участникам дискуссии.

¹⁷ Комментарий МИД России по ситуации на Украине. 1228–21–05–2014. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1599472/ (дата обращения: 07.03.2023).

¹⁸ Третій Круглий Стіл Національної Єдності в Миколаєві. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GWgQunEMyJ8> (дата обращения: 07.03.2023).

Исходя из описанных событий, связанных с проведением на Украине в мае 2014 г. серии круглых столов, уместно сделать некоторые выводы:

1. Дискуссии относительно необходимости запуска общенационального диалога на Украине начали проводиться сразу после событий, связанных с государственным переворотом в Киеве и начавшимися акциями протестов в Юго-Восточных регионах страны.

2. Киевские власти изначально соглашались с различными диалоговыми форматами, но на своих условиях, не подразумевавших включение в подобные дискуссии лидеров протеста на Юго-Востоке страны.

3. Введением в действие решения СНБО Украины относительно начала антитеррористической операции на Востоке Украины киевские власти продемонстрировали отсутствие политической воли к диалогу с протестующими гражданами.

4. Все вовлеченные в кризис на Украине стороны выражали поддержку проведению Всеукраинских круглых столов национального единства, однако у них были разные приоритеты.

5. Всеукраинские круглые столы национального единства изначально не подразумевали участия в них лидеров протестующих из Юго-Восточных регионов Украины. Ключевые проблемы, поднимаемые на этих мероприятиях участниками, изначально модерировались представителями киевской власти.

6. На первом Всеукраинском круглом столе национального единства председатель Верховной

Рады Украины, и.о. президента Украины А. Турчинов и премьер-министр Украины А. Яценюк изначально поставили барьер для полноценного диалога с протестующими из Юго-Восточных регионов страны, заявив, что акции протестов инспирированы Российской Федерацией, административные здания захватывают террористические организации, которые киевские власти обезвреживают.

7. На первом круглом столе представители Киева сделали попытку международной легитимации мероприятия, заявив, что соорганизатором является ОБСЕ через специального представителя, председательствующего в ОБСЕ, В. Ишингера.

8. Процесс оглашения на круглом столе в Харькове и принятия Парламентом Украины Меморандума мира и согласия демонстрирует двойственную позицию представителей власти Украины в тот период времени. Для широкой публики озвучивались предложения, на которые могли пойти участники протестных акций в Донбассе, в то же время принимались документы, по содержанию и ключевым идеям неприемлемые для вышедших на протесты граждан Востока Украины.

9. По сути, при помощи данных круглых столов представители киевской власти добились следующих целей: а) внутренней и внешней легитимации; б) видимости диалога внутри Украины; в) делигитимации лидеров протестующих в Юго-Восточных регионах; г) продвижения ключевых своих нарративов (децентрализация); д) маргинализации политических оппонентов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Денис Олегович Денисов — доцент департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; директор Института миротворческих инициатив и конфликтологии, Москва, Россия

Denis O. Denisov — Associate Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia; Director, Institute for Peacebuilding Initiatives and Conflict Management, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5383-6811>

dendenole@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.04.2023; принята к публикации 12.05.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.04.2023; accepted for publication on 12.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-91-99
УДК 32(045)

Образ Советского Союза в контексте современного противостояния США и Китая. Взгляд RAND Corporation 2022 (военно-политический аспект)

А.И. Сперкач

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Главный источник настоящей статьи – доклад «The Return of Great Power War: Scenarios of Systemic Conflict Between the United States and China. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2022» (далее – Доклад). Рассматривая современное противостояние США и КНР, пытаюсь наметить его будущие границы и сюжеты, американские аналитики более 70 раз ссылаются на советский опыт, дают различные оценки Советскому Союзу, в том числе в контексте прежнего глобального соперничества с ним. Такой ретроспективный взгляд из-за океана представляет немалый интерес для исследования сам по себе. Однако речь в настоящей статье идет не столько о воспроизведении представлений аналитиков RAND Corporation, сколько о пояснении причин, почему в тех или иных случаях эти представления ошибочны, что, в свою очередь, делает необходимым обозначение альтернативной, более релевантной картины возможностей и реалий СССР. А так как они рассматриваются в сопоставлении с возможностями других глобальных лидеров, в статью инкорпорировано рассмотрение достаточно широкого круга тем. С учетом того, что в Докладе проводится сопоставление четырех глобальных лидеров последних столетий (начиная с середины XVIII в.), в статье присутствуют сюжеты, связанные с Британской империей и современным Китаем. Они позволяют более полно раскрыть как тему специфичности советского опыта, так и наглядно продемонстрировать причины некоторых аберраций, которые, по мнению автора статьи, присутствуют в Докладе.

Ключевые слова: СССР; США; военно-морской флот; экономика; КНР; морские коммуникации; глобальное лидерство; противостояние сверхдержав; ядерный потенциал; Британская империя

Для цитирования: Сперкач А.И. Образ Советского Союза в контексте современного противостояния США и Китая. Взгляд RAND Corporation 2022 (военно-политический аспект). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):91-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-91-99

ORIGINAL PAPER

Image of the Soviet Union in the Context of the Contemporary Confrontation between the United States and China. The view of RAND Corporation 2022 (Political-Military Aspect)

A.I. Sperkach

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The primary source for this article is the report on “The Return of Great Power War: Scenarios of Systemic Conflict Between the United States and China”. Santa Monica, CA: RAND Corporation; 2022 (hereinafter referred to as the Report). When considering the current confrontation between the United States and China and trying to outline its future boundaries and plots, American analysts refer to the Soviet experience more than 70 times and give various assessments of the Soviet Union, including in the context of the former global rivalry with it. This retrospective view from across the ocean is of considerable interest in itself. However, this article is not so much about reproducing the perceptions of RAND Corporation analysts as it is about explaining why these perceptions are wrong in certain cases, which, in turn, makes it necessary to outline an alternative, more relevant picture of the USSR’s capabilities and realities. And since they are considered in comparison with the capabilities of other global leaders, the article incorporates consideration of a fairly wide range of topics. Given that the Report compares four global leaders of the last centuries (starting from the mid-18th century), the article includes subjects related to the British Empire and contemporary China. They make it possible to more fully reveal both the specificity of the

Soviet experience and to demonstrate the reasons for some aberrations, which, in the opinion of the author of the article, are present in the Report.

Keywords: USSR; USA; navy; economy; PRC; maritime communications; global leadership; confrontation of superpowers; nuclear potential; British Empire

For citation: Sperkach A.I. Image of the Soviet Union in the context of the contemporary confrontation between the United States and China. The view of RAND Corporation 2022 (political-military aspect). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):91-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-91-99

Для раскрытия темы отражения образа Советского Союза в исторической памяти, безусловно, немалый интерес представляет то, как этот образ преломился в сознании авторитетных американских аналитиков.

Разумеется, советская тематика в Докладе носит подчиненный характер, но отдельные закономерности, aberrации и примечательные детали, касающиеся СССР, показательны сами по себе и требуют порой не только констатации. Задача настоящей статьи — проанализировать их, уделяя особое внимание случаям, когда у американских аналитиков явно «сбивается оптика», и прояснить причины, почему такие сбои происходят.

Сразу следует отметить противоречивость подходов авторов Доклада почти всегда, когда они обращаются к теме Советского Союза. Так, с одной стороны, СССР рассматривается в ряду глобальных лидеров последних столетий. Речь идет о достаточно очевидной четверке стран, в которую, помимо Советского Союза, входят Британская империя, современные США и КНР. Теоретически максимально расширенный список претендентов мог бы включать еще и Германию перед Первой мировой войной и Наполеоновскую Францию, но подобная операция являлась бы дискуссионной. Таким образом, в фокусе зрения американских аналитиков максимально ограниченный и, казалось бы, бесспорный круг держав — глобальных лидеров. С другой стороны, постоянно подчеркивается или делается намеки на некий неполноценный статус Советского Союза, из которых следует почти случайное попадание нашей страны в упомянутый квартет. Данный момент тем более странен, что критерием попадания в него являются «необычная степень концентрации военной и экономической мощи и глобальный охват» [1, р. 34], т.е. СССР «подозревают» в отсутствии как раз тех качеств, которые были для него характерны и даже гипертрофированы.

В подобной коннотации речь ведется именно о 1945–1976 гг., когда Советский Союз, по мысли авторов Доклада, переживал свой наивысший

расцвет, и на котором будет по преимуществу сосредоточено и наше внимание (табл. 1).

Оговорки подобного рода настолько часто делаются в работе, не имеющей, вообще говоря, прямого отношения к СССР, что можно констатировать наличие здесь некоей идеи фикс американских исследователей.

Так, утверждается, что даже включение Советского Союза в число мировых лидеров «не является беспроблемным» [1, р. 35], говорится, будто Советский Союз, возможно, даже не был глобальным лидером [1, р. 48], что по отношению к одной из двух сверхдержав второй половины XX в. уже удивительно. Далее СССР, по контрасту с любой из полноценных «глобально доминирующих держав», наделяется куда более скромным и даже принижающим сверхдержаву статусом «державы региональной» [1, р. 34], с которой «Соединенные Штаты конкурировали с позиции силы» [1, р. 7].

Более того, Советский Союз, по мнению авторов, «не имел возможности проецировать мощь по всему миру» (речь ведется именно о военной мощи) [1, р. 2], «никогда не достигал высот глобальной власти», «поддерживал дружественные связи с горсткой коммунистических стран» [1, р. 39] и т.п.

Многозначительным в данном контексте выступает ретроспективное посягательство на «святая святых» традиционного образа СССР — его силовые характеристики.

Компаративная оценка возможностей различных государств, в том числе сравнение их совокупной военной мощи, давно является темой специальных исследований, в которых используются многообразные формулы и коэффициенты [2, 3]. Однако подобный подход не характерен для авторов Доклада, чья позиция в данном вопросе, как общее правило, сводится к набору констатаций. Соответственно, и разбор их представлений не нуждается в изощренной методике.

Сопоставлению военной мощи глобальных лидеров в чистом виде посвящен отдельный очень небольшой раздел Доклада [1, р. 43]. Проведенный

Таблица 1 / Table 1

Периоды подъема, первенства и упадка ведущих великих держав / Periods of rise, primacy and decline of the leading great powers

Страна	Тип первенства	Годы восхождения	Годы первенства	Годы упадка
Великобритания	Глобальное	1763–1815	1815–1873	1873–1939
США	Глобальное	1873–1945	1945–1974	1974–настоящее время
Советский Союз	Региональное	1911–1944	1945–1976	1977–1990
Китай	Глобальное?	1979–2030-е?	Конец 2030-х гг.?	?

Источник / Source: [1, p. 36].

Таблица 2 / Table 2

Оценка военной мощи ведущих великих держав / Assessing the military power of the leading great powers

Ведущая великая держава	Военно-морское превосходство (более 50% от общемирового показателя)	Способность выдерживать серьезные боевые действия на другом континенте
Великобритания	Да	Да
США	Да	Да
Советский Союз	Нет	Нет
Китай	Сомнительно	Возможно

Источник / Source: [1, p. 44].

в нем анализ сложно назвать релевантным и даже добросовестным. Оценка совокупной военной мощи великих держав подменяется гипертрофированным интересом только к одной ее составляющей, а именно ВМФ. На первое место по значению безапелляционно ставится способность вооруженных сил как таковых «защищать жизненно важные морские пути» [1, p. 44].

Содержание раздела в полной мере раскрывает единственная таблица Доклада, посвященная военной тематике (табл. 2).

Но и в этих прокрустовых рамках вся компаративная методика сводится к единственному вопросу: превосходили ли военно-морские силы той или иной державы отметку в 50% от общего тоннажа мирового флота? Ответ на второй вопрос (табл. 2) почти полностью детерминирован ответом на первый, однако далеко не так очевиден, как это представляется авторам Доклада.

Следует заметить, что функции даже изолированно рассматриваемого военно-морского флота далеко не ограничиваются задачей защиты ключевых коммуникаций. Более того, как будет

показано ниже, такая защита в принципе может не являться для ВМФ ведущей приоритетной целью в военном отношении.

Полагаю, подобные вполне очевидные перекосы данной части Доклада связаны отнюдь не со злым умыслом или желанием авторов как-то сознательно принизить и ретроспективно дискредитировать Советский Союз.

Они, насколько об этом можно судить, абсолютизируют опыт англо-саксонских великих держав (Британской империи и США), а также качества и признаки, характерные и исторически необходимые для их выдвижения и выживания, не допуская саму возможность лидерства в мире государства, не подпадающего под такие стандарты. Совершенно очевидно, что некоторые аспекты именно советской специфики просто упускались ими из виду.

Кроме того, можно констатировать традиционное влияние на аналитиков англо-саксонской школы, исключительно популярной и спорной в первую очередь в отношении других стран, концепции маринизма, воплощенной выдающимися

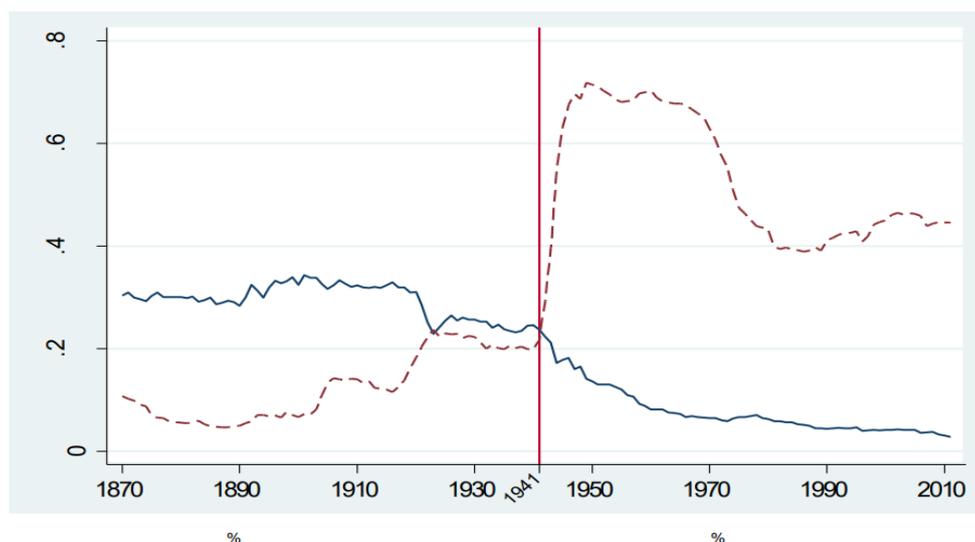

Рис. 1 / Fig. 1. Британия vs США: 1870–2011 гг. / Britain vs the United States: 1870–2011

Источник / Source: URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/29086>

теоретиками Альфредом Мэхэном и Филипом Колумбом, отводившими гипертрофированную роль в историческом процессе в целом именно военно-морским силам [4].

Борьба за глобальное лидерство, вступление в фазу «преобладания» и для США, и для Британской империи проходила совершенно не так, как в СССР и строилась на иных основаниях. Возникновение Британской империи изначально было связано с обеспечением военного преобладания на морях. Авторы доклада это понимают, констатируя, что именно Англо-Голландские войны привели Соединенное Королевство к господству на океане, что обеспечило ему преобладание над торговыми соперниками [1, р. 47]. Таким образом, потеря возможности контролировать морские коммуникации детерминированно выводила Британскую империю из числа глобальных лидеров, как это и произошло в действительности. Островное положение Великобритании в данном случае делает ситуацию еще более наглядной.

Хронологически начало доминирования Соединенных Штатов, по оценке авторов Доклада, также совпадает с началом единоличного господства этой страны на море. Тут следует оговориться: взятые из другого источника приводимые ниже данные свидетельствуют, что, если неукоснительно придерживаться методики американских аналитиков, глобальное лидерство США нужно отсчитывать не с 1945 г., а с более ранней даты. Уже непосредственно во время Второй мировой войны их преобладание на море стало подавляющим, а вторая морская держава мира

(Великобритания) оказалась полностью зависимым союзником Соединенных Штатов, лишенным даже намека на возможность выскользнуть из их фарватера (рис. 1).

Но нас интересует не эта деталь. США еще с последней четверти XIX в. являлись безоговорочным лидером по экономическому развитию. После Первой мировой войны туда переместился главный финансовый центр мира. Но даже в совокупности все эти важнейшие характеристики не предопределяли глобального лидерства этой страны (с такой точкой зрения, изложенной в Докладе, вполне можно согласиться).

Период преобладания Соединенных Штатов в Докладе вполне справедливо увязан именно с военно-политическими факторами: не только абсолютным преобладанием на море, но и установлением военно-политического преобладания в Западной Европе, подкрепленным монополией на ядерное оружие. Если бы речь шла только о ВМФ, хронология мирового лидерства могла быть сдвинута на год или два, к 1944 или даже 1943 г. Подчеркнем, что роль ВМФ в данном контексте не является преувеличенной: он являлся абсолютно необходимым элементом, без которого именно США не могли бы претендовать на статус сверхдержавы, так как не могли бы обеспечивать свои позиции в Западной Европе. Любые «проекции силы» в Латинской Америке, Африке и Азии никоим образом не компенсировали бы потерю европейского форпоста, а для усиления своего господства над ним и даже простого сохранения статус-кво периода Pax Americana Соединенным

Штатам жизненно необходим был преобладающий военный флот.

В целом и Британская империя, и США выстраивали свое преобладание длительное время, основывая его на двух компонентах: 1) наиболее развитой рыночной экономике и финансовой сфере; 2) военно-морской мощи. Все прочие факторы оказывались для них сопутствующими. Британская империя, например, никогда не обладала доминирующей сухопутной армией, но именно в ее случае такая асимметрия не ставила под сомнение статус глобального лидера в полном соответствии с изложенным в Докладе подходом. Кроме того, преобладание на море и США, и Британской империи давало гарантию от прямых вторжений серьезных и даже преобладающих в иных видах вооруженных сил соперников. Тут уместно сослаться на неверное географически, но абсолютно релевантное геополитически утверждение Сэма Тангреди, сравнивающего Соединенные Штаты с Британией и, со своей стороны, проясняющего причины исключительной роли ВМФ в истории именно этих стран: «Америка — это остров. Большой, но все же остров. Наша способность влиять на мировые события зависит от способности применять все возможности наших кораблей — в любой момент и в любом месте» [5].

Опираясь именно на опыт англосаксонских стран, авторы Доклада выстраивают абсолютно верную, но только по отношению к ним, иерархию задач, которые должна была решать «надежная армия, способная проецировать силу» (следует обратить внимание, что речь тут изначально идет именно об армии, а не о ВМФ, взятом изолированно, к чему подвели в итоге авторы Доклада). Итак, как отмечалось выше, на первом месте стоит защита жизненно важных морских путей. Второй и третий пункты близки к первому: «защита клиентов» и «защита зарубежных национальных интересов». В этом списке напрочь отсутствует защита собственной территории или захват (установление господства) на сопредельных территориях — еще один наглядный пример всеподавляющего влияния на аналитиков Рэнд именно англосаксонской картины мира [1, р. 43].

Во многом данный путь установления глобального господства повторяет в последние десятилетия КНР, которая после построения эффективной рыночной экономики, завязанной на мировую торговлю, начала бороться за военно-морское первенство своего флота, создавать колоссаль-

ный по размерам корпус морской пехоты и т.д. [1, р. 45].

Однако во всех упомянутых случаях речь идет о тех компонентах силы и тех задачах, которые для СССР либо не являлись первостепенными, либо противоречили самому устройству страны (рыночные отношения), либо, как это будет показано ниже, даже не осознавались таковыми.

Способы «проекции силы» СССР отнюдь не были критически зависимы от наличия преобладающего в мировом масштабе ВМФ (разумеется, не отрицается важность и военно-морского фактора в экспансии), как и от шаблонов развития англосаксонской цивилизации.

У Советского Союза просто не было в отдалении от его границ морских коммуникаций, которые можно считать жизненно важными для его существования.

Причины, по которым сложилась такая ситуация, только отчасти относятся к геополитическим. В основном они зиждутся на принципиальной особенности Советского Союза, коренным образом отличающей его от всех прочих рассматриваемых в Докладе мировых лидеров. Как отмечают сами его авторы, СССР гораздо меньше зависел от доступа к мировой экономике, чем даже нынешний претендент на мировое лидерство в лице КНР [1, р. 43].

Тем более, что данная характеристика относилась именно к морской торговле.

Для «глобальной проекции силы» Советского Союза ключевым фактором являлся не военно-морской флот и даже не наиболее мощная сухопутная армия, а наличие обширного арсенала современного ядерного оружия и средств его доставки. Основываясь на последнем утверждении, можно оспорить саму дату — 1945 г., которая в Докладе открывает период лидерства СССР. Ее следует отодвинуть лишь на 1949-й (к тому же это год создания КНР, шедшей тогда в политическом фарватере Советского Союза), а скорее всего, и на более поздний срок. Не останавливаясь подробно на этой теме, следует заметить, что и «фазу подъема Союза в Восточной Европе» отсчитывать, как обнародовано в Докладе, с 1922 г. крайне сомнительно [1, р. 35]. Тревожное состояние СССР в 1927 г. наглядно продемонстрировало абсолютную беспомощность при столкновении даже с второразрядными державами. О противостоянии серьезной военной опасности тогда и речи не могло быть, тем более — о «росте первенства».

Однако вернемся к ключевому фактору глобального лидерства СССР. Еще в начале 60-х гг.,

во время Карибского кризиса, серьезно отставая и по количеству, и по качеству ядерного оружия от США, Советский Союз исключительно быстро добился сопоставимых показателей, затем — паритета и даже преимущества во многих моментах ядерного противостояния. Удивительно, что авторы Доклада не заметили или не оценили в полной мере проекцию силы, которую отбрасывал на всю планету «ядерный зонтик» СССР, обеспеченный самыми современными средствами доставки морского базирования.

И учитывая ядерный фактор, и абстрагируясь от него, и рассматривая ситуацию в контексте прямого столкновения СССР и США, и исключая такое столкновение, можно сказать, что именно европейский театр являлся ключевой ареной противостояния сверхдержав. Надежные коммуникации с ним Советский Союз вполне обеспечивал без ВМФ и океанского флота, в отличие от США.

«Региональный азиатский» статус СССР опровергают приводимые в самом Докладе места «опосредованных войн» с Соединенными Штатами, которые велись Советским Союзом на территории Анголы, Сальвадора и Никарагуа [1, р. 47].

В целом, характеристики глобального проникновения Советского Союза, которые формулируют авторы Доклада, вызывают удивление: оказывается, «Москва поддерживала дружественные связи с горсткой коммунистических стран в Азии, таких, как Северная Корея и Вьетнам, а также в Латинской Америке» [1, р. 38].

Из поля зрения американских аналитиков пропадает целый континент — Африка, «забывается» КНР, при помощи самого СССР и при противодействии США созданная и до поры до времени являвшаяся младшим политическим партнером Советского Союза; серьезные позиции в еще одном азиатском гиганте, Индонезии, при режиме Сукарно (которые СССР успешно поддерживал в том числе с помощью ВМФ, помогая Индонезии выиграть спор за западную часть Новой Гвинеи) и т.д. Кстати говоря, для того, чтобы Индонезия не вернулась случайно к прежнему курсу и не пополнила собой «горстку дружественных режимов», новой прозападной власти пришлось физически уничтожить несколько сот тысяч коммунистов и лояльно настроенных к СССР граждан.

Самое широкое проникновение Советского Союза в Африку, напряжение, доставляемое США Чили, Индонезии и другим, крайне отдаленным частям мира, только подтверждают надуманность «регионального» определения для СССР периода

расцвета. Чили, к слову, вообще не упоминается в Докладе.

Следует учесть еще один нюанс. Особенности вхождения СССР в «годы первенства» характеризуются абсолютным военным, экономическим и политическим доминированием США в подавляющем большинстве стран мира. Распространение влияния Советского Союза в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке происходило с разной степенью интенсивности, но всегда являлось вытеснением Соединенных Штатов и их «клиентов» с занимаемых доселе позиций. Глобально можно говорить как раз об отступлении США в 50-е — 70-е гг. (иногда с реваншами, как в Индонезии, Чили, иногда — без, как на Кубе и в Анголе), которые в это время, по мнению авторов Доклада, с Советским Союзом якобы «конкурировали с позиции силы» [1, р. 7].

Таким образом, в Докладе нарисована неверная картина послевоенной реальности, когда СССР столкнулся с якобы «отсутствием доступной территории, на которую не “претендовали” другие нации» [1, р. 41]. Практически всегда дело обстояло так, что на упомянутых территориях «другие нации» (т.е. США или их «клиенты») уже давно и уверенно господствовали.

При этом крупнейший в мире надводный военный флот США и их союзников абсолютно не обеспечивал сохранность сферы влияния США от подобного крайне болезненного проникновения СССР. Таким образом, у Советского Союза была успешная военно-политическая конкуренция с США, что само по себе снимает для глобального лидера вопрос о необходимости обладания более чем 50% тоннажа мирового ВМФ.

Существовало еще одно важное обстоятельство. Руководство СССР в постсталинский период стало ориентировать ВМФ страны на ядерную и скоротечную войну, по словам авторитетных исследователей, даже сняв для него с повестки решение долгосрочных и военно-политических задач, заменив их «на чисто военные» [6, с. 15].

В итоге «созданный в соответствии с этой стратегией ВМФ СССР мог эффективно выполнить свои задачи только в ядерной войне с НАТО», для чего он, собственно, и строился [6, с. 20].

Определенную роль в относительном (и временном) манкировании Советским Союзом ускоренного развития надводных военно-морских сил играл и субъективный фактор. Более десятилетия страной руководил лидер, уверенный в том, что крупные военные корабли являются

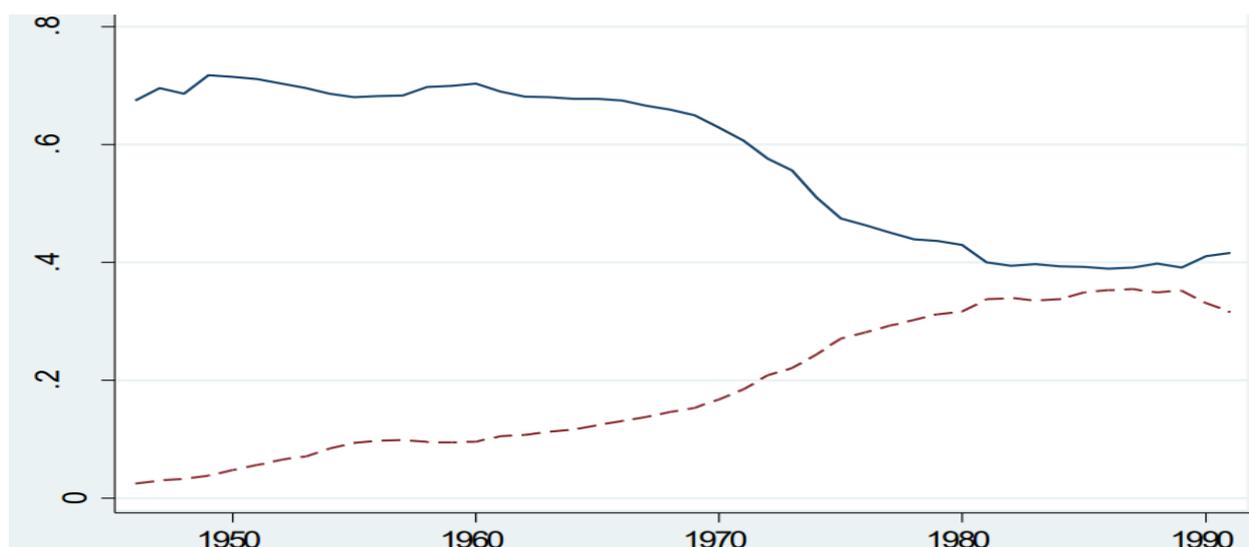

Рис. 2 / Fig. 2. Развитие военно-морского флота сверхдержавы: США vs СССР (1946–1991 гг.) / Superpower Naval Development: US vs USSR (1946–1991)

Источник / Source: URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/29086>

анахронизмом, и в самом скором времени «надводные корабли станут обузой». Дело дошло до уничтожения недостроенных или только что спущенных крейсеров [6, с. 15; 7].

Значение субъективного фактора личных представлений главы Советского Союза часто (особенно до эпохи Л.И. Брежнева) являлось определяющим для развития того или иного компонента силы СССР. Такова одна из особенностей политического бытия советских элит. Углубление в подобные достаточно специфичные детали строительства военной мощи СССР необходимы, чтобы продемонстрировать, что относительно долгое «торможение» развития надводного ВМФ СССР как «способа проекции силы» (вплоть до полной ликвидации частей морской пехоты, десантных кораблей и т.д.) никак не связано с тем, что Советский Союз отказался от политики проникновения в другие регионы или не был способен его осуществлять. Просто руководство страны исходило из других концепций использования ВМФ.

Но вот в реализации принятого подхода, ориентированного на развитие стратегических ядерных сил морского базирования, СССР достиг исключительно больших результатов, которые вполне можно назвать феноменальными. Достаточно сказать, что, если в 1967 г. двум советским подводным лодкам, оснащенным баллистическими ракетами (ПЛАРБ), противостояла 41 субмарина соответствующего класса Соединенных Штатов, то к середине 70-х гг. СССР имел по данному классу численное преимущество, а в 1981 г.

соотношение составляло уже 62 к 40 в пользу «азиатской региональной державы» [6, с. 18].

С учетом всех оговорок, развитие ВМФ СССР в целом шло с определенного момента по нарастающей, и он составлял все более болезненную конкуренцию флоту США, буквально наступая ему на пятки на завершающей стадии существования Советского Союза (что не спасло СССР от самоуничтожения).

Чтобы продемонстрировать реальную ситуацию в данной области, необходимо вести поиск за пределами Доклада. В исследовании «Power at Sea: A Naval Power Dataset, 1865–2011» (рис. 2) утверждается, что на долю двух стран приходилось почти 80% мировой военно-морской мощи. При этом доля США составляла 40% в 1981 г. и 37,7% в 1989 г.

Об этом же красноречиво свидетельствует сопоставление ВМФ пяти ведущих стран мира из того же источника, авторы которого констатируют, что «в годы холодной войны Советы действительно бросили вызов американскому военно-морскому превосходству» (рис. 3).

Все это в совокупности не только опровергает указанное в Докладе одностороннее и подавляющее доминирование Соединенных Штатов над Советским Союзом в данном вопросе, но и ставит под сомнение сам тезис о сакральной доле (более 50%) водоизмещения от мировых ВМС как необходимого признака для любой глобальной доминирующей державы. Даже если критически относиться к заявлениям американских же ис-

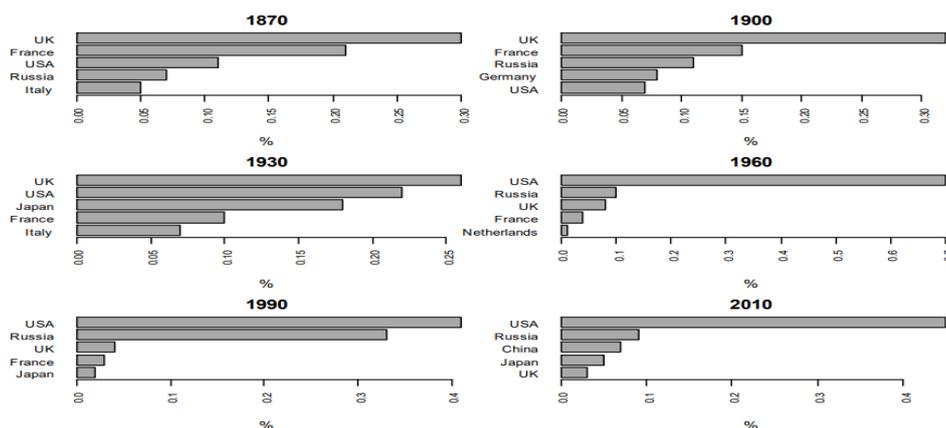

Рис. 3 / Fig. 3. Соотношение сил пяти ведущих военно-морских держав мира / The power balance of the world's five leading naval powers

Источник / Source: URL: <https://doi.org/10.7910/DVN/29086>

Таблица 2 / Table 2

Тоннаж военных судов держав в 1880–1914 гг. / Tonnage of the Powers' warships in 1880–1914

Страна / год	1880	1890	1900	1910	1914
Британия	650 000	679 000	1 065 000	2 174 000	2 714 000
Франция	271 000	319 000	499 000	725 000	900 000
Россия	200 000	180 000	383 000	401 000	679 000
Соединенные Штаты	169 000	240 000	333 000	824 000	985 000
Италия	100 000	242 000	245 000	327 000	498 000
Германия	88 000	190 000	285 000	964 000	1 305 000
Австро-Венгрия	60 000	66 000	87 000	210 000	372 000
Япония	15 000	41 000	187 000	496 000	700 000

Источник / Source: [9].

следователей данной тематики, например, о том, что «в 1870–1880-х гг. между британским и французским флотами существовал разрыв примерно в 10%» [8], то приводимые фактически данные по тоннажу, кажется, должны окончательно «похоронить» тезис авторов Доклада (табл. 2).

С другой стороны, прекрасным примером того, что полное доминирование на море отнюдь не всегда является ключевым фактором в противостоянии держав, «определяющих ход истории», явилась франко-прусская война [10].

Если рассматривать данный вопрос в более узком и близком к теме настоящей статьи смысле,

достаточно указать на то, что крушение СССР и победа США в холодной войне состоялись отнюдь не потому, что американский надводный флот был сильнее советского. Вопреки хрестоматийному выражению Альфреда Мэхана — «сила на море решает судьбу истории» — ее ход определили другие факторы. Хотя следует упомянуть, что в отечественной литературе встречается и другая точка зрения*, которую автор настоящей статьи считает ошибочной.

* В частности, речь идет об утверждении А. Г. Дугина о том, что «победа в холодной войне с СССР окончательно закрепила успех стратегии “Морской Силы”».

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (код научной темы FZRS-2022-0003) в рамках государственного задания ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева».

ACKNOWLEDGEMENTS

The work was financially supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (scientific theme code FZRS-2022–0003) within the framework of the state assignment of N. P. Ogarev MSU.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Heath T.R., Gunness K., Finazzo T. The Return of Great Power War. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA830-1.html
2. Кладо Н.Л. Война России с Японией в 1905 году. СПб.: Тип. Мор. М-ва; 1904.
Clado N.L. War between Russia and Japan in 1905. St. Petersburg: Publishing house of sea navigation; 1904. (In Russ.).
3. Knorr K. The War Potential of Nations. Princeton: Princeton University Press; 1956.
4. Mahan A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783. Boston: Little, Brown and Company; 1890.
5. Sam J. Tangredi Globalization and Maritime Power. California, US: CreateSpace Independent Publishing Platform; 2005.
6. Кузин В.П., Никольский В.И. Военно-Морской Флот СССР 1945–1991. СПб.: Историческое Морское Общество; 1996.
Kuzin V.P., Nikolsky V.I. Navy of the USSR 1945–1991. St. Petersburg: Historical Maritime Society; 1996. (In Russ.).
7. Родионов Б.И., Доценко В.Д., Костев Г.Г. и др. Три века российского флота. СПб.: LOGOS; 1996.
Rodionov B.I., Dotsenko V.D., Kostev G.G. et al. Three centuries of the Russian fleet. St. Petersburg: LOGOS; 1996. (In Russ.).
8. Crisher B., Souva M. Power at Sea: A Naval Power Dataset, 1865–2011. URL: 2015 <https://doi.org/10.7910/DVN/29086> (In Russ.).
9. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Knopf Doubleday Publishing Group; 1987.
10. Быстров А. Первые броненосцы Германии. СПб.: АНТ-Принт; 2001.
Bystrov A. The first battleships of Germany. St. Petersburg: ANT-Print; 2001. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Иванович Сперкач — кандидат исторических наук, старший преподаватель департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexander I. Sperskach — Cand. Sci. (History), Senior Lecturer, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6399-5162>

sperskach@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 20.05.2023; принята к публикации 15.06.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.05.2023; accepted for publication on 15.06.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-100-105
УДК 329.11(045)

Гендерные темы в самопрезентации правых политических партий Италии и Германии

Н.М. Великая^а, Е.Ю. Берёзкина^б

^{а, б} Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;
^б РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – исследовать особенности самопрезентации правых политических партий Германии и Италии, основываясь на различном подходе к отражению гендерных тем. **Эмпирическая база** исследования – результаты авторского количественного и качественного контент-анализа тестов официальных документов ЕС (пакты, доктрины), предвыборных программ правых партий, избранных в 2019 г. в Европейский парламент, а также дискурс-анализ текстов выступлений партийных лидеров. Тема гендерного равенства используется всеми проанализированными партиями Германии и Италии, однако это не является основным вопросом предвыборных программ, но служит вспомогательным инструментом для объяснения предлагаемых решений по фискальным и экономическим вопросам. Количественный анализ позволил выделить ряд ключевых тематических кластеров в гендерной проблематике. Результаты исследования могут быть полезны специалистам, исследующим внутренние процессы в странах ЕС, а также тем, кто интересуется современными особенностями политических партий правого спектра.

Ключевые слова: политические партии; партийная идеология; партийная самопрезентация; политические партии Германии; политические партии Италии; популизм; правые политические партии; гендерное равенство

Для цитирования: Великая Н.М., Берёзкина Е.Ю. Гендерные темы в самопрезентации правых политических партий Италии и Германии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):100-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-100-105

ORIGINAL PAPER

Gender Topics in Self-presentation of the Right Populist Italian and German Political Parties

N.M. Velikaya^а, E. Yu. Berezkina^б

^{а, б} Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia;
^б Plekhanov Russian University of Economics. Moscow, Russia

ABSTRACT

The purpose of the article is to explore the features of the self-presentation of the right-wing political parties in Germany and Italy, based on a different approach to reflecting gender topics. **The empirical base** of the study is the results of the authors' quantitative and qualitative content analysis of tests of EU official documents (pacts, doctrines), as well as the texts of the election programs of the elected in 2019 for the European parliament right-wing parties, and discourse analysis of the texts of speeches of party leaders. The themes of gender equality is used by all the analyzed parties both in Germany and Italy, however, they are not the main issues of the election programs, but serve as an auxiliary tool for explaining the proposed decisions on fiscal and economic issues in the programs. Quantitative analysis made it possible to identify a number of key thematic clusters in gender issues. The results of the study may be useful to specialists who study internal processes in the EU countries, as well as to those who are interested in the modern features of right-wing political parties.

Keywords: political parties; party ideology; party self-presentation; political parties in Germany; political parties in Italy; populism; right-wing political parties; gender equality

For citation: Velikaya N.M., Berezkina E.Yu. Gender topics in self-presentation of the right populist Italian and German political parties. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):100-105. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-100-105

ВВЕДЕНИЕ

Заметные успехи правых партий в последних электоральных циклах в разных странах Европы существенно изменили политический ландшафт Европейского союза. В Германии правые занимают более 50% мест в Бундестаге, в Италии в 2023 г. — 228 мест из 400 в парламенте. При этом в обеих странах среди правых нет единообразия: есть умеренные, радикалы и популисты.

В современном европейском политическом дискурсе одной из наиболее обсуждаемых тем остается проблема гендерного равенства. Гендерная повестка наряду с политико-экономическими вопросами находит отражение в публичном дискурсе правых популистских политических партий и является маркирующим признаком части из них.

Для выявления особенностей репрезентации гендерной проблематики в программных документах правых политических партий Германии и Италии за основу взят так называемый метод «анализа непохожих случаев», поскольку, по данным Индекса гендерного неравенства (The Gender Inequality Index) за 2020 г., имеется существенные различия между Германией, которая занимает 6-е место рейтинга, и Италией, которая находится на 29-м месте¹. По информации Доклада о глобальном гендерном разрыве (The Global Gender Gap Report, 2021)², эти различия еще глубже: Германия находится на 11-м месте, а Италия — на 66-м из 156 стран.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Гендерная повестка чаще всего исследуется в контексте социокультурных и политических изменений, происходящих в европейском обществе. Часть авторов обращаются к проблеме гендерного неравенства и исследуют ее проявление в различных сферах жизни общества, таких как: родительство [1], рынок труда, академическая и университетская среда [2, 3].

Кроме того, появляются работы, посвященные исследованию внутренних связей и отношений внутри социально уязвимых или депривилигированных групп, изучению противостояния феминистических движений, критикующих расширение прав трансгендеров в ущерб правам женщин [4].

Во множестве работ по гендерной тематике анализируются особенности политической ком-

муникации, предпринимаются попытки объяснить преобладание мужчин-политиков в медиаполе и изучаются современные тренды представленности женщин-политиков. К таким работам относятся труды К.Ф. Кахна [5] (исследование посвящено разнице в медиаохвате политиков мужчин и женщин), Н. Фернандез-Гарсия [6]. Другие ученые (Дж. Сенсалес) работают на стыке лингвистики и политологии [7].

Часть авторов используют термин «гендерная идеология» при анализе происхождения, формирования и причин возникновения, а также описания консервативных движений, которые выступают за защиту традиционных семейных ценностей, против обеспечения равных прав ЛГБТ-групп на брак и усыновление, например А. Альтхофф [8]. Помимо исследований, посвященных гендерной политике движений и политических партий, есть работы, охватывающие повседневное поведение граждан и их отношение к гендерным проблемам и проводимой политике [9, 10].

Российские ученые также активно применяют как лингвистические подходы при анализе коммуникационных стратегий (Л.С. Полякова [11]), так и социологические, особенно при анализе связей общественных процессов и политического дискурса (Н.М. Великая [12]).

МЕТОДЫ

В качестве основного метода исследования был выбран критический дискурс-анализ, который позволяет оценить, какие темы актуальны для реализации социального диалога между избирателями и политическими партиями, идентифицировать основную тематику политической коммуникации и определить те группы избирателей, на которые направлены транслируемые партиями идеи и смыслы.

В качестве документов дискурсивного анализа было решено использовать тексты предвыборных программ следующих политических партий: «Альтернатива для Германии» (Alternative für Deutschland — AfD), «Свободная демократическая партия» (Freie Demokratische Partei — FDP), «Лига» (Lega), «Вперед, Италия» (Forza Italia — FI), «Братья Италии» (Fratelli di Italia — FdI). Тексты предвыборных программ были выбраны потому, что у них один формат общения с избирателями, а также схожая структура и задачи. Для того чтобы отразить в работе самые актуальные дискурсивные тенденции, мы использовали предвыборные программы последней для страны крупной избиратель-

¹ Gender Inequality Index, 2020. URL: <https://eige.europa.eu/gender-equality-index/2020> (дата обращения: 27.05.2022).

² The Global Gender Gap Report, 2021. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2021.pdf (дата обращения: 27.05.2022).

ной кампании. Для Германии — это выборы 2021 г. в Бундестаг, а для Италии — выборы в Европейский парламент в 2019 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В Бундестаге текущего созыва представителям правых партий принадлежит 570 из 736 мест, а в итальянском парламенте с конца 2022 г. — 228 из 400 мест. В Европейском парламенте представители правых партий занимают 129 из 703 мест.

Учитывая консервативный характер правых идеологий и традиционалистский подход к решению социальных проблем, можно понять вытеснение гендерной тематики из политического дискурса правых партий, — как правило, она частично отражена в нескольких разделах программ.

В процессе анализа было выделено 2 кластера смысловых фреймов, а именно:

- кластер семьи, материнства и детства, меньшинств: женщины, семья, родитель-одиночка, домашнее насилие, молодые семьи, аборт, поддержка семей с детьми, поддержка бедных семей с детьми, ЛГБТ+, усыновление и меньшинства;
- кластер экономики и социального благополучия: социальные выплаты, особые меры социальной поддержки со стороны государства, рыночная экономика.

Анализ смысловых фреймов, а не отдельных выражений, позволил охватить тексты предвыборных программ без потери отдельных упоминаний, которые сформулированы не конкретными словами, а индифферентно. Такой критерий поиска способствовал сохранению смыслов с учетом семиотических аспектов.

По тематической насыщенности и объему смыслового содержания итальянских и немецких партий выделяется фрейм «семья» (53 упоминания), который является доминирующим для всех партий. Как видно из данных *таблицы*, на втором месте по значимости — фреймы, связанные с трудовыми правами женщин (25), с насилием над женщинами и детьми (13), с правами меньшинств (17) и с проблемами достижения гендерного равенства (5). Третья группа фреймов сопряжена с вопросами материнства и детства, регулирования усыновления, с воспроизводством и пропагандой традиционных ценностей, с абортами (всего 52 упоминания).

Однако внимание немецких политических партий к проблемам семьи более предметно. Так, несомненным лидером упоминаний гендерных тем является «Свободная демократическая партия» Германии, в программе которой фрейм «семья»

(20) тематически разнообразен и чаще используется в дискурсе, чем фрейм «женщина» (16), или фреймы, относящиеся к теме социально-экономической поддержки государства (120) разных категорий избирателей (предприниматели, женщины, меньшинства). В отличие от других партий, «СДП» транслирует вопросы, связанные с половой принадлежностью и гендерной идентичностью. Кроме того, в программе есть упоминание проблемы домашнего насилия (3) и аборт (1), а также говорится о мерах поддержки семей с детьми и родителей-одиночек (6), например об организации работы детских садов (1).

В программе политической партии «Альтернатива для Германии» большинство упоминаний фрейма «семья» относится к таким темам, как «благополучие семьи» (8), «родительство» (7), «семейные ценности» (2), «нетрадиционные семьи» (2), «молодая семья» (3), «усыновление» (1). Следующие по популярности фреймы — «материнство» (4) и «гендерный баланс» (5). Тема семьи в данном случае используется не только в контексте защиты традиционных ценностей, но и как пример противопоставления немецкого общества мигрантам.

Публичный дискурс итальянских политических партий значительно отличается от немецкого: не встречаются упоминания аборт, домашнего насилия и родителей-одиночек. Гендерные темы у итальянских правых играют роль вспомогательно иллюстрирующего материала при описании реализации планируемой экономической и фискальной политики.

Относительно подробную программу представила «Лига», где внимание уделялось не только снижению налогового бремени семей, но и упоминались трудовые права женщин вообще (5), а также предлагались идеи для достижения равенства в правах и возможностях женщин и мужчин (3). Как и в случае с правыми политическими партиями Германии, наиболее часто упоминаемый фрейм — это «семья» (7), где направлениями были традиционные семейные ценности, брачный возраст, брак, благополучие семьи. «Братя Италии» используют гендерную тематику главным образом для того, чтобы подчеркнуть свою приверженность традиционным итальянским ценностям, поэтому в программе есть упоминания семьи (7), матерей (1), насилия в отношении женщин (1), меньшинств (1). Наконец, партия Сильвио Берлускони «Вперед, Италия» практически не поднимает вопросы гендерного равенства в своей предвыборной программе, но упоминает о женщинах, когда сообщает о планах

Таблица / Table

Сводные данные упоминания гендерных тем по партиям / Summary of gender-related references by party

Темы / Topics	«Альтернатива для Германии» / "Alternative for Germany"	«Свободная демократическая партия» / "Free Democratic Party"	«Лига» / "League"	«Вперед, Италия!» / "Italy, go!"	«Братья Италии» / "Brothers of Italy"
Работающие женщины	0	16	1	0	0
Трудовые права беременных и молодых матерей	0	0	2	0	1
Беременность	1	0	0	0	0
Материнство	2	0	1	0	1
Одинокая мать	1	6	0	0	0
Отцовство	2	0	0	0	0
Одинокый отец	1	6	0	0	0
Детский сад	1	1	2	0	1
Пособие для семей с детьми	0	0	2	3	0
Материальная помощь, выделяемая на детей	1	0	4	0	2
Социальная поддержка одиноких родителей	0	6	0	0	0
Усыновление	1	6	0	0	1
Родительство	7	0	2	0	0
Традиционные семейные ценности	2	0	3	0	1
Семья	8	20	7	4	7
Молодая семья	3	2	1	0	0
Нетрадиционные семьи	2	0	0	0	0
Аборт	1	1	0	0	0
Брак	1	0	1	0	0
Развод	1	0	0	0	0
Меньшинства	2	12	0	0	1
Равноправие	3	0	1	1	0
Равные возможности	1	8	1	0	0
Меры по устранению неравенства	1	2	1	0	0
Гендерно обусловленное насилие	0	0	4	3	1
Домашнее насилие	0	3	1	0	0
Законодательство в области гендерно обусловленного насилия	0	0	2	3	0

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

решить социальные проблемы и законодательно защитить женщин от насилия (6), а также о мерах финансовой поддержки женщин с детьми (3).

И в Германии, и в Италии правые политические партии включают в свою гендерную политику исключительно женщин. За женщинами традиционно закрепляются репродуктивные функции и то, что связано с семейным бытом. Женщина становится основным объектом социальной политики, призванной минимизировать неравенство, низкие доходы и сложности с работой. Ни одна исследованная партия не включила в свою программу упоминания о финансовой поддержке отцов. Такие меры, как «развитие системы доступных детских садов», также упоминаются в контексте обеспечения женщин работой. Таким образом, правые политические партии транслируют избирателям определенную социальную иерархию, в которой мужчины рассматриваются как доминирующая группа, а женщины представляются в качестве уязвимой группы, которая нуждается в защите.

ВЫВОДЫ

Самопрезентация правых партий в Италии, и в Германии построена на воспроизводстве традиционной социальной иерархии, согласно которой женщины и дети причисляются к уязвленным категориям и нуждаются в дополнительной поддержке со стороны государства. Все 5 проанализированных партий используют фреймы семьи, женщин и детей, чтобы представить свои позиции по вопросам социальной политики государства. Ключевой посыл самопрезентации правых — это консерватизм и приверженность традиционным семейным ценностям; мужчины из этой повестки исключаются.

К проблеме насилия в отношении женщин чаще обращаются итальянские правые. Меньшинства и обсуждение их прав не включаются в повестку предвыборной самопрезентации правых партий Германии и Италии.

Однако в обеих странах гендерные вопросы не являются основными пунктами предвыборных программ, но в значительной мере за счет этих тем достигается необходимая эмоциональная и личная вовлеченность каждого избирателя. Кроме того, потенциальное решение гендерных вопросов иллюстрирует другие более сложные пункты предвыборных программ, в том числе экономическое развитие и фискальные реформы. Включение гендерных вопросов в свой дискурс помогает партиям и определить собственные идеологические позиции по большинству вопросов.

Радикальные правые партии Италии и Германии («Братья Италии» и «Альтернатива для Германии»), в отличие от умеренно правых, не акцентируют внимание на конкретных мерах, но склонны употреблять более общие слова, такие как «семья» и «мать», а меньшинства и нетрадиционные семьи упоминаются в негативном ключе.

Немецкие партии акцентируют внимание на уже реализуемых программах для достижения равных возможностей мужчин и женщин, в то время как итальянцы говорят о необходимости изменений в законодательстве для инициации работы по обеспечению равных прав. Немцы сосредоточены на проблеме домашнего насилия, в то время как итальянские политические партии предлагают меры для обеспечения безопасности женщин вообще: и вне дома, и в семье. В Германии осями гендерной политики являются такие фреймы, как «семья» и «женщина» в контексте достижения равенства, а в Италии гендерная политика правых партий предстает реализацией социального устройства общества, где женщина нуждается в защите со стороны государства.

Анализ гендерных вопросов, отраженных в публичном дискурсе правых политических партий, может способствовать разработке более детальной типологизации, а также выявлению маркирующих признаков популистских политических партий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Hipp L. Parenthood as a driver of increased gender inequality during COVID-19? URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14616696.2020.1833229>
2. Casad B.J., Franks J.E., Garasky C.E., Kittleman M.M. Gender inequality in academia: Problems and solutions for women faculty in STEM. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/jnr.24631>
3. Kim E., Patterson S. Jr. The Pandemic and Gender Inequality in Academia. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/ps-political-science-and-politics/article/abs/pandemic-and-gender-inequality-in-academia/6807104E55DD6CC3D467CBBE35F44AA6>
4. Simon B.E. “It Isn’t Hate to Speak the Truth”: Anti-(Trans)Gender Politics in the UK and the Development of the ‘Gender Critical’ Feminist Movement, 2021. URL: <https://refubium.fu-berlin.de/handle/fub188/32780>

5. Kahn K.F., Goldenberg E.N. Women candidates in the news: An examination of gender differences in US senate campaign coverage. URL: https://www.researchgate.net/publication/31177471_Women_Candidates_in_the_News_An_Examination_of_Gender_Differences_in_US_Senate_Campaign_Coverage
6. Fernandez-Garcia N. Framing gender and women politicians representation: Print media coverage of spanish women ministries. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/229419868.pdf>
7. Sensales G., Areni A. Gender biases and linguistic sexism in political communication: A comparison of press news about men and women Italian ministers. URL: <https://jspp.psychopen.eu/index.php/jspp/article/view/5029/5029.pdf>
8. Althoff A. Right-wing populism and religion in Germany: conservative Christians and the Alternative for Germany (AfD). URL: <https://doi.org/10.1007/s41682-018-0027-9>
9. Wallaschek S., Kaushik K., Verbalyte M., Sojka A., Sorci G., Trezn H.-J., Eigmüller M. Same Same but Different? Gender Politics and (Trans-)National Value Contestation in Europe on Twitter. URL: <https://www.cogitatiopress.com/politicsandgovernance/article/view/4751>
10. Eisele O., Escalante-Block E., Kluknavska A., Boomgaarden H.G. The politicising spark? Exploring the impact of #MeToo on the gender equality discourse in Australian print media. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10361146.2022.2045900>
11. Полякова Л.С. Проявление гендерных стратегий в политических выступлениях: социолингвистическое экспериментальное исследование. *Политическая лингвистика*. 2011;(4):125–128.
Polyakova L.S. Manifestation of Gender Strategies in Political Speech: A Sociolinguistic Experimental Study. *Political linguistics = Politicheskaya lingvistika*. 2011;(4):125–128. (In Russ.).
12. Великая Н.М., Князькова Е.А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России. *Женщина в российском обществе*. 2021;(S):25–37.
Velikaya N.M., Knyazkova E.A. Reproductive rights of women in the political discourse of modern Russia. *Zhen-shchina v rossiiskom obshchestve = A woman in the Russian Society* 2021;(S):25–37. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Наталья Михайловна Великая — доктор политических наук, руководитель Центра политологии и кафедры ЮНЕСКО по социальным и гуманитарным наукам, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Nataliya M. Velikaya — Dr. Sci. (Politology), Head of the Center for Political Science and the UNESCO Department of Social Sciences and Humanities, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>
natalivelikaya@gmail.com

Елена Юрьевна Берёзкина — аспирантка, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; старший преподаватель, РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия

Elena Yu. Berezkina — postgraduate student, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia; senior lecturer, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.
<https://orcid.org/0000-0001-8082-3880>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
euproskurina@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.02.2023; принята к публикации 25.04.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.02.2023; accepted for publication on 25.04.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-106-114
УДК 35.078.51(045)

Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства как важнейший фактор политической стабильности

М.В. Шатохин^а, С.О. Новосельский^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

^б Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Цель статьи заключается в исследовании механизмов и инструментов государственной поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП) как фактора политической стабильности. Для этого необходимо обосновать актуальность государственной поддержки МСП в России; рассмотреть стратегические приоритеты и направления расширения ее потенциала; выделить актуальные проблемы системного стратегического развития МСП в текущих конъюнктурных макроэкономических условиях; обозначить перспективы развития МСП на основе построения матрицы прогнозируемых рисков. **Материалы и методы исследования.** В процессе выполнения работы был использован широкий спектр методов исследования. Применение нормативно-правового метода позволяет охарактеризовать ключевые элементы отечественного правового поля, связанные с государственным регулированием деятельности МСП. В рамках статистического метода осуществляется формирование информационной базы, необходимой для исследования текущего состояния и тенденций развития МСП. На основе логического метода выстраиваются причинно-следственные связи между закономерностями развития МСП и конъюнктурными факторами, оказывающими на него влияние. Аналитический метод создает условия для применения верифицированного инструментария диагностики ключевых показателей функционирования МСП. При использовании монографического метода происходит фокусировка наиболее важных закономерностей и особенностей развития МСП при текущей макроэкономической конъюнктуре.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; государственная поддержка; государственное регулирование; малый бизнес; государственные программы; политическая стабильность

Для цитирования: Шатохин М.В., Новосельский С.О. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства как важнейший фактор политической стабильности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета.* 2023;13(4):106-114. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-106-114

ORIGINAL PAPER

State Support for Small and Medium-Sized Businesses as the Most Important Factor in Political Stability

M.V. Shatokhin^a, S.O. Novoselsky^b

^a Financial University, Moscow, Russia;

^b University of World Civilizations named after I.I. V.V. Zhirinovskiy, Moscow, Russia

ABSTRACT

The purpose of the article is to study the mechanisms and instruments of state support for small and medium enterprises (SMEs) as a factor of political stability. To do this, it is necessary to substantiate the relevance of state support for SMEs in Russia; consider strategic priorities and directions for expanding its capacity; highlight the urgent problems of the systemic strategic development of SMEs in the current market macroeconomic conditions; outline the prospects for the development of SMEs based on the construction of a matrix of predictable risks. **Materials and research methods.** In the course of the work, a wide range of research methods was used. The use of the legal and regulatory method makes it possible to characterize the key elements of the domestic legal field related to state regulation of SMEs. Within the framework of the statistical method, the formation of the information base necessary for the study of the current state and development trends of SMEs is carried out. On the basis of the logical method, causal relationships are built between the patterns of development of SMEs and market factors that influence it. The analytical method creates conditions for the use of verified diagnostic tools for key performance indicators of SMEs. When using the monographic method, the most important regularities and features of the development of SMEs are focused in the current macroeconomic environment.

Keywords: small and medium-sized business; government support; government regulation; small business; government programs; political stability

For citation: Shatokhin M.V., Novoselsky S.O. State support for small and medium-sized businesses as the most important factor in political stability. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):106-114. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-106-114

ВВЕДЕНИЕ

Устойчивое развитие предприятий малого и среднего бизнеса имеет колоссальное значение для всех сфер социально-экономической системы государства. Состояние МСП оказывает существенное влияние на рынок труда через призму изменения уровня занятости за счет колебаний деловой активности. Увеличение интенсивности коммерческих процессов в среде МСП расширяет емкость рабочих мест и способствует уменьшению уровня безработицы на рынке труда. В этой связи государственная поддержка малого и среднего предпринимательства приводит к сокращению уровня социальной напряженности в общественной среде и обеспечивает стабилизацию совокупного политического фона. Деятельность субъектов МСП — это не только процесс выполнения гражданами трудовых функций, но и источник получения высоких доходов при определенной конъюнктуре. Определенная часть собственников предприятий МСП при условии активизации деловых качеств и расширении потенциала предпринимательского менеджмента способна генерировать доходы, величина которых превышает среднестатистические показатели по стране.

Текущая макроэкономическая конъюнктура функционирования экономики РФ характеризуется высокой турбулентностью, которая обусловлена влиянием санкций, повлекших за собой ценовые диспропорции и нарушение логистических цепочек. Сокращение масштабов деятельности МСП и уменьшение эффективности бизнес-процессов в указанном сегменте способствуют разрушению баланса рынка труда, увеличению уровня безработицы и снижению денежных доходов определенной части населения. Результатом присутствия отмеченных факторов станет рост протестной активности граждан, который приведет к формированию масштабных политических противоречий [1, с. 3]. Таким образом, построение действенной и, главное, релевантной текущим конъюнктурным условиям системы государственной поддержки МСП является актуальным инструмен-

том достижения политической стабильности российского общества в ситуации беспрецедентного санкционного давления.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Поддержка МСП в России носит стратегический характер, что подтверждается присутствием ряда актуальных программных документов, в которых задекларированы долгосрочные мероприятия обеспечения устойчивого развития¹. Профессор Д. И. Жиликов рассматривает необходимость стратегической поддержки МСП с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности государства [2, с. 57]. Авторским коллективом во главе с С. О. Новосельским также отмечается важность расширения потенциала МСП за счет государственной поддержки в фокусе снятия социальной напряженности в масштабах муниципального образования [3, с. 95]. На *рис. 1* представлены основные стратегические приоритеты поддержки МСП в РФ.

В целом необходимо отметить, что государственная поддержка МСП во всех отраслях национальной экономической системы, в том числе и в АПК, должна носить системный характер и опираться на результаты комплексной проактивной диагностики [4, с. 155]. По мнению профессора М. В. Шатохина, на данный момент реализация стратегического механизма поддержки МСП в РФ сталкивается с рядом проблем, часть из которых, к сожалению, носит системный характер [5, с. 95]. Сгруппируем наиболее актуальные проблемы системного стратегического развития субъектов МСП (*табл. 1*).

Представленные в *табл. 1* проблемы отражают наиболее яркие негативные проявления

¹ Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/; Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319208/

Рис. 1 / Fig. 1. Основные стратегические приоритеты поддержки МСП в РФ / Key strategic priorities for supporting SMEs in the Russian Federation

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

текущей ситуации функционирования МСП в нашей стране. Устранение этих проблем или даже снижение интенсивности их негативного влияния должно привести к расширению потенциала в целях прогрессивного развития субъектов МСП. Для решения большей части проблем потребуется длительное время, но точки трансформации должны быть заложены уже сейчас, чтобы в оптимальной стратегической перспективе обеспечить достижение желаемых показателей функционирования субъектов МСП². Наличие свободного доступа МСП к кредитным ресурсам имеет ключевое значение для их поступательного развития [6,

с. 60]. На *рис. 2* показана динамика доли кредитов субъектам МСП в национальном кредитном портфеле юридических лиц и ИП³.

Из *рис. 2* видно, что в рамках рассмотренного временного периода фактические показатели кредитной активности субъектов МСП значительно ниже целевых значений индикаторов, установленных в рамках Стратегии развития МСП в РФ на период до 2030 года⁴. Для расширения доступности кредитных ресурсов для субъектов МСП представители банковского менеджмента должны постоянно совершенствовать маркетинговые кредитные программы

² Отчет о результатах II этапа контрольного мероприятия «Проверка эффективности деятельности акционерного общества «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/7a1/smjjo88mnis7dsqit49cgl0mzgnmq5d.pdf>

³ Статистический бюллетень Банка России: кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/42312/stat_bulletin_lending_22-7_26.pdf

⁴ Статистический бюллетень Банка России: кредитование субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/42312/stat_bulletin_lending_22-7_26.pdf

Таблица 1 / Table 1

**Актуальные проблемы системного стратегического развития субъектов МСП /
Topical problems of systemic strategic development of SMEs**

Фокус системной проблемы / Focus of a systemic problem	Ключевая дефиниция системной проблемы / Key definition of a systemic problem	Приоритет стратегического решения / Prioritising a strategic decision
Структурная диспропорция	Малая доля субъектов МСП ≈14,87%, по итогам 2021 г., функционирующих в реальном секторе экономики (строительство, производство, обработка). Российская структура МСП не соответствует оптимальной модели МСП, характерной для развитых экономик	Сместить фокус финансовой поддержки и субсидирования на субъекты МСП, функционирующие в реальном секторе экономики
Низкая эффективность практической реализации стратегических инициатив	Низкая эффективность реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»: <ul style="list-style-type: none"> – наиболее эффективные инструменты используются вне реализации проекта; – не связанные с нацпроектом инициативы получают больше фондирования (нацпроект на 2022 г. около 80 млрд руб., программа кризисной поддержки МСП – не менее 100 млрд руб.); – отсутствие координации стратегических институтов поддержки; – показатели нацпроекта не отражают реальную динамику развития субъектов МСП (исключен показатель доли МСП в ВВП) 	Провести ревизию стратегических документов поддержки субъектов МСП. Обеспечить использование лучших отечественных практик поддержки субъектов МСП на стратегическом уровне. Пересмотреть индикаторы стратегической эффективности управления МСП на государственном уровне
Принятие законов для бизнеса без участия бизнеса	Отсутствие механизмов выявления реальных потребностей МСП в новых законодательных инициативах. Нестабильность правовой среды функционирования предпринимательства	Внедрить практику обсуждения новых законодательных инициатив, касающихся предпринимательства, в деловой среде субъектов МСП с участием всех регионов
Износ критериев отнесения субъектов экономики к МСП	Текущая социально-экономическая ситуация требует пересмотра критериев отнесения хозяйствующих субъектов к категории МСП. Изменение существующих критериев актуально также с точки зрения оптимизации налоговой нагрузки	Разработать, обсудить среди представителей МСП, а затем оптимизировать указанные критерии
Сложность практического применения маркировки	Увеличение финансовой и административной нагрузки на субъекты МСП за счет использования маркировки товаров «Честный знак»: <ul style="list-style-type: none"> – отсутствие финансовых ресурсов для закупки необходимого оборудования и ПО; для части субъектов МСП нет актуальной необходимости участия в программе; сложности коммуникаций в цифровой среде, отсутствие компетенций 	Пересмотреть критерии участия субъектов МСП в программе маркировки товаров «Честный знак». Выделить льготную группу субъектов МСП
Финансовая нагрузка со стороны банковского сектора	Двойные банковские комиссии за финансовые транзакции (возврат средств покупателю). Значительное комиссионное бремя за снятие денежных средств со своих счетов, выплату заработной платы, инкассацию	Установить минимальные пределы банковских комиссий для субъектов МСП в части расчетно-кассового обслуживания

Фокус системной проблемы / Focus of a systemic problem	Ключевая дефиниция системной проблемы / Key definition of a systemic problem	Приоритет стратегического решения / Prioritising a strategic decision
Административная инертность местного самоуправления	Местные органы власти не мотивированы в области интенсификации развития МСП	Провести перераспределение налоговых платежей субъектов МСП в сторону роста доли местных бюджетов
Статистика	На субъекты МСП возложена емкая статистическая отчетность, несоблюдение сроков которой карается существенными штрафами	Снизить административную нагрузку субъектов МСП за счет введения единой упрощенной формы статистической отчетности с наиболее актуальным и простым набором показателей
Износ системы налогового регулирования	Существующая система налогового регулирования для оптимизации налогового бремени требует дробленная коммерческой деятельности	Разработать и внедрить новые механизмы налогового регулирования субъектов МСП
Экспортные барьеры	Завышенные требования к субъектам МСП при участии в экспортной деятельности, в том числе таможенные пошлины, участие в выставках, таможенное оформление	Использовать упрощенные механизмы участия субъектов МСП в экспортной деятельности
Доступ к государственной собственности	Отсутствие реальной возможности реализации приоритетного права на выкуп государственной недвижимости	Усилить контроль за деятельностью местных властей в плане управления государственной недвижимостью

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

с учетом вариативности макроэкономической конъюнктуры [7, с. 25].

В целом бóльшая часть экспертов выдвигают неутешительные прогнозы развития МСП в Российской Федерации на краткосрочную перспективу. По данным Национального рейтингового агентства, ключевое влияние на стратегические перспективы развития МСП в РФ оказали внешнеэкономические санкции и спровоцированный ими кризис отечественной экономической системы⁵. При этом текущее развитие МСП пока не характеризуется отчетливыми кризисными тенденциями, чему способствуют следующие причины:

- системный кризис российской экономики еще недостаточно сильно углубился, и макроэкономические деформации только начнут ярко проявляться к концу 2023 г.;

- субъекты МСП накопили определенный запас кредитной активности в период пандемии, когда Правительство РФ активировало действенный пакет мер по их поддержке;

- текущие антисанкционные меры государственной поддержки субъектов МСП имели положительное действие и сгладили негативное влияние макроэкономического фона⁶.

Уход с отечественного рынка ряда иностранных производителей формирует новые ниши для интенсификации развития субъектов МСП. При существующей программе активной правительственной поддержки в области выделения финансовых ресурсов и кредитной активности данный фактор может способствовать увеличе-

⁵ Национальное рейтинговое Агентство: аналитический обзор МСП. URL: https://www.ra-national.ru/sites/default/files/MSP_vosstanovlenie%20otlozhenno.pdf

⁶ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html

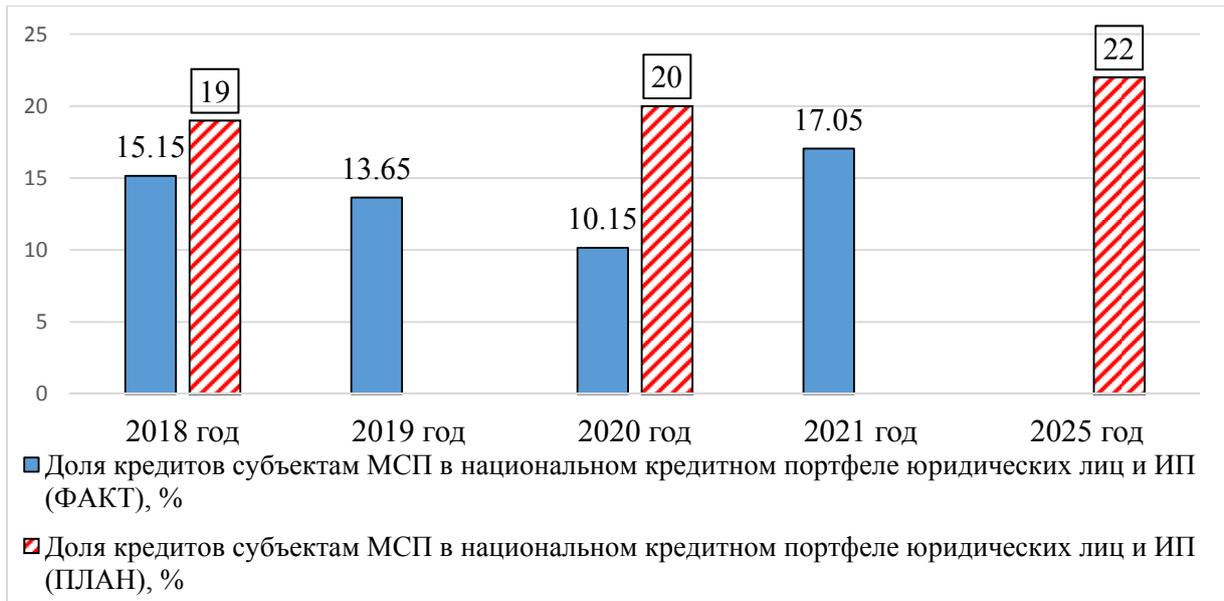

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика доли кредитов субъектам МСП в национальном кредитном портфеле юридических лиц и ИП / Dynamics of the share of loans to SMEs in the national loan portfolio of legal entities and individual entrepreneurs

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

нию масштабов и повышению эффективности функционирования МСП⁷.

В краткосрочной перспективе ожидается повышение номинального оборота субъектов МСП в экономике России. В 2023 г. прогнозируется увеличение номинального оборота МСП 4,17% по сравнению с 2022 г.⁸

В табл. 2 представлена матрица прогнозируемых рисков развития субъектов МСП в Российской Федерации.

В системе мер поддержки МСП правительственные структуры особое внимание уделили финансовой стороне данного вопроса, актуальность которого состоит в формировании потенциальных ниш для роста деловой активности субъектов МСП, что в условиях ухода иностранных производителей с отечественного рынка требует наращивания инвестиций, основой которых должны стать относительно дешевые банковские кредиты. Для решения

поставленных задач Правительство РФ разработало и внедрило кредитные программы для субъектов МСП [8, с. 313].

ВЫВОДЫ

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что реализация государственной стратегии развития МСП имеет ключевое значение для национальной экономики и страны в целом. Субъекты МСП играют актуальную роль в социально-экономической системе страны, и ее значимость заметно повышается в условиях негативной макроэкономической динамики, когда требуется генерировать внутренние ресурсы для обеспечения национального экономического суверенитета. Обобщая проведенные исследования, к числу основных стратегических векторов государственной поддержки МСП необходимо отнести следующие направления: расширение доступности финансовых ресурсов, минимизацию административно-регламентного сопровождения, стимулирование инновационной активности. Эти направления должны стать фундаментальной основой государственного регулирования развития МСП в нашей стране. Рассмотренные проблемы системного стратегического развития МСП позволили сформировать приоритетные решения, адаптация которых

⁷ Правительство запускает новую программу кредитования МСП. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405027315/>

⁸ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_2023_god_i_na_planovyy_period_2024_i_2025_godov.html

Матрица прогнозируемых рисков развития субъектов МСП в Российской Федерации /
Matrix of forecasted risks for the development of SMEs in the Russian Federation

Наименование риска / Name of risk	Фокус влияния риска / Risk impact focus	Уровень потенциальных разрушений / Level of potential damage	Вероятность наступления / Probability of occurrence	Интегральная оценка / Integral assessment
		1 – min значение, 10 – max значение		
Снижение потребительского спроса	Совокупное сокращение реальных доходов населения приведет к уменьшению спроса на товары и услуги МСП	8	9	72
Утрата зарубежных поставщиков и партнеров	Санкции и торговая политика недружественных стран приводят к утрате торговых зарубежных партнеров. Поиск новых занимает время. Отдельные импортные аналоги намного ниже качеством	6	9	54
Формирование кассовых разрывов	Нарушение покупателями сроков оплаты товаров и услуг. Негативное влияние дисбаланса валютного рынка	5	8	40
Сокращение государственной поддержки	В условиях дефицита бюджета и нарастающих макроэкономических диспропорций государство не в состоянии оказывать масштабную помощь МСП	9	8	72
Снижение совокупной квалификации персонала	В условиях войны и частичной мобилизации часть компетентных сотрудников выехала за пределы страны, особенно это касается цифровой сферы	6	7	42
Ограничение импортного оборудования и ПО	Санкционные ограничения вводят запрет на импорт оборудования и ПО, что приведет к росту себестоимости продаж и снижению качества в отдельных сегментах	5	9	45
Логистические риски	Санкции и политика ограничений приводят к нарушению цепочек поставок и реализации на всех уровнях	6	8	48
Ужесточение требований банков	На фоне роста просроченной задолженности и макроэкономических рисков банки ужесточают требования к потенциальным заемщикам	5	8	40
Снижение рентабельности	Рост себестоимости сырья, логистических издержек, комплектующих, в том числе за счет удорожания импорта приведет к сокращению прибыли и, как следствие, рентабельности	8	7	56

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

в краткосрочной перспективе будет способствовать росту результативности государственной поддержки на национальном уровне. В целом, по итогам проведенных исследований можно заключить, что в краткосрочной перспективе прогнозируются негативные изменения в деятельности субъектов МСП. Это выразится в снижении потребительского спроса, утрате зарубежных поставщиков и партнеров, фор-

мировании кассовых разрывов, сокращении государственной поддержки, снижении совокупной квалификации персонала, ограничении импортного оборудования и ПО, логистических рисках, ужесточении требований банков, снижении рентабельности бизнес-процессов. К факторам положительного влияния на прогнозы развития МСП можно отнести трансформационные процессы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новосельский С. О., Босердт Н. Ю., Халина В. А. Оценка политической активности российских избирателей. *Политика, экономика и инновации*. 2017;1(11):1–5.
2. Жилияков Д. И. Оценка динамики и эффективности государственной поддержки АПК. Международный молодежный аграрный форум «Аграрная наука в инновационном развитии АПК»: Материалы международной научно-практической конференции. Майский: Белгородский государственный аграрный университет имени В. Я. Горина; 2018.
3. Новосельский С. О., Сукманов Э. В., Голованова С. П. Управление социальной сферой муниципального образования. *Научный вестник Крыма*. 2016;3(3):13.
4. Петрушина О. В., Жилияков Д. И. Направления оптимизации государственного регулирования цен и поддержки зернового производства. *Инновации в АПК: проблемы и перспективы*. 2021;(3):149–157.
5. Дунаева А. С., Шатохин М. В. Оценка эффективности политики поддержки малого и среднего бизнеса в РФ. В сборнике: Исследования в региональном дискурсе — 2017. Курск: Изд-во РОСИ; 2017.
6. Новосельский С. О., Шамилова Э. Р., Ашуркова Е. А., Рождественская О. М. Российский рынок банковского кредитования: современное состояние и перспективы развития. *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2017;5–6(48):58–67.
7. Новосельский С. О., Щедрина И. Н., Криулин В. А. Банковский маркетинг в системе управления банковской деятельностью. *Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии*. 2016;7–2(19):23–28.
8. Сызганов Д. А., Шатохин М. В. Развитие взаимодействия государственного управления и бизнеса. Сборник научных статей 7-й Международной научно-практической конференции. Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга»; 2017.

REFERENCES

1. Novoselsky S. O., Boserdt N. Yu., Khalina V. A. Assessment of the political activity of Russian voters. *Politika, ekonomika i innovacii = Politics, economics and innovations*. 2017;1(11):1–5. (In Russ.).
2. Zhilyakov D. I. Evaluation of the dynamics and effectiveness of state support for the agro-industrial complex. International youth agricultural forum “Agrarian science in the innovative development of the agro-industrial complex”: Proceedings of the international scientific and practical conference. Maisky: Belgorod State Agrarian University named after V. Ya. Gorin; 2018. (In Russ.).
3. Novoselsky S. O., Sukmanov E. V., Golovanova S. P. Management of the social sphere of the municipality. *Nauchnyy vestnik Kryma = Scientific Bulletin of the Crimea*. 2016;3(3):13 (In Russ.).
4. Petrushina O. V., Zhilyakov D. I. Directions for optimizing state regulation of prices and support for grain production. *Innovacii v APK: problemy i perspektivy = Innovations in the agro-industrial complex: problems and prospects*. 2021;(3):149–157. (In Russ.).
5. Dunaeva A. S., Shatokhin M. V. Evaluation of the effectiveness of the policy to support small and medium-sized businesses in the Russian Federation. In the collection: Research in regional discourse — 2017. Kursk: Publishing house ROSI; 2017. (In Russ.).
6. Novoselsky S. O., Shamilova E. R., Ashurkova E. A., Rozhdestvenskaya O. M. Russian market of bank lending: current state and development prospects. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2017;(5)-6(48):58–67. (In Russ.).

7. Novoselsky S. O., Shchedrina I. N., Kriulin V. A. Bank marketing in the banking management system. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2016;7–2(19):23–28. (In Russ.).
8. Syzganov D. A., Shatokhin M. V. Development of interaction between public administration and business. Collection of scientific articles of the 7th International Scientific and Practical Conference. Kursk: Zakrytoe akcionernoe obshchestvo «Universitetskaya kniga» = Private Limited Company “University book”; 2017. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Михаил Викторович Шатохин — доктор экономических наук, профессор, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Mikhail V. Shatokhin — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Professor of the Department of Political Science, Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4149-0662>
shato-hinm@mail.ru

Святослав Олегович Новосельский — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научного центра по исследованию истории и развития мировых цивилизаций, Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского, Москва, Россия

Svyatoslav O. Novoselsky — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher of the Research Center for the Study of the History and Development of World Civilizations, University of World Civilizations named after I.I. V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0009-8332-752X>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
nsvyatoslav@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.06.2023; принята к публикации 15.07.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 25.06.2023; accepted for publication on 15.07.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-115-119
УДК 327(045)

Особое влияние Китая на характер кашмирского кризиса

А.В. Бредихин^а, Т.С. Ядыкина^б

^а Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия;

^б Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Кашмирский кризис имеет затяжной многолетний характер, и его актуализация в сегодняшнем научном дискурсе характеризуется глобальным противостоянием Востока и Запада. Помимо основных участников Индии и Пакистана, существует ряд заинтересованных сторон, первой из которых выступает Китай. Многолетняя поддержка Пекином Исламабада способствовала развитию военного потенциала последнего. Усиление Китая происходит и вокруг индийских границ. Авторами исследования ставится задача проанализировать сложившуюся ситуацию, четко определив в ней роль китайской стороны.

Ключевые слова: Индия; Кашмир; Китай; конфликт; Пакистан

Для цитирования: Бредихин А.В., Ядыкина Т.С. Особое влияние Китая на характер кашмирского кризиса. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):115-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-115-119

ORIGINAL PAPER

China's Particular Influence on the Nature of the Kashmir Crisis

A.V. Bredikhin^a, T.S. Yadykina^b

^a Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

^b The Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia

ABSTRACT

The Kashmir crisis has a protracted multi-year character and its relevance in today's scholarly discourse is characterised by a global confrontation between East and West. Apart from the main actors India and Pakistan, there are a number of stakeholders, the first of which is China. Beijing's longstanding support to Islamabad has contributed to the latter's military capabilities. China's strengthening is also taking place around India's borders. The authors of the study aim to analyse the current situation, clearly defining the role of the Chinese side in it.

Keywords: India; Kashmir; China; conflict; Pakistan

For citation: Bredikhin A.V., Yadykina T.S. China's particular influence on the nature of the Kashmir crisis. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):115-119. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-115-119

Существенным внешним актором, заинтересованным во влиянии на ход индийско-пакистанского конфликта и на формирование баланса сил в Южной Азии, выступает Китай. На данный момент под его контролем находится собственный участок Джамму и Кашмира, который обеспечивает важнейшую связь между Синьцзяном и Тибетом, пользуется «экономическим коридором», пролегающим через удерживаемую Паки-

таном часть территории Джамму и Кашмира, а также контролируемого китайцами пакистанского порта Гвадар. Китайская часть Кашмира включает территорию Аксай-Чин площадью 37 555 км² с населением в несколько тысяч жителей.

По мнению китайской стороны, Индия присвоила Кашмирские территории еще в 1914 г. Тогда правительство Британской Индии, пользуясь внутренним кризисом в Цинском Китае,

навязало на тот момент де-факто независимому от Пекина Тибету новую границу по линии Мак-Магона, в результате чего тибетское княжество Ладакх вместе с огромным горным ледником Аксай-Чин вошли в состав владений кашмирского правителя, который был вассалом Британской Короны¹. В заявлении МИД КНР посольству Индии от 26 декабря 1959 г. отмечалось, что «китайско-индийская граница никогда не была установлена, Великобритания оставила некоторые спорные вопросы, а правительство Индии предъявило Китаю целый ряд неприемлемых обвинений, в силу всего этого споры стали неизбежными»².

Система китайско-пакистанских отношений формировалась в 1950–1960-х гг. Китай и Пакистан установили дипломатические отношения 21 мая 1951 г. «Китай и Пакистан традиционно были в хороших отношениях, и они всегда имели антииндийскую направленность», — считает Александр Лукин, директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО (У) МИД России.

Разногласия между Китаем и Индией в начале 1960-х гг. и серия пограничных конфликтов предоставили дальнейшие возможности для пакистано-китайского сотрудничества. Стороны активно поддерживали друг друга в противостоянии с Индией. С 1961 г. Пакистан стал лоббистом по принятию КНР в ООН. В мае 1962 г. КНР и Пакистан провели неформальные переговоры по оформлению границы между Синьцзяном и Северным Гилгитом с Хунзой, в ходе которых отказались признать Кашмир частью Индии.

Следующим шагом по укреплению отношений стало подписание в 1963 г. соглашения о границах и строительстве дороги, связывающей Синьцзян-Уйгурский автономный район с северными районами Пакистана, а также первое торговое соглашение, положившее начало плодотворному сотрудничеству в этой области [1].

В 1963 г. Пакистан уступил Китаю часть своей территории в регионе Джамму и Кашмира после того, как Китай оккупировал в Ладакхе плато Аксай-чин, сопоставимое по размерам со Швейцарией. Это единственный случай, когда одна страна отдала другой значительную часть территории,

которую она перед этим захватила в войне с третьей страной (Индией в 1948 г.)³.

Обострение индо-китайских отношений привело к полномасштабной войне. Столкновения начались в 1958 г., когда Китай опубликовал карту, на которой плато Аксай-Чин было указано как часть его территории на западе. Индия была категорически против этого, и спор перерос в полномасштабную войну. В октябре того же года произошли бои, в результате которых погибли 25 индийских и 33 китайских солдата. 20 октября китайские войска захватили индийские военные позиции в Аксай-Чине. В течение двух дней Китай захватил всю территорию⁴.

Военные конфликты между странами происходили в 1962 и 1975 гг. Именно в 1962 г. Индия проиграла приграничную войну с Китаем, в результате которой Аксай-Чин был занят Народно-освободительной армией Китая. Заметим, что в это время разгорался Карибский кризис, и все международное внимание было отвлечено на противостояние США и СССР.

В 1990-х гг. Китай проводил курс на постепенное выравнивание отношений с Индией и Пакистаном. Во время китайско-индийской встречи на высшем уровне в 1991 г. Пекин признал, что кашмирский вопрос является двусторонней проблемой, и поэтому ее надо решать на основе Симлских соглашений, а не резолюций ООН. В этом же состоит позиция Индии.

Последнее значимое противостояние произошло в апреле 2013 г., когда взвод китайских солдат нарушил линию контроля и около месяца стоял лагерем на индийской территории. Этот инцидент подтолкнул стороны к подписанию Соглашения о военном сотрудничестве на границе в октябре 2013 г. Документ заложил принципиально новый механизм урегулирования приграничных конфликтов: теперь их разрешение возлагалось на генералов, а не на высшее политическое руководство двух стран⁵.

Со своей стороны Китай оказывал военную и экономическую поддержку Пакистану в военных столкновениях с Индией. Обеспокоенность

¹ Кашмирский тупик: кто, как и почему воюет в Кашмире? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kashmirskiy-tupik-kto-kak-i-pochemu-voyuet-v-kashmir/>

² The Sino-Indian Border Dispute. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/14/polo-08.pdf

³ Project Syndicate (США): мифы Кашмира. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190904/245768834.html>

⁴ Кашмирские планы Индии разозлили Китай. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=37017>

⁵ Индия и Китай: взрывоопасный мир или холодная война. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-i-kitay-vzryvoopasnyy-mir-ili-kholodnaya-voyna/>

Нью-Дели вызвала активизация постройки военных баз Китая вокруг границ Индии. В 2017 г. от Шри-Ланка Пекин получил в аренду порт Хамбанота и активно его модернизирует, вкладывая в проект более 1 млрд долл. Несмотря на заявления ланкийских властей о чисто гражданской направленности соглашения с китайским бизнесом, индийцы опасаются, что этот порт, как, впрочем, и порты Мальдив, может быть использован Пекином для размещения военно-морских баз.

Подобные меры предпринимаются Китаем и в других соседних с Индией странах. Пекин расширяет экономическое и военное сотрудничество с Бангладешем и Мьянмой, а также участвует в переговорном процессе в Афганистане, что создает у многих индийских политиков и экспертов ощущение постепенной блокады Индии ее главным геополитическим противником⁶.

Преобразование статуса Кашмира и включение его в состав Индии на равных правах с другими штатами вызвало острое недовольство китайского руководства. Официальный Пекин выразил решительный протест Индии в связи с образованием территорий Джамму и Кашмир и Ладакх. Официальный представитель МИД КНР Гэн Шуан заявил: «Правительство Индии официально объявило создание так называемых территорий Джамму и Кашмир и Ладакх, включив в пределы административной юрисдикции Индии часть территории Китая. Китай выражает сильное недовольство и решительный протест в этой связи»⁷. По мнению авторов исследования, подобная позиция говорит не о желании китайской стороны урегулировать индо-пакистанский конфликт без эскалации ситуации, а о территориальных претензиях Китая на весь Кашмир.

В то же время ни Китай, ни Пакистан не предоставили никакой автономии населению, проживающему в их частях Кашмира. На китайскую часть региона запрещен доступ иностранцам и журналистам, однако он входит в единую транспортную сеть, соединяющую Тибет и Синьцзян-Уйгурский район.

Кашмир выступает важным элементом в системе экономического взаимодействия Китая и Пакистана. Так, в 2015 г. было принято сов-

местное решение о строительстве «Китайско-пакистанского экономического коридора» (КПЭК) и создании соответствующего механизма — Совета КПЭК с представительствами в Пекине и Исламабаде. Более того, китайские эксперты пришли к выводу, что на данном этапе Пакистан остается главной опорной «базой» реализации глобальной стратегической инициативы «Один пояс — один путь». «Всепогодная дружба» привлекла к пакистанскому рынку нескольких десятков китайских государственных компаний. Между Пакистаном и Китаем действует соглашение о свободной торговле, объемы которой активно растут. Исламабад также является посредником для Пекина в диалоге с мусульманскими странами и развитии с ними экономических отношений.

Всего же Китай стал инвестором более 200 пакистанских объектов за пределами транспортных магистралей КПЭК. Например, инвестиции в атомную электростанцию Хуалун в районе Карачи составили 6,5 млрд долл.⁸ Пакистанские власти стремились переформатировать Гвадар в порт с 1964 г., но строительство не начиналось из-за нехватки средств, во многом вызванной пакистанско-индийским конфликтом 1965 г. Гвадар планировался как альтернатива портам Персидского залива для принятия транзитных грузов стран региона. Лишь с 2001 г. при активной поддержке Китая Гвадар вошел в КПЭК и получил новый импульс развития. 22 марта 2002 г. состоялась церемония начала строительства глубоководного порта Гвадар, на которой присутствовали президент Первез Мушарраф и вице-премьер КНР Ву Бэнгао. Строительство международного порта в Гвадаре было закончено Китаем 18 марта 2007 г., после чего его передали пакистанским представителям [2].

Заметным событием стал официальный визит китайского премьера Вэн Цзябао в мае 2005 г., в ходе которого было подписано 22 меморандума о понимании и развитии между странами экономических отношений [3].

Против укрепления взаимоотношений между Пекином и Исламабадом выступают белуджи. Радикально настроенные белуджские националисты противились сооружению порта Гвадар, поскольку полагали, что он будет способствовать «колонизации» Белуджистана, не принесет

⁶ Китай — Индия: незамеченная встреча глобального масштаба. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-indiya-nezamechennaya-vstrecha-globalnogo-masshtaba/>

⁷ Китай выразил протест Индии в связи с образованием двух союзных территорий. URL: <https://yandex.ru/turbo/s/ria.ru/20191031/1560430488.html>

⁸ Инвестиции КНР в Пакистан: результаты и перспективы. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/investitsii-kr-v-pakistan-rezultaty-i-perspektivy/>

никаких выгод местному населению, создавая приток в провинцию чужаков из Карачи и провинции Панджаб.

Вместе с тем в ходе строительства дороги был совершен ряд терактов, погибли китайские инженеры и строители. В мае 2004 г. трое из них были убиты, а девять ранены в Гвадаре и поблизости от него. В октябре того же года несколько китайских специалистов погибли в Кветте, столице Белуджистана. Трое китайских инженеров были убиты в Гвадаре в результате ракетного обстрела в феврале 2006 г. [3].

Важным в системе китайско-пакистанских отношений выступает сотрудничество в ядерной сфере. «Некоторые эксперты говорят, что не только США приложили руку к созданию ядерного оружия в Пакистане, но и Китай в этом поучаствовал», — считает полковник запаса Виктор Мураховский, главный редактор журнала «Арсенал Отечества».

На взгляд авторов, именно дружба с Китаем способствовала «охлаждению» отношений между Пакистаном и США. «Предпосылки для размолвки между США и Пакистаном существовали давно, — отмечает индолог Борис Волхонский, — Исламабад давно и неуклонно сближается с Пекином, сейчас именно Китай становится основным инвестором в связи со строительством китайско-пакистанского экономического коридора. А это, разумеется, совершенно не устраивает США — вот истинная причина трений, а не политика Исламабада в Афганистане»⁹.

Китай выступил преемником США по развитию данной отрасли в Пакистане, хотя на международном уровне и отвергал подобные усилия. В сборнике документов «Международные отношения США» за 1977–1980 гг. приводится следующее высказывание Дэн Сяопина на встрече

⁹ США и Китай поощряли пакистанскую ядерную программу — «против Советов». URL: <https://rossaprimavera.ru/news/6116a192>

с американским лидером: «Это очень правильный подход. У Пакистана есть свои причины для развития ядерной программы. Мы сами выступаем против усилий Пакистана по созданию ядерного оружия, потому что считаем бессмысленным тратить деньги на такую программу... Но у Пакистана имеются свои собственные аргументы, а именно: Индия взорвала ядерное устройство, но мир, похоже, не выразил недовольства по этому поводу»¹⁰.

Тесное военное сотрудничество, проведение совместных военных парадов показывает высокий уровень доверия между Китаем и Пакистаном. Старший научный сотрудник Института Китая и Современной Азии РАН Василий Кашин считает: «Они демонстрируют возросший уровень военных связей, для чего и нужны такие показательные меры. При этом совместные учения у них уже многие годы ведутся, обмены между вооруженными силами теснейшие, пакистанский ВПК развивается в целом на китайских технологиях, так что тут уже все довольно далеко зашло». Китай активно обсуждает с Пакистаном возможность открытия на пакистанской территории своих военных баз [4].

Таким образом, на основании изложенного можно сделать следующие выводы:

Во-первых, система взаимоотношений между Китаем и Пакистаном носит стратегический характер, в то время как Китай и Индия вынуждены выстраивать связи, несмотря на ряд противоречий [5, 6].

Во-вторых, Пакистан получил поддержку в развитии собственной ядерной программы благодаря не только США, но и Китаю, что вызывает озабоченность у Индии.

В-третьих, Пакистан вошел в военное и экономическое «кольцо» Китая вокруг Индии, что создает крайнюю нестабильность и фактический дисбаланс сил в регионе Южной Азии.

¹⁰ Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белокрыцкий В.Я. Внешнеполитический процесс в Пакистане. Внутренние и внешние факторы и роль России. Коллективная монография «Внешнеполитический процесс в странах Востока» М.: Аспект Пресс; 2011. 336 с.
2. Хрисанфова Д.В. История китайско-пакистанских отношений в контексте создания энергокоридоров. *Вестник Томского государственного университета*. 2014;(383):148–151.
3. Белокрыцкий В.Я. Юго-Западная дуга «Большой Восточной Азии». Коллективная монография «Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации». М.: МГИМО; 2010.

4. Коваленко Н. Сближение Китая и Пакистана добавит проблем России. URL: <https://vz.ru/world/2017/3/25/863401.html>
5. Ядыкина Т.С. Деструктивная роль США в обострении Кашмирского кризиса. *Архонт*. 2020;4(19):104–110.
6. Ядыкина Т.С. Многолетняя проблема Кашмира как ядро основного противостояния Индии и Пакистана: основные его периоды и последствия. *Архонт*. 2020;3(18):96–103.

REFERENCES

1. Belokrenitsky V. Ya. Foreign policy process in Pakistan. Internal and external factors and the role of Russia. Collective monograph “Foreign policy process in the countries of the East” Moscow: Aspect Press; 2011. 336 p. (In Russ.).
2. Khrisanfova D. V. The history of Chinese-Pakistani relations in the context of the creation of energy corridors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*. 2014;(383):148–151. (In Russ.).
3. Belokrenitsky V. Ya. Southwestern arc of “Greater East Asia”. Collective monograph “Greater East Asia: World Politics and Regional Transformations”. Moscow: MGIMO; 2010. (In Russ.).
4. Kovalenko N. Rapprochement between China and Pakistan will add to Russia’s problems. URL: <https://vz.ru/world/2017/3/25/863401.html> (In Russ.).
5. Yadykina T. S. The destructive role of the United States in the aggravation of the Kashmir crisis. *Архонт = Archon*. 2020;4(19):104–110. (In Russ.).
6. Yadykina T. S. The perennial problem of Kashmir as the core of the main confrontation between India and Pakistan: its main periods and consequences. *Архонт = Archon*. 2020;3(18):96–103. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Антон Викторович Бредихин — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра «Россия, Китай, мир» Института Китая и современной Азии, Российская академия наук, Москва, Россия

Anton V. Bredikhin — Cand. Sci. (History), Research Fellow, Centre “Russia, China, World”, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-4097-3854>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

bredikhin90@yandex.ru

Татьяна Сергеевна Ядыкина — начальник канцелярии, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия

Tatiana S. Yadykina — Head of Chancellery, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0001-9008-8581>

yadikina.t@yandex.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.04.2023; принята к публикации 20.05.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.04.2023; accepted for publication on 20.05.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-120-127
УДК 339.138/15.21.45(045)

Развитие маркетинга в экосистеме вуза: экономические и социально-психологические аспекты

М.А. Кирпичева, Ю.Д. Конычева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем фактом, что рыночная экономика, обострившаяся конкуренция и повышенные требования к эффективности поставили вузы перед необходимостью совершенствовать все стороны своей деятельности, обеспечивая конкурентоспособность с целью развития и получения дополнительных ресурсов. Ключевую роль в этом процессе играет грамотно выстроенная маркетинговая стратегия, которая должна базироваться на самых современных инструментах продвижения и обязательно учитывать особенности целевой аудитории, для вуза – это абитуриенты, студенты и их родители. В статье исследуется роль маркетинга в развитии экосистемы вуза, рассмотрены его основные субъекты в образовательной деятельности, выделены эффективные инструменты продвижения вуза. Также представлен социокультурный и психологический портрет современного абитуриента и студента, выявлены основные аспекты мотивации молодого поколения, даны рекомендации по построению маркетинговых коммуникаций с учетом особенностей современной молодежи. На основе проведенного исследования авторы выделяют эффективные инструменты продвижения вуза, описывают этапы разработки стратегии, указывают ключевые аспекты построения маркетинга образовательной организации.

Ключевые слова: маркетинг вуза; экосистема вуза; маркетинг в сфере высшего образования; продвижение образовательных услуг; поколение Z; мотивация; психологические особенности; инструменты продвижения; инновации

Для цитирования: Кирпичева М.А., Конычева Ю.Д. Развитие маркетинга в экосистеме вуза: экономические и социально-психологические аспекты. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):120-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-120-127

ORIGINAL PAPER

Development of Marketing in the Ecosystem of the University: Economic and Socio-Psychological Aspects

M.A. Kirpicheva, Yu.D. Konycheva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The relevance of the chosen research topic is due to the fact that the market economy, increased competition and increased requirements for efficiency have made universities need to improve all aspects of their activities, ensuring competitiveness in order to develop and obtain additional resources. A well-built marketing strategy plays a key role in this process, which should be based on the most modern promotion tools and must take account of the characteristics of the target audience, for the university – these are the applicants, students and their parents. The article deals with the study of the role of marketing in the development of the university ecosystem. The definition of marketing in the field of higher education is given, the main subjects of marketing in educational activities, the tasks of marketing in the development of the university ecosystem, the principles of marketing educational services are considered, and effective tools for promoting the university are identified. A sociocultural and psychological portrait of a modern applicant and student is also presented, the main aspects of the motivation of the younger generation are identified, recommendations are given for building marketing communications, taking special account the characteristics of modern youth. On the basis of the study, the authors identify effective tools for promoting the university, describe the stages of developing a strategy, and present key aspects of building marketing for an educational organization.

Keywords: university marketing; university ecosystem; marketing in the field of higher education; promotion of educational services; generation Z; motivation; psychological characteristics; promotion tools; innovations

For citation: Kirpicheva M.A., Konycheva Yu.D. Development of marketing in the ecosystem of the university: Economic and socio-psychological aspects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):120-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-120-127

Возникновение экосистемного подхода явилось движущей силой управленческой революции, которую мы можем наблюдать в мире в последнее десятилетие. Корпоративные и венчурные инновационные системы послужили началом для экосистемного подхода. Теперь он стал активно проникать в различные сферы жизни общества, в том числе и экономику (управление в сфере городского развития, здравоохранения, некоммерческого сектора). Сектор образования также попал под его влияние.

Образовательная экосистема — сеть взаимосвязанных и разнотипных субъектов, участвующих в процессе обучения, воспитания, развития в течение всей жизни человека.

Экосистема образовательной организации динамична, она стремится к раскрытию не только коллективного, но и индивидуального потенциала, а также объединяет в себе учащихся и различные сообщества, которые постоянно подвержены эволюции. Их цель — создавать перспективное и процветающее будущее как для ее составляющих (сообщества, учащиеся), так и для планеты в целом [1].

Экосистемный подход в образовании позволяет отказаться от иерархической системы и перестроиться на модели добровольного совместного развития и обучения. Что, в свою очередь, приводит к видоизменению методов обучения, а также помогает участникам жить и взаимодействовать, основываясь на принципах сотрудничества и взаимосвязанности.

Современная модель образования способствует выстраиванию персонализированного обучения на протяжении всей жизни, — оно рассчитано под каждого участника и соответствует требованиям постоянной трансформации общества и экономики, где каждый человек имеет возможность развить «навыки будущего» [2].

Это, в свою очередь, приводит к появлению новых методов в регулировании деятельности образовательной организации, которые основываются на отказе от директивного подхода и замене его вовлечением в данный процесс всех стейкхолдеров организации.

В перспективе весь образовательный процесс будет основываться на интеграции знаний (в том числе богатой культуры местных сообществ) и вовлечении учащихся. Само обучение будет ориентировано на проблемы реального

мира. В эффективной учебной среде появятся новые возможности для расширения социального, профессионального и культурного капиталов путем использования альтернативных источников знаний и сотрудничества с различными сообществами и бизнесом.

Возникнет тенденция вовлечения обучающихся в локальные сообщества, так как образование подстраивается под рыночные запросы. Это позволит каждому элементу системы проявить себя в полной мере и найти свое место.

Рассмотрим роль маркетинга в развитии экосистемы вуза.

Область образования — это сфера «создания человеческих ресурсов». Любые изменения в ней потребуют открытого диалога с общественностью и выработки стратегически определенного позиционирования. Эти факторы определяют коммуникативную деятельность образовательной организации, проведение имиджевых и коммуникативных мероприятий в рамках коммуникационных кампаний [3].

Инновационные преобразования экономических и социальных систем, глобализация рынков, цифровизация, индивидуализация сервисов и повышение социальной ответственности компаний, происшедшие за последние десятилетия, привели к качественному изменению и переосмыслению роли человеческих ресурсов в бизнес-системах любого уровня.

В XXI в. роль человеческих ресурсов осознается бизнесом как ключевая в обеспечении стратегического успеха на рынке, прибыльности бизнеса и возможности развиваться, внедряя новейшие технологические достижения.

Человек сегодня рассматривается как одно из главных достояний любой компании, а человеческий капитал выступает ведущим фактором производства и занимает порядка 80% в структуре национального богатства развитых стран мира [4].

Квалифицированные и мотивированные работники, получившие качественное высшее образование, становятся основой коллектива, который способен к продвижению компании и достижению всех поставленных целей.

Поэтому любая организация заинтересована в сотрудничестве и выстраивании взаимовыгодных партнерских отношений с эффективными вузами, а родители и абитуриенты, в свою очередь, осознавая требования работодателей и понимая, что высшее образование необхо-

димо для построения успешной карьеры, все больше внимания уделяют выбору вуза и специальности.

Таким образом, политика современного инновационного университета в области качества должна состоять в достижении основной цели — подготовки высокообразованных квалифицированных специалистов, способных удовлетворять потребности работодателей во всех сферах деятельности [5].

Этого можно добиться за счет маркетинговой активности. Маркетинг в сфере высшего образования — это особый вид деятельности, который направлен на удовлетворение запросов и нужд населения в образовательных продуктах и услугах вузов.

Субъектами маркетинга в образовательной деятельности выступают:

- потребители (физические лица и компании);
- образовательные учреждения (производство и оказание образовательных услуг);
- посредники (органы, осуществляющие лицензирование, аккредитацию и регистрацию образовательных учреждений, службы занятости и т. д.);
- общественные институты и структуры, деятельность которых причастна к продвижению образовательных продуктов и услуг.

Предметом маркетинга образовательных услуг высших учебных заведений является тактика и стратегия, их действия и поведение на рынке образовательных услуг, а также исповедуемая вузом философия.

К потребителям услуг высших учебных заведений относятся: предприятия, различные организации и фирмы, органы государственной власти и управления, некоммерческие организации и фонды. Именно они:

- формируют спрос на специалистов и предъявляют его на рынке труда;
- устанавливают критерии качества образовательных услуг;
- разрабатывают квалификационные требования к своим будущим сотрудникам;
- предлагают условия будущей трудовой деятельности;
- участвуют в оценке качества образовательных услуг;
- частично или полностью возмещают затраты или предлагают иные формы компенсаций за оказанные услуги.

Высшие учебные заведения как субъекты маркетинга наиболее активно участвуют в вышеизложенном процессе.

Студенты являются конечными потребителями образовательных продуктов и услуг университета, в отличие от других стейкхолдеров, которые получают прибыль и зарабатывают деньги для своего существования. Студент или слушатель в первую очередь удовлетворяет свои познавательные потребности, выбирая форму и место обучения, свою будущую профессию (программу, профиль, направление), компанию, где он хочет работать (условия реализации и рабочее место), источник финансирования образования.

Именно поэтому так важно формировать маркетинговую стратегию, учитывая психологические, социокультурные, ценностные, когнитивные, личностные особенности поколения, которое в настоящее время строит свою образовательную траекторию. Сегодняшние студенты (возрастная рамка 18–25 лет) — это молодые люди, относящиеся к поколению Z. Именно они являются трендсеттерами, на которых должны быть направлены маркетинговые коммуникации любой компании¹.

Для того чтобы понять, какой характер и особенности должны быть у маркетинга образовательных услуг для этого поколения, проанализируем его особенности.

Digital-native — поколение, о представителях которого говорят, что они родились с телефоном в руке, не мыслят свою жизнь без взаимодействия с цифровой средой. Творческие и незаурядные, увлеченные развитием своих собственных проектов, они являются экспертами в технологических новинках и новейших гаджетах.

Учитывая это, важно выстраивать маркетинговое взаимодействие в цифровой среде и с использованием последних достижений

Главная мотивация для данного поколения — это отнюдь не материальное вознаграждение и не движение по карьерной лестнице, — движущей силой для этих молодых людей становится интерес. Они высоко ценят свое время и хотят получить все и сразу; очень разборчивы и мыслят рациональными категориями; бренды для них далеко не всегда являются основной причиной выбора, — они должны осознавать реальную пользу для себя [6].

¹ URL: <https://sales-generator.ru/blog/pokolenie-z/>

Имея неограниченный доступ к знаниям, современные студенты не так высоко ценят знания сами по себе, как это было еще 20–30 лет назад, им нужна «добавочная стоимость» образования, которая выражается в удовлетворении их мотивов и стремлений.

Определенная доля нарциссизма и уверенность в своей исключительности делают молодых людей очень взыскательными потребителями. Поэтому маркетинговая стратегия должна соответствовать следующим принципам:

- использовать яркий креатив, привлекающий внимание молодежи;
- быть краткой по форме и емкой по содержанию;
- показывать реальную пользу от использования продукта/услуги;
- делать акцент на высоком качестве образования в данном вузе;
- учитывать модные тренды в музыке, искусстве, молодежной субкультуре;
- располагаться на цифровых носителях.

Таким образом, можно сформулировать основные задачи маркетинга в развитии экосистемы вуза [7]:

- сбор и обработка данных о конъюнктуре рынка труда и его изменениях;
- структурирование запросов потребителей и регулярное проведение маркетинговых исследований;
- взаимодействие с целевой аудиторией (понимание задач, ценностей, методов достижения выгоды от предоставляемых продуктов и услуг для всех стейкхолдеров учебного заведения);
- осуществление рекламной и коммуникационной деятельности, разработка методов продвижения продуктов и услуг для каждой целевой группы потребителей;
- повышение лояльности целевой аудитории;
- формирование ассортимента образовательных продуктов и услуг под требования общества (методы и технологии оказания услуг должны быть переналаживаемыми и гибкими).

Далее приведем принципы маркетинга образовательных услуг в развитии экосистемы вуза [8]:

1. Сосредоточение ресурсов вуза на разработке реально необходимых для сегментов его целевой аудитории образовательных продуктов и услуг.

2. Образовательные продукты и услуги, которые не нужны потребителям, не могут быть названы «качественными». Разница между услугами значима не сама по себе, а только в контексте удовлетворения определенной потребности.

3. Осуществление широкого подхода к потребностям конкретного клиента (ему нужно не образование или диплом, а увеличение стоимости человеческого капитала для общества, потенциальных работодателей и самого себя).

Важно формировать маркетинговую стратегию, учитывая психологические, социокультурные, ценностные, когнитивные, личностные особенности поколения, которое в настоящее время строит свою образовательную траекторию. Сегодняшние студенты (возрастная рамка 18–25 лет) – это молодые люди, относящиеся к поколению Z. Именно они являются трендсеттерами, на которых должны быть направлены маркетинговые коммуникации любой компании.

4. Использование методов формирования потребительского спроса на образовательные продукты и услуги против классических методов прогнозирования и реагирования на изменение спроса.

5. Ориентация на долгосрочную перспективу взаимодействия с партнерами.

6. Ситуационное управление процессами.

7. Интеграция и комплексность образовательных процессов, в том числе инструментов и способов их осуществления.

8. Интерактивная система сбора и обработки различной информации о конъюнктуре рынка и его реакциях (на основе эффективного многофакторного моделирования рыночной перспективы).

9. Управление, основанное на потребности конкретного клиента (сочетание централи-

зованного и децентрализованного управления) [9].

В настоящее время мы можем наблюдать перемены во взглядах на продвижение образовательных учреждений и их образовательных продуктов и услуг. Глобализация, которая характеризуется ускорением бизнес- и информационных процессов, возрастанием неопределенности и рисков, внедрением инновационных подходов, оказывает сильное влияние на развитие образовательной среды во всем мире [10].

Сегодня мы говорим о системном подходе к осуществлению маркетинговой деятельности вуза, включающем в себя продуктовую стратегию, ценовую политику, продвижение и клиентское сопровождение с учетом современных требований целевых рынков и потребителей.

Job to be done (JTBD) — это популярная в мире теория о поведении пользователей на момент принятия решения о сообразности совершения покупки.

Ее смысл заключается в том, что люди не покупают товары и услуги, а решают с их помощью конкретные задачи, преодолевают трудности, закономерно возникающие во всех сферах жизни, в том числе и образовании.

Абитуриенты с одними и теми же социально-демографическими параметрами (из одной и той же страны или города, одного и того же пола, возраста) могут прийти в университет с совершенно разными целями.

Проблема мотивации получения образования у абитуриентов и студентов регулярно исследуется во многочисленных трудах социологов, педагогов и психологов.

В монографии коллектива авторов Финансового университета мотивация к получению высшего образования рассматривается глобально — как жизненная стратегия; она оказывает существенное влияние на освоение студентами профессиональных компетенций, в значительной степени предопределяет их отношение к работе и профессии в будущем, уровень удовлетворенности жизнью и своим местом в обществе [11].

Какие задачи решают современные абитуриенты и студенты, представители поколения Z, приходя на учебу в вуз?

В указанном исследовании с большим отрывом лидируют три основных мотива:

- обеспечить себе материальное благополучие в будущем (как «очень важный» или «важный» мотив отметили 94,4% всех респондентов);

- стать профессионалом, который может гордиться результатами своей работы (как «очень важный» или «важный» мотив отметили 77,9%);

- получить больше возможностей для самореализации (как «очень важный» или «важный» мотив отметили 73,6%).

Интересно, что мотив «получить корочку», который был популярен в 90-е гг., сейчас как «совсем не важный» или «неважный» отмечают 83,3% абитуриентов и студентов. Также не рассматривается как значимый мотив «пожить студенческой жизнью» и «стать своим в кругу людей, которые мне интересны и приятны» (показатели «совсем не важный» или «неважный» отмечают 80,5 и 77,7% соответственно).

В зарубежных исследованиях прослеживаются аналогичные мотивы. Абитуриенты отметили следующие наиболее важные для них ценностные ориентации:

- стремление к достижению — обучение в вузе, процесс овладения новыми знаниями создают ощущение важного свершения;

- стремление к комфортной жизни и благополучию — мотив получения высокооплачиваемой работы и большого заработка;

- самореализация и рост самоуважения [12].

Опросы участников Дней открытых дверей, регулярно проводимых в Финансовом университете, показывают, что к важным критериям выбора образовательного учреждения абитуриенты и их родители относят:

- статус государственного вуза (гарантия получения диплома государственного образца и высокого качества образования);

- широкие возможности по практике, стажировкам и трудоустройству (наличие широкой сети компаний-партнеров);

- современность и практикоориентированность (наличие научных школ и преподавателей-практиков, способных давать актуальное образование);

- хороший имидж и репутацию, выдержавшие проверку временем.

Однако определенные представители целевой аудитории готовы обучаться в негосударственных вузах. Поэтому государственным

образовательным организациям в своей коммуникационной и маркетинговой деятельности следует использовать и учитывать современные технологии продвижения.

Вузам необходимо внимательно изучать целевую аудиторию, выявлять ее ожидания и интересы, а также придерживаться клиентоориентированной политики.

Успешность продвижения вуза определяют следующие аспекты:

- маркетинговый (увеличение доли рынка, наращивание объема продаж и т.д.);
- коммуникационный (репутация вуза, развитие имиджа, повышение лояльности и известности).

Высокий уровень информационного обслуживания — это то, к чему руководство вуза должно стремиться, выстраивая принципы работы образовательной организации.

Отдельное место в стратегии развития образовательной организации занимает маркетинг отношений с аудиторией, которые должны строиться как долгосрочное партнерство. Потребителям следует рассматривать образовательные учреждения в первую очередь как партнеров, а не как продавцов образовательных продуктов и услуг. Университетам надо оставаться открытыми для всех форм общения и взаимодействия и придерживаться «политики прозрачности».

Информация, в которой нуждается потенциальный клиент, должна быть, в первую очередь, интерактивной, качественно представленной, понятной, доступной и своевременной.

Ключевую роль в реализации концепции университета как экосистемы играют его сотрудники, поэтому следует разрабатывать многогранную, разноплановую, но в то же время сильную корпоративную культуру вуза, основанную на его ценностях и традициях. Яркая и насыщенная событиями корпоративная жизнь, традиции, история организации, стиль общения способствуют укреплению репутации и имиджа вуза.

В современном мире важное место занимают неформальные коммуникационные приемы, ведь степень доверия у людей к неофициальным источникам (таким, как семья, друзья, знакомые, коллеги и т.д.) выше, чем к официальным.

Не следует забывать и о «послепродажном», дополнительном «сервисном» обслуживании.

При выборе вуза большая часть целевой аудитории интересуется возможностями своего дальнейшего карьерного развития и уточняет, способствует ли этому образовательная организация. Поэтому вуз должен стремиться выстраивать партнерские отношения с потенциальными работодателями, кадровыми агентствами, службами занятости и т.д.

Говоря о рекламе как наиболее традиционном элементе системы маркетинговых коммуникаций, важно отметить, что она, безусловно, необходима, но недостаточно применять только ее. Рекламные технологии обеспечивают и поддерживают, но не определяют успех продвижения. Они дают клиентам лишь необходимую первичную информацию. Дальнейшее решение клиента об обучении в том или ином образовательном учреждении зависит преимущественно от его степени удовлетворенности: насколько он чувствует, что это «его» образовательная организация.

На первый план выходят технологии «прямого маркетинга», такие как межличностные коммуникации. Сейчас в нашей стране коммуникативная деятельность в сфере образования начинает складываться как самостоятельная профессиональная сфера. Вузам необходимо делать акцент на корпоративные коммуникации, включая связи с общественностью, рекламу, выставочную деятельность, прямой маркетинг, чтобы эффективно позиционировать себя на рынке образовательных продуктов и услуг.

Доверие — это основа современного брендинга университета. Абитуриенты верят студентам и сотрудникам вуза больше, чем рекламно-информационным материалам.

Сегодня важно, чтобы университет писал о проблемах абитуриентов, помогал их решать, разделял страхи и риски поступающих. Если университет представит ценный контент, то абитуриенты сами зайдут на сайт, и он поднимется выше в поисковой системе.

Абитуриенты сейчас выбирают вуз на основе тех убеждений, которые у них сформировались в процессе цифрового взаимодействия с университетом. И здесь важно не количество и качество информации, которая размещена на сайте, а те эмоции, которые они при этом испытывают.

Таким образом, маркетинг становится краеугольным камнем всей экосистемы вуза, и на современном этапе для построения и реализа-

ции качественной и эффективной маркетинговой стратегии надо учитывать следующие важные аспекты.

Во-первых, необходимо опираться на социально-психологические характеристики целевой аудитории и выстраивать маркетинговые коммуникации на основе изучения потребностей и мотивации.

Во-вторых, надо использовать самые продвинутые digital-инструменты (Lean customer development, Customer Development, вирусный и сетевой маркетинг, таргетирование, инфлюэнсер-маркетинг и др.) для проведения маркетинговых и рекламных кампаний в цифровой среде — «native land» для поколения Z.

В-третьих, образовательные услуги обладают особой спецификой при их продвижении, поэтому маркетинговая стратегия должна носить комплексный, системный характер и учитывать

целый ряд факторов, влияющих на выбор вуза и образовательной программы.

В-четвертых, при продвижении образовательных услуг необходимо выстраивать многолетние взаимовыгодные отношения с целевой аудиторией. Вузам следует внимательно изучать сегменты целевой аудитории, выявлять их ожидания и интересы, придерживаясь клиентоориентированной политики.

Комплексная digital-стратегия, построенная с учетом социокультурных и психологических характеристик целевой аудитории, является ответом на текущие вызовы времени.

Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на изучении мотивации и потребностей молодого поколения и выборе наиболее эффективных инструментов и способов продвижения образовательных услуг для обеспечения конкурентоспособности вуза и его стратегического развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нажмутдинова С. А., Гасанова К. М., Мамедярова А. М., Магомедов Р. Х. Маркетинг образовательных услуг. *Естественно-гуманитарные исследования*. 2020;(6):277–280.
2. Авсянников Н. М. Маркетинг в образовании. М.: РУДН; 2017. 158 с.
3. Ванькина И. В., Егоршин А. П., Кучеренко В. И. Маркетинг образования. М.: Университетская книга; Логос; 2007. 336 с.
4. Karnaukh S. A. Human resources management in companies in digital environments. *Horizons of Economics*. 2022;1(67):73–76.
5. Королева О. А. Роль и значение маркетинга в деятельности инновационного вуза. *Регион: системы, экономика, управление*. 2008;(1):103–106.
6. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык. М.: МИФ; 2018.
7. Лавлок К. Маркетинг услуг. М.: Издательский дом «Вильямс»; 2017. 1008 с.
8. Литвинова Н. П., Шереметова В. В. Маркетинг образовательных услуг. СПб.: Казань: Издат. дом ТИСБИ; 2002. 108 с.
9. Даниелян Р. В., Попова С. А. Маркетинг в образовании: проблемы и пути их решения. *Новый университет. Серия: экономика и право*. 2016;10(68):60–64.
10. Клайтон М. К. Закон успешных инноваций. М.: Альпина Паблицер; 2020. 302 с.
11. Крушельницкая О. И., Полевая М. В., Третьякова А. Н. Мотивация к получению высшего образования у современных студентов. М.: Издательство «Прометей»; 2022.
12. Melanthiou Y., Thrassou A., Vrontis D. A value-based transcription of student choices into higher education branding practices. *Global Business and Economics Review*. 2017;19(2):121–126.

REFERENCES

1. Nazhmutdinova S. A., Gasanova K. M., Mamedyarova A. M., Magomedov R. Kh. Marketing of educational services. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-humanitarian research*. 2020;(6):277–280. (In Russ.).
2. Avsyannikov N. M. Marketing in education. Moscow: RUDN University; 2017. 158 p. (In Russ.).
3. Vankina I. V., Egorshin A. P., Kucherenko V. I. Marketing of education. Moscow: Universitetskaya kniga = University book; Logos; 2007. 336 p. (In Russ.).
4. Karnaukh S. A. Human resources management in companies in digital environments. *Horizons of Economics*. 2022;1(67):73–76.

5. Koroleva O.A. The role and importance of marketing in the activities of an innovative university. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: systems, economics, management*. 2008;(1):103–106. (In Russ.).
6. Stillman D., Stillman I. Generation Z at work. How to understand them and find a common language with them. Moscow: MIF = Myth; 2018. (In Russ.).
7. Lovelock K. Marketing of services. Moscow: Williams Publishing House; 2017. 1008 p. (In Russ.).
8. Litvinova N.P., Sheremetova V.V. Marketing of educational services. St. Petersburg: Kazan: Izdat. dom TISBI = Publishing house TISBI; 2002. 108 p. (In Russ.).
9. Danielyan R.V., Popova S.A. Marketing in education: problems and ways to solve them. *Novyj universitet. Seriya: ekonomika i pravo = New university. Series: economics and law*. 2016;10(68):60–64. (In Russ.).
10. Clayton M.K. The law of successful innovation. Moscow: Alpina Publisher; 2020. 302 p. (In Russ.).
11. Krushelnitskaya O.I., Polevaya M.V., Tretyakova A.N. Motivation for higher education among modern students. Moscow: Izdatel'stvo "Prometej" = Publishing house "Prometheus"; 2022. (In Russ.).
12. Melanthiou Y., Thrassou A., Vrontis D. A value-based transcription of student choices into higher education branding practices. *Global Business and Economics Review*. 2017;19(2):121–126.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Мария Александровна Курпичева — кандидат экономических наук, доцент департамента менеджмента и маркетинга в спорте, Финансовый университет, Москва, Россия

Maria A. Kirpicheva — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Management and Marketing in Sports, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3469-0666>

MAKirpicheva@fa.ru

Юлия Дмитриевна Коньчева — кандидат филологических наук, старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия

Yulia D. Konycheva — Cand. Sci. (Philology), senior lecturer of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0197-7182>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:

YUDKonycheva@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.01.2023; принята к публикации 25.03.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.01.2023; accepted for publication on 25.03.2023.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-128-133
УДК 004.946:659:659.4(045)

Рекламные возможности в метавселенных

А.С. Лукьянчикова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены успешные кейсы использования метавселенной как канала продвижения, а также выявлены и детально описаны возникающие при этом риски для безопасности государств. Цель работы – ответ на вопрос: является ли метавселенная перспективным каналом продвижения для бизнеса. Для ее достижения проведен анализ отчета крупнейшего банка JPMorgan 2022 г. с прогнозами перспективности метавселенных для продвижения бизнеса. В дальнейшем предстоит изучить, используют ли крупнейшие медиа метавселенную для продвижения своего контента. Возможно она, как когда-то инновационные мессенджеры, маркетплейсы и экосистемы, станет новой коммуникационной площадкой. Для проверки этой гипотезы планируется проведение экспертных интервью с директором по маркетингу Sensorium Galaxy, «Яндекс», «Сбер» и «ВКонтакте».

Ключевые слова: метавселенная; метавселенная Цукерберга; концепт «метавселенная»; виртуальный мир; виртуальная реальность; цифровые технологии; каналы продвижения; проблемы законодательства в виртуальном мире; способы продвижения в метавселенных

Для цитирования: Лукьянчикова А.С. Рекламные возможности в метавселенных. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):128-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-128-133

ORIGINAL PAPER

Advertising Opportunities in the Metaverse

A.S. Lukyanchikova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

Successful cases of using the metaverse as a promotion channel are discussed in the article. However, States and governments have seen serious risks that need to be addressed to ensure security. In the course of the work, these threats were identified and described in detail. The successful practice of using the metaverse by companies and the presence of serious problems of its development create contradictions that require study. Thus, the purpose of this work is to answer the question whether the metaverse is a promising channel of promotion for business. In order to achieve it, an analysis of the report of the largest bank JPMorgan in 2022 with forecasts of the prospects of metaverses for business promotion was carried out. In the future, the next step will be to investigate whether the major and largest media-outlets are using the metaverse to promote their content. Perhaps it will become a new communication platform, just like once innovative messengers, marketplaces and ecosystems. To test this hypothesis, it is planned to conduct expert interviews with the marketing director of Sensorium Galaxy, Yandex, Sber and VKontakte.

Keywords: metaverse; Zuckerberg's metaverse; the concept of "metaverse"; virtual world; virtual reality; digital technologies; promotion channels; problems of legislation in the virtual world; ways of promotion in the metaverse

For citation: Lukyanchikova A.S. Advertising opportunities in the metaverse. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):128-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-128-133

Впервые термин «метавселенная» встречается в 1992 г. в фантастическом романе Ника Стивенсона в жанре «киберпанк» «Лавина». Автор описал двойную жизнь обычного разносчика пиццы, которому редко везло в повседневной жизни. Однако в метавселенной он смог стать знаменитым хакером, на плечи которого легло спасение мира. Произведение получило отклик у любителей фан-

тастики, а разработчики индустрии развлечений спустя 30 лет всерьез увлеклись воплощением идеи утопической вселенной. Стивенсон определил метавселенную как следующую стадию развития сети Интернет, а именно как цифровой мир, который объединяет реальную, дополненную и виртуальную реальность [1]. В новом мире люди в лице своих аватаров могут совершать те же действия, что

Рис./ Fig. Динамика роста поискового запроса «Метавселенная» / The dynamics of the growth of the search query “Metaverse”

Источник / Source: URL: <https://www.jpmorgan.com/content/dam/jpm/treasury-services/documents/opportunities-in-the-metaverse.pdf>

и в реальном: ходить по магазинам, покупать товары и услуги, общаться с друзьями, работать, посещать концерты и кинотеатры. В метавселенной человек способен стать другим и «прожить» любую жизнь. Позднее прототипы метавселенной появлялись и в других произведениях, например в трилогии «Матрица»¹, в романе «Первому игроку приготовиться» Эрнеста Клайна [2]. В последнем в качестве виртуального мира выступала игра «Оазис». За 30 лет определение термина не претерпело сильных изменений. Сегодня метавселенная² — это масштабируемая и взаимодействующая сеть 3D-виртуальных миров в реальном времени, которые могут быть синхронно и постоянно доступны практически неограниченному числу пользователей с индивидуальным чувством присутствия и непрерывностью данных, таких как личность, история, права, объекты, коммуникации и покупки. Она совмещает в себе AR- и VR-технологии, а также включает возможность покупки и продажи виртуальной собственности, создания и владения цифровыми предметами [3]. Так, человек внутри метавселенной может иметь право владения коллекционным предметом. Это право закрепляется законом и приравнивается к владению квартирой в реальном мире [4]. Самый простой способ объяснить концепцию метавселенной — провести сравнение с ви-

деоигрой, в которой нет четко поставленной цели. В метавселенной можно как играть, так и общаться с друзьями, ходить по магазинам, смотреть фильмы, посещать концерты и даже работать.

По данным Google Trends, в 2021 г. произошел интенсивный рост поисковых запросов по термину «metaverse» (см. рисунок).

Главной причиной сильного всплеска поисков является заявление о финансировании в размере 1 млрд долл. в качестве поддержки долгосрочного видения Epic Game³ для метавселенной. Через несколько месяцев после объявления Epic Game генеральный директор Facebook Марк Цукерберг подкрепил этот всплеск, заявив на ежеквартальном отчете о доходах о намерении превратить Facebook в компанию Meta⁴ [5]. Также косвенной причиной выступила пандемия COVID-19, которая поспособствовала более интенсивному переходу из офлайн- в онлайн-пространство [3]. Согласно данным о распространении VR и AR среди пользователей можно предположить, что метавселенная имеет перспективы в качестве канала продвижения брендов.

Однако власти разных стран, в частности России [6], обеспокоились таким стремительным ростом популярности метавселенных, так как это несет значительные риски, связанные с конфиденциальностью личных данных и другими аспектами, которые пока не могут быть устранены [7]. Несмотря на то что некоторые бренды уже экспериментировали с рекламой

¹ «Матрица» (от англ. Matrix trilogy) — серия фильмов-боевиков, состоящая из трёх частей, снятая Энди и Ларри Вачовски. Трилогия началась с фильма «Матрица», выпущенного в 1999 г.

² Framework for the Metaverse. Matthew Ball. 2021. 29 июня. URL: <https://www.matthewball.vc/all/forwardtothemetaverseprimer> (дата обращения: 11.04.2022).

³ Американская компания, занимающаяся разработкой компьютерных игр и программного обеспечения.

⁴ В РФ признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории страны.

в метавселенной, существуют несколько проблем [4], которые предстоит решить компаниям, а именно:

- сегодня не все имеют компьютеры инновационной модели и VR-очки для доступа к метавселенной [8];
- так как технология является новой, компаниям может быть сложно определить свое место в метавселенной и найти свою целевую аудиторию [8];
- поскольку не все понимают важность виртуального мира, компании могут оказаться в положении, когда их деятельность в метавселенной не будет востребованной [9];
- с новыми технологиями возникает необходимость в более развитых мерах безопасности. Это требует создания новых методов защиты данных [10, 11].

Для развития метавселенной и ее успешного функционирования необходимо соблюдение нескольких основных условий. Во-первых, это отсутствие барьеров между платформами, т.е. свободное перемещение между ними в виртуальном мире. Во-вторых, создание новой экономической модели, в которой каждый получит выгоду от использования совместимого стандарта для сохранения идентичности в метавселенной [12]. В-третьих, выход новой версии интернета Web 3 [1]. В-четвертых, использование системы несменяемого токена (NFT) для создания всех объектов в метавселенной [13]. В-пятых, создание и оформление аватара пользователем. И главное, правовое регулирование в цифровой среде [4].

Внутриигровая реклама отличается от той, что распространена в метавселенной. В метавселенной — это более эмпирические и захватывающие взаимодействия, а также менее навязчивые, чем в цифровой [15]. На данный момент компаниями используются следующие виды рекламы [16, 17]:

- Рекламные щиты виртуальной реальности — один из первых элементов маркетинга метавселенной, и эта тенденция будет продолжаться.
- Человекообразные боты с искусственным интеллектом. Примеры таких цифровых помощников — AI-powered 3D avatar-bots. Цифровые аватары умеют общаться с людьми с помощью алгоритмов обработки естественного языка (НЛП). Так компании создают виртуальных спикеров в метавселенной.

- Внутриигровой брендинг. Некоторые VR-игры предлагают возможности размещения продукта в своей игре. Например, обувная компания Vans создала виртуальный скейт-парк под названием «Vans World», который сочетает в себе скейтбординг, моду и сообщество. Другим примером брендинга в виртуальном мире является индийский бренд очков Lenskart, который открыл собственный магазин в метавселенной. Игроки могут зайти и протестировать продукцию в 3D-пространстве.

- Ограниченные коллекции NFT. Люди готовы платить за виртуальные вещи, включая инструменты для игры, собственность и модную одежду. Бренды воспользовались этой возможностью. Gucci открыл собственный модный дом. Игроки могут войти в тематическую локацию и приобрести игровые предметы, используя валюту Robux, которую покупают за реальные деньги. Можно даже продавать эти товары на вторичном рынке, если есть спрос.

- Спонсорство событий. Трэвис Скотт устроил рекорд, когда более 12,3 млн игроков одновременно посетили его концерт в Fortnite. А демонстрация фильма «Звездные войны» включала живую дискуссию с режиссером Д. Д. Абрамсом и эксклюзивный показ ранее неизданной сцены из «Восстания Скайуокера». Достоинство мероприятий в виртуальном мире заключается в том, что пользователи могут перемещаться в трехмерном пространстве под своими аватарами.

JPMorgan Chase стал первым крупным банком, открывшим виртуальную локацию в Decentraland — метавселенной, работающей на блокчейне Ethereum [18]. В феврале 2022 г. банк опубликовал собственный отчет⁵ с прогнозами развития метавселенной, а именно с подробным описанием причин, почему проекты метавселенной станут массовой отраслью, приносящей годовой доход в размере одного триллиона долларов. Вот основные тезисы из доклада [19]:

- Виртуальная недвижимость — это «растущий рынок» и бренды внесли свой вклад, «покупая площади, чтобы создавать виртуальные магазины и иметь другие возможности».

⁵ URL: <https://www.jpmorgan.com/content/dam/jpm/treasury-services/documents/opportunities-in-the-metaverse.pdf>

Участки земли, которые еще пару лет назад стоили несколько десятков долларов, теперь исчисляются сотнями тысяч. Всего за шесть месяцев прошлого года средняя цена виртуального участка земли в проектах metaverse удвоилась с 6 до 12 тыс. долл. Цены в метавселенных растут, потому что такие корпорации, как Nike, Samsung и сам JPMorgan, инвестируют в эти земли, чтобы создать новые формы развлечений и влияния на пользователей. В результате недвижимость рядом с этими виртуальными областями начинает цениться. Так, рынок виртуальной недвижимости в конечном итоге «начнет предлагать такие услуги, как кредиты, ипотечные кредиты и договоры аренды».

- Метавселенная создаст рабочие места для специалистов. С новыми формами развлечений и социальных взаимодействий появляется необходимость в тех, кто сможет это реализовывать и поддерживать. Например, когда Sandbox будет расширяться, понадобятся специалисты для создания новых магазинов и рекламы. В то время как часть специалистов будет занята маркетингом и созданием контента, другие станут работать над бэкенд- и фронтенд-программными структурами самого мира. Помимо этого, понадобятся сервисные работники: охранники, торговый персонал, артисты, курьеры и др.

- Успех метавселенной зависит от наличия «надежной и гибкой финансовой экосистемы», а ее основные компетенции в области трансграничных платежей, обмена иностранной валюты, создания финансовых активов, торговли и хранения могут сыграть главную роль в метавселенной. Банк активно развивает технологии блокчейна и их использование в финансовых транзакциях, о чем свидетельствует его собственная монета JPM. «Для клиентов, думающих о выходе в метавселенную, JPMorgan может предоставить интегри-

рованный платежный центр с полными решениями, такими как бухгалтерские книги и кошельки», — сказал Адит Гаджил, руководитель отдела электронной коммерции и ТМТ в JPMorgan Payments.

- Руководство JPMorgan прогнозирует, что метавселенная станет рынком с годовой выручкой в 1 трлн долл., учитывая, что его виртуальные миры «проникнут в каждый сектор рынка в ближайшие годы». По оценкам JPMorgan, к 2027 г. реклама в метавселенной станет экономикой в 18,64 млрд долл.

Таким образом, проанализировав отчет крупнейшего инвестиционного банка JPMorgan с прогнозами развития Метавселенной, можно сделать следующие выводы:

- Покупка виртуальных земельных участков и недвижимости в метавселенной является хорошей долгосрочной инвестицией для бизнеса. Компании смогут использовать виртуальные пространства для того, чтобы продавать собственные товары и услуги в метавселенной, а также для их продвижения в реальном мире.

- Метавселенная является перспективным источником новых профессий и рабочих мест для сотрудников, так как для использования ее в качестве канала продвижения компаниям нужны специалисты, владеющие навыками, необходимыми для входа в виртуальный мир.

- Технологии блокчейна активно развиваются и распространяются в мире. С каждым годом все больше пользователей и компаний будут применять криптовалюты, NFT-объекты и другие разработки на основе технологии блокчейна. Именно поэтому сегодня важно изучать данную технологию и уметь ею пользоваться.

На данный момент метавселенная действительно является перспективным и эффективным каналом продвижения бизнеса, и это не краткосрочный тренд.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Stephenson N. Snow Crash. М.: Эксмо: Fanzon; 2019.
2. Клайн Э. Ready Player One. М.: АСТ; 2018.
3. Cem D. AI Avatar: In-depth Guide for Businesses. URL: <https://research.aimultiple.com/ai-avatar/>
4. Агафеев В. В. Метавселенные: юридические аспекты идеи на миллион. URL: <https://vc.ru/legal/328080-metavselennye-yuridicheskie-aspekty-idei-na-million-cukerberg-uzhe-nachal>
5. Trey T. Advertising in the Metaverse. URL: <https://adtechexplained.com/advertising-in-the-metaverse/>
6. Одинаева И. В. Метавселенные изменят российский бизнес. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2021/12/12/900224-metavselennye-izmenyat>

7. Каспарьянц Д. В. Метавселенная: возможности и риски новой реальности. URL: <https://rdc.grfc.ru/2022/02/metaverse/>
8. Мелехова А. С. Phygital-технологии как инструмент формирования эффективной коммуникации с современным потребителем. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/phygital-tehnologii-kak-instrument-formirovaniya-effektivnoy-kommunikatsii-s-sovremennym-potrebitelem>
9. Артемьева О. А. Проблемы и перспективы использования цифрового маркетинга современным бизнесом. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2020;(8):139–143.
10. Аганина Р. Н., Андропова Т. А. Интернет-реклама в эпоху цифровизации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-reklama-v-epohu-tsifrovizatsii>
11. Mackenzie S., Criminology towards the metaverse: Cryptocurrency scams, grey economy and the technosocial. URL: <https://academic.oup.com/bjc/article/62/6/1537/6523379> <https://doi.org/10.1093/bjc/azab118>
12. Кодзасова О. М. Современные методы рекламы продукции. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-reklamy-produktsii>
13. Cathy H. Defining. The Metaverse Today. URL: <https://www.forbes.com/sites/cathyhackl/2021/05/02/defining-the-metaverse-today/?sh=229533264485>
14. Giovanni D. G., Radu R. Digital constitutionalism in the new era of Internet governance. URL: <https://academic.oup.com/ijlit/article/30/1/68/6550367>
15. Молодцов И. Н. Медиа и реклама: взгляд публициста. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(5):135–138.
16. Платонова А. В. Виды, значение и эффективность современной рекламы.. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-znachenie-i-effektivnost-sovremennoy-reklamy>
17. Демичев Д. А. Виды рекламы в интернете. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-reklamy-v-internete>
18. Shiv G. The Metaverse Marketing: Future of Advertisement. URL: <https://www.incrementors.com/blog/metaverse-marketing/>
19. Morgan J. P. Opportunities in the metaverse. URL: <https://www.jpmorgan.com/content/dam/jpm/treasury-services/documents/opportunities-in-the-metaverse.pdf>

REFERENCES

1. Stephenson N. Snow Crash. Moscow: Eksmo: Fanzon; 2019. (In Russ.).
2. Kline E. Ready Player One. Moscow: AST; 2018 (In Russ.).
3. Cem D. AI Avatar: In-depth Guide for Businesses. URL: <https://research.aimultiple.com/ai-avatar/>
4. Agafeev V. V. Metavselennye: juridicheskie aspekty idei na million. Metauniverses: legal aspects of the million-dollar idea. URL: <https://vc.ru/legal/328080-metavselennye-yuridicheskie-aspekty-idei-na-million-cukerberg-uzhe-nachal> (In Russ.).
5. Trey T. Advertising in the Metaverse. URL: <https://adtechexplained.com/advertising-in-the-metaverse/>
6. Odinaeva I. V. Metavselennye izmenyat rossijskij biznes. Meta-universes will change Russian business. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/columns/2021/12/12/900224-metavselennye-izmenyat> (In Russ.).
7. Kaspar'janc D. V. Metavselennaja: vozmozhnosti i riski novoj real'nosti. The meta-universe: the opportunities and risks of the new reality. URL: <https://rdc.grfc.ru/2022/02/metaverse/> (In Russ.).
8. Melekhova A. S. Phygital-tehnologii kak instrument formirovaniya jeffektivnoj kommunikacii s sovremennym potrebitelem. Phygital-technologies as a tool for forming effective communication with the modern consumer. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/phygital-tehnologii-kak-instrument-formirovaniya-effektivnoy-kommunikatsii-s-sovremennym-potrebitelem> (In Russ.).
9. Artem'eva O. A. Problemy i perspektivy ispol'zovaniya cifrovogo marketinga sovremennym biznesom. Problems and prospects of using digital marketing by modern businesses. *Vestnik Altajskoj akademii jekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2020;(8):139–143. (In Russ.).
10. Aganina R. N., Andronova T. A. Internet-reklama v jepohu cifrovizacii. Internet advertising in the age of digitalization. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-reklama-v-epohu-tsifrovizatsii> (In Russ.).
11. Mackenzie S. Criminology towards the metaverse: Cryptocurrency scams, grey economy and the techno social problems. URL: <https://academic.oup.com/bjc/article/62/6/1537/6523379> <https://doi.org/10.1093/bjc/azab118>

12. Kodzasova O. M. Sovremennye metody reklamy produkcii. Modern methods of product advertising. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-metody-reklamy-produktsii> (In Russ.).
13. Cathy H. Defining. The Metaverse Today. URL: <https://www.forbes.com/sites/cathyhackl/2021/05/02/defining-the-metaverse-today/?sh=229533264485>
14. Giovanni D. G., Radu R., Digital constitutionalism in the new era of Internet governance. URL: <https://academic.oup.com/ijlit/article/30/1/68/6550367>
15. Molodcov I. N. Media i reklama: vzgljad pablishera. Media and advertising: a publisher's perspective. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(5):135–138. (In Russ.).
16. Platonova A. V. Vidy, znachenie i jeffektivnost' sovremennoj reklamy. Types, significance and effectiveness of modern advertising. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-znachenie-i-jeffektivnost-sovremennoj-reklamy> (In Russ.).
17. Demichev D. A. Vidy reklamy v internete. Types of advertising on the Internet. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-reklamy-v-internete> (In Russ.).
18. Shiv G. The Metaverse Marketing: Future of Advertisement. URL: <https://www.incrementors.com/blog/metaverse-marketing/>
19. Morgan J. P. Opportunities in the metaverse. URL: <https://www.jpmorgan.com/content/dam/jpm/treasury-services/documents/opportunities-in-the-metaverse.pdf>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александра Сергеевна Лукьянчикова — студентка 4-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alexandra S. Lukyanchikova — 4th year student, Department of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0009-0009-3351-9179>

laleksa0807@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.03.2023; принята к публикации 14.05.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.03.2023; accepted for publication on 14.05.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-134-139
УДК 338.28(045)

Оценка перспектив создания центров хранения и обработки данных в российской Арктике

З.И. Волхонская

Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Москва, Россия;
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлена оценка перспектив строительства центров хранения и обработки данных (ЦОД) в российской Арктике. Несмотря на успешную отечественную и зарубежную практику и очевидные преимущества основания ЦОДов в арктической зоне, реализация и дальнейшее масштабирование данных проектов сопровождается рядом сложностей. На основе исследования политических, экономических, социальных, технологических, правовых, экологических и географических аспектов внешней среды, влияющих на создание ЦОДов в российской Арктике, составлена матрица SWOT-анализа. Даны рекомендации для организации дата-центров в регионе с учетом его специфики.

Ключевые слова: Арктика; Арктическая зона РФ; хранение данных; центр обработки данных; SWOT-анализ

Для цитирования: Волхонская З.И. Оценка перспектив создания центров хранения и обработки данных в российской Арктике. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2023;13(4):134-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-134-139

ORIGINAL PAPER

Evaluation of Prospects for Creating Data Storage and Processing Centers in the Russian Arctic

Z.I. Volkhonskaya

Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Moscow, Russia;
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article presents an assessment of the prospects for creating data storage and processing centers in the Russian Arctic. Despite the successful domestic and foreign practice and the obvious advantages of creating data centers in the Arctic zone, the implementation and further scaling of these projects is accompanied by a number of barriers. Based on the study of political, economic, social, technological, legal, environmental and geographical aspects of the external environment that affect the creation of a data center in the Russian Arctic, a SWOT analysis matrix has been compiled. Recommendations are given on the creation of data centers in the region, taking into account its specifics.

Keywords: Arctic; Arctic zone of the Russian Federation; data storage; data processing center; SWOT analysis

For citation: Volkhonskaya Z.I. Evaluation of prospects for creating data storage and processing centers in the Russian Arctic. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):134-139. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-134-139

Внедрение информационных технологий во все сферы общественной жизни, происходящее в последние десятилетия, вызывает необходимость постоянного повышения требований к мощностям. Стремительно увеличивающийся во всем мире объем цифровых данных привел к всплеску строительства центров обработки данных (ЦОДов). Создание дата-центров в России стало наиболее востребованным после 2015 г., когда в закон «О пер-

сональных данных»¹ были внесены поправки, в соответствии с которыми хранение данных иностранных компаний о гражданах России должно осуществляться только на территории РФ. Это стало одним из факторов развития цифрового рынка.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. от 06.02.2023). URL: <https://base.garant.ru/12148567/>

По словам экспертов, около 12% ЦОДов в мире расположены выше 60-й параллели северной широты², что в большей степени обосновывается холодным климатом, позволяющим сокращать затраты на охлаждение систем. Принимая во внимание тот факт, что на Россию приходится порядка 2/3 мирового арктического побережья, строительство центров обработки данных в Арктической зоне выступает одним из перспективных направлений развития Российской Федерации. Ряд проектов, связанных с ЦОДами, уже успешно реализованы в арктических регионах³. Более того, необходимость их строительства отмечена в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 г. (хотя пока данный пункт относится только к отдельным муниципальным образованиям Республики Карелия)⁴.

Ниже в контексте политических, экономических, социальных, технологических, правовых, экологических и географических аспектов внешней среды рассмотрены сильные стороны (S), слабые стороны (W), возможности (O) и угрозы (T) создания центров хранения и обработки данных в российской Арктике.

СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ

Сокращение издержек на охлаждение. Холодный климат играет определяющую роль в выборе места для размещения ЦОДов в Арктике. Это позволяет значительно сократить расходы на эксплуатацию, так как традиционным системам охлаждения требуется электричество в огромных количествах. По данным исследования компании 451 Research⁵, использование естественного охлаждения (freecooling) вместо машинного позволяет снизить расходы приблизительно на 40%. В качестве средства для естественного охлаждения может применяться не только воздух, но и вода (как в центре обработки данных Google в Хамине, Финляндия [1]).

Наличие свободных производственных площадок и иной инфраструктуры. Как показывает зарубежная практика, для ЦОДов могут подойти ранее

используемые производственные площадки. Так, датацентр в Каяни (Финляндия) был размещен в здании бывшего целлюлозно-бумажного комбината⁶. Органы местного самоуправления северных городов готовы оказывать инфраструктурную помощь инвесторам при создании дата-центров. К примеру, местные власти Воркуты и Норильска предлагали им свободные производственные площадки⁷.

Наличие отечественных технологий и импортозамещение. В России достаточный уровень технической оснащенности для создания ЦОДов, не требующий привлечения зарубежных технологий. К примеру, изготовлением оборудования для ЦОДов занимается Росатом⁸ и Ростелеком⁹. Разработки в этой области ведутся челябинскими исследователями, адаптирующими свои технологии к условиям низких температур. В их портфолио не только конструкции модульных ЦОДов, но и мобильных, которые можно транспортировать автомобильным или железнодорожным транспортом и использовать как самостоятельный дата-центр или для сборки в модуль¹⁰.

Достаточность пространства. Постоянное увеличение объема информации вызывает необходимость расширять территории для размещения серверов и сопутствующей инфраструктуры ЦОДов. Так, площадь одного из крупнейших из них — SuperNAP¹¹ (Лас-Вегас, США) составляет около 37 800 м² (примерно 5 футбольных полей). В дальнейшем России могут потребоваться близкие по размеру ЦОДы. Разместить их в малонаселенной Арктике будет менее проблематично (с точки зрения наличия свободной территории и стоимости земли), чем, к примеру, на европейской территории России.

Низкая пыльность воздуха. Естественно, низкая пыльность воздуха в Арктической зоне, связанная со спецификой почв и горных пород, ведет к снижению затрат на установку и замену противопыльных фильтров в ЦОДах¹².

⁶ URL: <https://www.pvsm.ru/tsod/29300>

⁷ URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/tsifrovizatsiya/473752-beschelovechnaya-arktika-tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-robototekhnika-i-data-tsentry-kak-dra/>

⁸ URL: <https://www.rosatom.ru/mainpage/na-kolskoy-aes-postroyat-tsentri-obrabotki-dannykh-arktiki/>

⁹ URL: https://www.company.rt.ru/press/news_fill/d464975/

¹⁰ URL: <https://nag.ru/news/newslines/103525/chelyabinskienjeneryi-razrabotali-arkticheskiy-tsod-.html>

¹¹ URL: <https://www.switch.com/las-vegas/>

¹² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4602855>

² URL: <https://gazeta-karelia.ru/wp-content/uploads/pdf/2941.pdf>

³ URL: <https://ria.ru/20221026/tsod-1826873690.html>

⁴ Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (с изм. и дополн.). URL: <https://base.garant.ru/74810556/>

⁵ URL: <http://www.alldc.ru/news/4827.html>

Обеспечение сбалансированного развития российских территорий. Создание ЦОДов позволит сократить технологический разрыв и уменьшить разницу в уровне социально-экономического развития между российским Заполярьем и «центром», где сконцентрирована экономическая деятельность страны.

СЛАБЫЕ СТОРОНЫ

Долгосрочность реализации и окупаемость. Проблема долгосрочности реализации и окупаемости обосновывается рядом причин.

Во-первых, сегодня отсутствует единая полноценная стратегия по развитию ЦОДов в Арктике с распределением функций между ведомствами, что не позволяет проводить целенаправленную политику в данном направлении.

Во-вторых, большая часть районов либо неэлектрифицирована, либо находится на автономном энергоснабжении на основе топлива (эта процедура не только дорогостоящая, но еще и наносящая вред окружающей среде). Атомная энергетика только начинает развиваться. Имеющиеся возобновляемые источники энергии (ВИЭ) на текущий момент не способны справляться с потребностями ЦОДов.

В-третьих, возникают дополнительные расходы на транспортировку оборудования в отдаленные районы, командировки работников (на начальной стадии будет трудно найти квалифицированные кадры в достаточном объеме среди местного населения), обучение новых сотрудников. Преимущество в виде отсутствия необходимости охлаждения ЦОДов на первых этапах обернется недостатком: на этапе строительства дата-центра и заполнения его оборудованием воздух придется подогревать искусственно, в связи с чем нужно предусматривать дополнительные отопительные коммуникации.

В-четвертых, размещать новые объекты капитального строительства затратно из-за низких температур, свойств почв в условиях вечной мерзлоты и необходимости транспортировки строительных материалов. В последующем это может вызвать такие же проблемы при проведении ремонтных работ.

Время и дальность. Время в данном контексте понимается с точки зрения задержки получения информации по запросу в интернете (соединение будет нестабильным, что вызовет задержку в передаче сигнала), а дальность — с точки зрения физического доступа к серверу ЦОДа. Это может резко снизить привлекательность размещения в них данных.

Сокращение ледяного покрова в Арктике. Фактор, который будет оказывать мало влияния в ближайшие десятилетия, однако он существующий. В связи с глобальным потеплением объем льда в Арктике уменьшается, особенно сильно — в ее российской части. В долгосрочной перспективе степень естественного охлаждения ЦОДов будет постепенно снижаться.

ВОЗМОЖНОСТИ

Использование альтернативных источников энергии для ЦОДов в неэлектрифицированных районах. Стоимость электроэнергии в регионах Крайнего Севера высока. Это обосновывается очень холодным климатом, удаленностью населенных пунктов друг от друга, слабой развитостью транспортной инфраструктуры [2] и низкой износостойкостью дизельных генераторов. Так как для ЦОДов требуется большое количество электричества, целесообразнее использовать ВИЭ. В арктических государствах [в частности, в Норвегии, Исландии и США (на Аляске)] активно практикуется малая гидроэнергетика. В России на сегодняшний день есть все необходимое оборудование для строительства мини-ГЭС. Данные станции могли бы обеспечивать электричеством ЦОДы на протяжении 5–6 месяцев, но в оставшийся период, как и в большинстве районов Арктики, находящихся на автономном энергообеспечении, необходимость использовать другие источники генерации (например, дизель) в таком случае будет сохраняться¹³. Более эффективной оказывается ветровая энергетика, эффективность использования которой обосновывается высокой скоростью ветра в Арктической зоне. В российской Арктике уже работает целый ряд ветроэлектростанций («Полярис» — в ЯНАО, Анадырская ветряная электростанция — в ЧАО, ветропарк — в поселке Тикси и др.). Хорошо подходит для индустрии ЦОДов солнечная энергия: полуденное солнце летом компенсирует отсутствие солнечных дней в зимний период. Более того, в холодном климате увеличивается потенциал производства солнечной энергии. Чем ниже окружающая температура, тем эффективнее работают солнечные фотоэлементы¹⁴.

Размещение ЦОДов не только на материковой части Арктики, но и на островах. Для эффективно-

¹³ URL: https://tass.ru/arktika-segodnya/17049165?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru

¹⁴ URL: <https://goarctic.ru/work/alternativnaya-energetika-v-arktike/>

го использования территорий российской Арктики ЦОДы можно размещать не только на материковой части, но и на островах, принадлежность которых подтверждена соответствующей резолюцией ООН¹⁵. Успешным примером размещения ЦОДа на арктическом острове является Арктический мировой архив, созданный в 2017 г. и расположенный на архипелаге Шпицберген (Норвегия)¹⁶.

Создание дополнительных рабочих мест. С 1990-х гг. в российской Арктике наблюдается миграционная убыль населения. Генезис миграционного оттока носит комбинированный характер. Одной из наиболее существенных причин является снижение потребности в работниках добывающей промышленности из-за сокращения объемов добычи полезных ископаемых ввиду истощения месторождений и снижения спроса на ресурсы после распада СССР и советской системы хозяйствования [3]. Создание новых рабочих мест позволит привлечь в арктические регионы специалистов IT-сферы. Дополнительным стимулом для притока квалифицированной рабочей силы станет повышение качества жизни в арктических регионах.

Обеспечение безопасности в регионах Арктики. В рейтинге регионов России по преступности¹⁷ (где 1-е место — регион с самым низким уровнем) все арктические регионы располагаются во второй половине, что доказывает ее высокий уровень для данных территорий. В ЦОДы можно передавать цифровые данные, фиксирующие преступления. Так, в созданный Ростелекомом ЦОД в Мурманске¹⁸, первым клиентом которого стало Правительство Мурманской области, передаются данные с камер видеонаблюдения для раскрытия преступлений в регионе.

Расширение экосистемы обработки данных. Функционал ЦОДов не ограничен исключительно хранением и обработкой данных. К примеру,

можно провести диверсификацию деятельности ЦОД, дополнив ее аналитикой данных.

Формирование кластера. В зарубежной практике есть случаи применения отработанного тепла ЦОД и партнерства компаний для взаимного сокращения издержек. Подобное партнерство можно разделить на два направления. В первом случае передача тепла ЦОДов используется для дальнейшего нагрева [к примеру, ЦОД Яндекса в Мянцзяля (Финляндия) продает тепло местной энергетической компании]. Во втором случае тепло ЦОДов используется в конечном виде для подогрева теплиц, рыбководческих ферм и пр. Таким образом, ЦОД можно интегрировать в национальную и региональную систему спроса и предложения энергии [1].

Международное сотрудничество в сфере хранения и обработки данных. ЦОДы могут стать местом хранения не только российских, но и зарубежных данных. В упомянутом ранее Арктическом мировом архиве на Шпицбергене хранятся данные Норвегии, а также Бразилии, Австралии и Мексики¹⁹. Международное сотрудничество может стать источником дополнительных инвестиций.

УГРОЗЫ

Низкая инвестиционная привлекательность проектов по созданию ЦОДов. Ввиду наличия ряда недостатков при строительстве ЦОДов в Арктике, отмеченных в разделе «слабые стороны», существует риск низкой заинтересованности инвесторов в подобных проектах, которые, если и будут реализованы, то, по большей части, за счет государственной поддержки.

Неопределенность политико-правового статуса Арктической зоны. Если вопрос принадлежности России материковой части Арктики отсутствует в международной повестке, то касательно морской (и, соответственно, ряда островов) со стороны других государств могут возникнуть претензии на фоне:

- отсутствия общепринятого политико-правового статуса Арктики (так как вопрос принадлежности арктических территорий регулируется исключительно нормами упомянутой ранее Конвенции по морскому праву) и наличия «секторальной теории» по распределению территорий Арктики, являющейся официальной позицией России и Канады;
- интереса не только арктических, но и других государств (в частности, Китая) к региону, кото-

¹⁵ В своей арктической политике Россия основывается на нормах международного права, в частности на Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В соответствии со ст. 76 данной Конвенции, государство имеет право распространять свое влияние на морское пространство, расположенное в пределах 200 морских миль от берега. Данная цифра может быть увеличена до 350 морских миль, если будет доказано, что эта территория является продолжением континентального шельфа. Для реализации этого права стране необходимо подать заявку в Комиссию ООН по границам континентального шельфа вместе с подтверждающими документами.

¹⁶ URL: <https://arcticworldarchive.org/>

¹⁷ URL: https://ria.ru/20221031/rejting_prestupnost-1827922290.html

¹⁸ URL: <https://ria.ru/20221026/murmansk-1826873913.html>

¹⁹ URL: <https://www.theverge.com/2017/4/4/15159148/norway-data-vault-svalberd-mine-storage> (дата обращения: 26.03.2023).

Матрица SWOT-анализа «Оценка перспектив создания центров хранения и обработки данных в российской Арктике» / SWOT-analysis matrix “Assessment of the prospects for the creation of data storage and processing centers in the Russian Arctic”

Сильные стороны	Слабые стороны
1. Сокращение издержек на охлаждение 2. Наличие свободных производственных площадок и иной инфраструктуры 3. Наличие отечественных технологий и импортозамещение 4. Достаточность пространства 5. Низкая пыльность воздуха 6. Обеспечение сбалансированного развития российских территорий	1. Долгосрочность реализации и окупаемость 2. Время и дальность 3. Сокращение ледяного покрова в Арктике
Возможности	Угрозы
1. Возможность использования альтернативных источников энергии в неэлектрифицированных районах для ЦОДов 2. Размещение ЦОДов не только на материковой части Арктики, но и на островах 3. Создание дополнительных рабочих мест 4. Обеспечение безопасности в регионах Арктики 5. Расширение экосистемы обработки данных 6. Формирование кластера 7. Международное сотрудничество в сфере хранения и обработки данных	1. Низкая инвестиционная привлекательность проектов по созданию ЦОДов 2. Неопределенность политико-правового статуса Арктической зоны 3. Вступление Швеции и Финляндии в НАТО

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

рый растет ввиду доказанного наличия огромных запасов природных ресурсов [4];

- отсутствия (в отличие от Антарктиды) договора о демилитаризации Арктики.

Таким образом, строительство ЦОДов на арктических островах, расположенных ближе к Северному полюсу и принадлежащих по решению подкомиссии ООН России, может создать дополнительную политическую напряженность в регионе.

Вступление Швеции и Финляндии в НАТО. С вступлением Швеции и Финляндии в НАТО высока вероятность не только изменения внешнеполитического курса данных государств в отношении Арктики, но и укрепления США в данном регионе. Россия после вхождения Швеции и Финляндии в НАТО останется единственным членом Арктического совета, который не состоит в Североатлантическом альянсе²⁰. Это, в свою очередь, усилит политическую напряженность в Арктике, поэтому ЦОДы не стоит размещать на ее островной части во избежание претензий и провокаций. Матрица SWOT-анализа представлена в *таблице*.

ВЫВОДЫ

Строительство ЦОДов в российской Арктике является одновременно и перспективным, и многобарьерным проектом. В качестве рекомендаций можно отметить следующее:

- Необходима единая стратегия создания ЦОДов в Арктике. Проекты по их строительству курируются разными организациями и корпорациями (в том числе государственными). Объединение усилий позволит создать синергетический эффект, что благоприятно скажется на развитии арктических ЦОДов и Арктики в целом. Отдельное внимание стоит обратить на российские IT-компании (включая те, которые используют зарубежные ЦОДы для хранения своих данных). Не лишним будет создание льгот и специальных условий для участников проектов.

- Располагать новые ЦОДы в Арктике в имеющихся условиях более эффективно на материковой части, которая либо электрифицирована (не нуждается в автономном энергоснабжении), либо находится рядом с ВИЭ (построить объекты ВИЭ с нуля труднее, чем повысить их работоспособность). Для экономии на капитальном

²⁰ URL: <https://ria.ru/20220603/arktika-1792735876.html>

строительстве рекомендуется использовать уже имеющиеся сооружения, соответствующие требованиям, предъявляемым к ЦОДам.

• Важно формировать позитивный образ создания ЦОДов в Арктике как среди населения (местного и из других регионов), так и среди представителей бизнеса. Это позволит привлечь

рабочую силу и инвестиции в проекты по строительству ЦОДов. Дополнительно нужно популяризировать среди населения и инвесторов информацию об эффективности работы уже реализованных проектов. Для жителей дополнительно рекомендуется делать акцент на возможности повышения безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Саунаваара Ю., Лайне А. Исследования, разработки и образование: создание основы для центров данных в Арктике и на севере. *Арктика и Север*. 2021;(42):145–169.
2. Сивцев А.И., Сивцев Н.А. Повышение эффективности малой энергетики в труднодоступных районах Арктики. *Международный научно-исследовательский журнал*. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49587495>
3. Смирнов А.В. Население мировой Арктики: динамика численности и центры расселения. *Арктика и Север*. 2020;(40):270–290.
4. Шаклеина Т.А., Водопьянов К.Г., Яковенко И.Д. Феномен «управляемой глобальной конкуренции» и интересы России: Новая конкуренция в Арктике. *Право и управление. XXI век*. 2022;1(62):17–29.

REFERENCES

1. Saunavaara Yu., Laine A. Research, development and education: creating the basis for data centers in the Arctic and the north. *Arktika i Sever = Arctic and North*. 2021;(42):145–169. (In Russ.).
2. Sivtsev A.I., Sivtsev N.A. Improving the efficiency of small-scale power generation in hard-to-reach areas of the Arctic. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal = International Scientific Research Journal*. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49587495> (In Russ.).
3. Smirnov A.V. Population of the world Arctic: population dynamics and settlement centers. *Arktika i Sever = Arctic and North*. 2020;(40):270–290. (In Russ.).
4. Shakleina T.A., Vodopyanov K.G., Yakovenko I.D. The Phenomenon of “Managed Global Competition” and Russia’s Interests: New Competition in the Arctic. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Law and Management. XXI century*. 2022;1(62):17–29. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Зинаида Ивановна Волхонская — студентка 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия; стажер-исследователь Центра политических исследований, Институт гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Москва, Россия

Zinaida I. Volkhonskaya — 2nd year master student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of Financial University, Moscow, Russia; trainee researcher of the Center for Political Studies of Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5203-389X>

zi.volkhonskaya@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 25.03.2023; принята к публикации 20.04.2023.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.03.2023; accepted for publication on 20.04.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.

Тактика использования стрелкового вооружения Красной армии в годы Великой Отечественной войны

А.Ю. Кормазов

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению опыта применения советского стрелкового вооружения в годы Великой Отечественной войны. Автор анализирует изменения в тактической подготовке и развитии вооружения на протяжении всего периода войны. На примере боевых действий показан процесс совершенствования стрелкового оружия Красной армии. В конце статьи делается вывод о том, что благодаря тесному взаимодействию и широкому использованию новых типов оружия и разработке новых тактических приемов Советский Союз смог разгромить противника на своей территории, а в дальнейшем – и в странах Европы.

Ключевые слова: боевые действия; военная операция; стратегия ведения войны; стрелковое вооружение; тактика

Для цитирования: Кормазов А.Ю. Тактика использования стрелкового вооружения Красной армии в годы Великой Отечественной войны. *Гуманитарные науки*. 2023;13(4):140-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-140-146

Tactics of Use of Small Arms Weapons in Combat Operations during the Great Patriotic War

A.Y. Kormazov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the experience of using Soviet small arms during the Great Patriotic War. The author analyzes changes in tactical training and development of weapons throughout the entire period of the war. The process of improving the small arms of the Red army is shown on the example of combat operations. It is concluded that due to close cooperation and the widespread use of new types of weapons and the development of new tactics the Soviet Union was able to defeat the enemy on its territory, and later in Europe.

Keywords: combat operations; military operation; strategy of warfare; small arms; tactics

For citation: Kormazov A.Y. Tactics of use of small arms weapons in combat operations during the Great Patriotic war. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2023;13(4):140-146. DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-4-140-146

Изучением тактического применения стрелкового вооружения в годы Великой Отечественной войны занималось множество советских историков.

В. Н. Ашурков в своей работе повествует о жизни отечественного конструктора-оружейника С. И. Мосина, который создал русскую трехлинейную винтовку образца 1891 г. [1]. По мнению автора, винтовка Мосина обладает столь отличными качествами и так прекрасно сконструирована, что только один раз подверглась незначительной модернизации в предвоенное время.

А. Н. Абрамов в своей книге «Оружие пехоты» описывает образцы оружия наших стрелковых частей, перечисляя их виды, конструкцию, отдельно рассказывает о том, как их использовали в бою [2].

В. Д. Соколовский в монографии указывает общие принципы военной стратегии нашего государства и капиталистических стран, вплоть до начала 1960-х гг. [3]. Что касается событий Великой Отечественной войны, то автор сделал акцент на изучении тактики использования стрелкового вооружения Красной армией.

Опыт применения различных типов вооружения в нашей стране огромен. Для государства с многовековой историей это не является чем-то необычным. Однако, как показывает время, актуальность данной тематики только возрастает, а с началом специальной военной операции она приобретает и новое звучание.

Боевые возможности советского стрелкового вооружения с началом Великой Отечественной войны реализовались с различной степенью эффективности. На нее влиял ряд факторов: формы и способы ведения боевых действий, наличие материально-технического обеспечения, состояние вооружения и т.д. Не зря американский историк, полковник Вооруженных сил США Д. Гланц, написал книгу «Советское военное чудо. Возрождение Красной армии» [4]. Тактика использования стрелкового вооружения в ходе боевых действий показала, насколько важна работа по его постоянному совершенствованию.

Характер сражений периода Второй мировой войны требовал еще большего увеличения огневой мощи пехоты, особенно в ближнем бою. Стали необходимы новые, более действенные системы поражения противника, чем те, что применялись в ходе Первой мировой войны 1914–1918 гг. Повышение мобильности пехоты в совокупности с увеличением ее боеспособности и изменением тактических форм боя привело к ускоренному развитию и принятию на вооружение легких автоматических систем стрелкового оружия.

Перед Великой Отечественной войной были разработаны и введены в действие новые системы автоматического стрелкового вооружения: самозарядная винтовка СВТ образца 1938–1940 гг., автоматы (пистолеты-пулеметы) ППШ образца 1940 и 1941 гг. и пистолет-пулемет ППС-43, пришедшие на замену пистолету-пулемету ППД. При этом постоянно велась разработка новых видов пистолетов-пулеметов, автоматических карабинов и самозарядных винтовок.

Несмотря на поступление новых систем, на вооружении Красной армии оставались и старые. Необходимость их использования объяснялась экономическими соображениями, а также тем, что они, призванные решать те же боевые задачи, были не столь проверены в деле, чтобы сразу заменить испытанные на практике образцы.

К началу Великой Отечественной войны на вооружении пехоты Красной армии состояли следующие виды и системы стрелкового оружия:

Личное оружие:

1. 7,62-мм револьвер «Наган» образца 1895 г.

2. 7,62-мм пистолет «ТТ» Тульский Токарева образца 1930 г.

Индивидуальное оружие:

3. 7,62-мм пистолет-пулемет Дегтярёва образца 1940 г.

4. 7,62-мм пистолет-пулемет Шпагина образца 1941 г.

5. 7,62-мм винтовки Мосина образца 1891–1930 гг.

6. 7,62-мм самозарядная винтовка Токарева образца 1940 г.

7. 7,62-мм карабин Мосина образца 1938 г.

Групповое оружие пехоты:

8. 7,62-мм ручной пулемет Дегтярёва пехотного ДП-27.

9. 7,62-мм станковый пулемет системы Максима образца 1910 г.

10. 7,62-мм станковый пулемет Дегтярёва ДС образца 1939 г. (Дегтярёв станковый).

Мобильные средства ПВО пехоты:

11. 7,62-мм пулемет Максима на комплексных (спаренных и счетверенных) установках.

12. 12,7-мм пулемет Дегтярева-Шпагина крупнокалиберного ДШК образца 1938 г.

Таким образом, наша пехота вступила в Великую Отечественную войну, имея на вооружении одновременно и старые, достаточно надежные системы, и спроектированные по новейшим тактико-техническим требованиям, но еще не проверенные в войне.

Быстро выяснилось, что для повышения стойкости пехоты в борьбе с танками и бронемашинами врага необходимо насытить стрелковые подразделения новыми средствами ПТО. Уже с началом войны были введены на вооружение противотанковые ружья Симонова образца 1941 г. и Дегтярева — образца 1941 г.

Непрерывное развитие военной техники и изменение тактических форм боя порождали все новые и новые требования к стрелковому вооружению. К решению данных задач еще до Великой Отечественной войны подключились такие конструкторы, как Г. С. Шпагин и А. И. Судаев. Одной из значительных работ Г. С. Шпагина являлась модернизация 12,7-мм крупнокалиберного пулемета Дегтярёва (ДК), снятого с производства

из-за выявленных недостатков. После того как Шпагин разработал модуль ленточного питания для ДК, в 1939 г. усовершенствованный пулемет был принят на вооружение РККА под обозначением «12,7-мм крупнокалиберный пулемет Дегтярёва-Шпагина образца 1938 года — ДШК». Массовый выпуск ДШК начался в 1940–1941 гг., и за годы войны было произведено порядка 8 тыс. этих пулеметов.

Наибольшую же славу конструктору принесло создание пистолета-пулемета образца 1941 г. (ППШ). Разработанный в качестве замены более дорогому и сложному в производстве ППД, ППШ стал самым массовым автоматическим оружием РККА во время Великой Отечественной войны (всего за годы войны было выпущено примерно 6 141 000 шт.) и состоял на вооружении до 1951 г.

Однако выявившиеся в ходе войны недостатки ППШ, такие как крупные габариты и вес, не позволяющие быстро привести оружие к бою в стесненных условиях (например, в танках и машинах); неудобная защелка магазина, не дающая возможность быстро его сменить; длительное время, затрачиваемое на перезарядку дисковых магазинов, и склонность к задержке коробчатых магазинов при загрязнении, привели к созданию пистолета-пулемета А.И. Судаева образца 1943 г. В 1942 г. конструктор представляет на полигонные испытания пистолет-пулемет собственной конструкции. Не уступая по боевым качествам пистолетам-пулеметам Дегтярёва и Шпагина, он был со снаряженным магазином легче их на 1,7–1,8 кг, требовал при изготовлении в 2 раза меньше металла и в 3 раза — трудозатрат. 28 июля 1942 г. пистолет-пулемет принимают на вооружение под названием «ППС-42», а после некоторых доработок — «Пистолет-пулемет Судаева образца 1943 г.» (ППС-43). Производство новых автоматов ППС, принятых на вооружение, решено было наладить в блокадном Ленинграде. Туда были затруднены поставки оружия, а фронт требовал его постоянного пополнения.

Для восполнения недостатков пулемета Максима и Дегтярева ДС-39, который старались довести до совершенства в течение всей войны и даже пытались сделать из него стационарное огневое средство с удаленным контролем¹, на

вооружение был принят станковый пулемет конструкции П. М. Горюнова. После окончания войны он был модифицирован и прослужил до принятия на вооружение изделия М. Т. Калашникова в 1961 г. — единого универсального пулемета ПК. Сам Калашников тоже занимался разработками новых перспективных видов стрелкового вооружения во время Великой Отечественной войны, но из-за сложности конструкции и высоких затрат в производстве его проект тогда в серию так и не пошел².

Новые виды вооружения для армии являлись несомненным плюсом. Однако, с другой стороны, такое многообразие оружия неизбежно являлось дополнительным грузом для военной промышленности, логистики, усложняло системы снабжения и подготовки войск. Сокращение числа видов и систем оружия советской пехоты до минимума, необходимого и достаточно для решения всех огневых задач, являлось проблемой первостепенной важности.

Система вооружения в этом смысле не может быть неизменной, раз и навсегда установившейся. Многообразие рационально и допустимо, но лишь в том случае, если это вызывается необходимостью развития. Стрелковое оружие Красной армии должно было представить из себя полную и рациональную систему, способную решать все многообразные и сложные задачи, которые ставили перед пехотой реалии войны.

В наступательных операциях Красной армии в годы Великой Отечественной войны советские стрелковые соединения, части и подразделения, усиленные артиллерией, авиацией и танками, выполняли многообразные боевые задачи: разрушали вражеские укрепления, подавляли огневые системы противника, истребляли живую силу и боевую технику [3].

В целях повышения огневой мощи пехоты Красной армии [согласно Боевого Устава пехоты 1942 г. (БУП-42)] с 1942 г. были приняты новые боевые порядки. В их основе лежало требование максимального участия в бою всех огневых средств пехоты с начала и до конца боя. Это позволило организовать бой во всех звеньях — от стрелкового взвода до дивизии — таким образом, что все они участвовали в бою

¹ ЦАМО РФ. Ф. 81; ОП. 1240; Д. 327. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1945 г. С. 2–10.

² ЦАМО РФ. Ф. 81; ОП. 1240; Д. 94. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1943 г. С. 18–22.

одновременно, чем достигался огневой перевес противника.

Решение вопроса о целесообразности введения нового образца вооружения должно опираться на всестороннюю оценку оснащения войск. Увеличение маневренности не всегда дает положительный результат, так как зачастую ухудшается точность и плотность огня, достигаемые за счет как весовых характеристик, так особенностей конструкции станков стационарных пулеметов. Ручные же пулеметы проигрывают станковым из-за того, что стрелок не может поддерживать одновременно относительно высокую кучность и точность огня. На это влияет банальная анатомия — человеческое тело менее стабильно, чем специально разработанные для этих задач пулеметные станки. Следовательно, решение вопроса о новом образце оружия не может быть изолировано от вдумчивого анализа полезности самых разнообразных систем вооружения армии³.

Винтовка является наиболее метким оружием пехоты. Своей точностью она восполняет недостатки пистолета-пулемета и отчасти ручного пулемета благодаря дальности стрельбы.

Самым массовым оружием пехоты РККА были винтовки и карабины Мосина, которые давали наилучшие результаты стрельбы на расстоянии 400 м без оптического прицела, снайперы же при наличии оптического прицела могли поражать цели на расстоянии до 800 м. Карабин являлся основным видом индивидуального вооружения бойцов кавалерии, артиллерии и специальных подразделений пехоты. По боевым характеристикам карабин близок к винтовке. Малый вес и габариты обеспечивают ему повышенные маневренные свойства⁴.

В первый период войны советские стрелковые подразделения претерпели серьезные организационные изменения. Это касалось численности войск, их технической оснащенности, оптимального соотношения между двумя этими параметрами [5]. По мере накопления боевого опыта разрабатывались новые приемы действия

пехоты: артиллерийские и стрелковые части научились лучше вести разведку вражеских целей, планировать и управлять массированным артиллерийским огнем [3].

Тактика пехоты Красной армии была рассчитана на то, чтобы огневые средства при наступлении в окопах противника заменялись штыком, кинжалом и гранатой. Еще Первая мировая война показала, что для обеспечения удобства ведения штыкового боя в траншеях винтовка должна быть максимально укорочена. Поэтому многие армии после 1918 г. пошли на сокращение ее размеров до оптимальных параметров. Дело в том, что укорачивание винтовки допустимо в пределах, допускаемых баллистикой ствола. Опасения, что более короткая винтовка не годится для штыкового боя, не получили подтверждения. Несомненно, в фехтовании большая длина колющего оружия дает некоторое, хотя и небольшое, преимущество. Но в современной рукопашной схватке фехтовать один на один приходится не часто, и здесь большая длина винтовки со штыком пользы не принесет.

Хотя Великая Отечественная война и носила преимущественно маневренный характер, операции на Волховском фронте, под Сталинградом, на реках Миус, Молочная, в Крыму, на Прибалтийских фронтах и т. д., показали, что наиболее ожесточенные бои пехоты разворачивались не на широких просторах, а на хорошо укрепленных позициях. И здесь укороченная винтовка (по существу — карабин со штыком), не теряя своей ударной силы в рукопашном бою, выигрывала в маневренности, не говоря уже о других преимуществах короткого и легкого оружия. Конечно, винтовка Мосина образца 1891–1930 гг. превосходила карабин по начальной скорости пули в среднем на 40 м/сек. Но практически радиусы рассеивания и расход патронов при выполнении одних и тех же задач у винтовки и карабина были почти одинаковы. Советские стрелки охотно вооружались карабином образца 1938 г. и давали о нем положительные отзывы.

На основании опыта Первой мировой войны большинство уставов всех армий определило расстояние в 400 м как дистанцию действительного огня⁵ одиночного выстрела винтовки.

³ ЦАМО РФ. Ф. 81; ОП. 1240; Д. 249. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1945 г. С. 5.

⁴ Наставление по стрелковому делу. Винтовка обр. 1891/30 г. и карабины обр. 1938 г. и обр. 1944 г. Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. М.; 1961. С. 3.

⁵ Действительный огонь — это способность оружия наносить поражение цели в определенных условиях и на определенной дальности.

Действительность показывала, что в руках обученного стрелка винтовка прекрасно справлялась с решениями различных боевых задач и на дистанциях, намного превышающих 400 м. Опыт наступления Красной армии в 1943–1944 гг. показал, что противник предпочитает отходить на сотни километров почти без боя, но оказывать упорное сопротивление лишь на заранее подготовленных позициях. В этом случае наступающим стрелкам приходилось вести огонь по мелким, хорошо замаскированным целям.

После Первой мировой войны происходило усиленное развитие стрелкового вооружения специального назначения. Типичными новыми средствами в этот период явились танковые, авиационные, зенитные пулеметы, а также противотанковые ружья и гранаты.

На вооружение Красной армии были приняты следующие средства стрелкового вооружения специального назначения:

1. Танковый пулемет ДТ-29 и его модификации⁶ и зенитные установки для танковых пулеметов Дегтярёва ДТ и различных модификаций ДТ⁷.

2. Зенитные установки под пулеметы Максима⁸.

3. Одиночная⁹ и комплексные¹⁰ зенитные установки под пулеметы Владимиров КВ-44.

4. Зенитные крупнокалиберные пулеметы Дегтярева-Шпагина образца 1938 г. (ДШК) и зенитные установки под ДШК¹¹.

5. Авиационные пулеметы: ДА, ПВ-1 и ШКАС.

Противотанковые ружья не были приняты на вооружение нашей армией вплоть до войны с фашистской Германией, хотя немцы уже с 1939 г. имели однозарядное противотанковое

ружьё калибра 7,92 мм (PzB-39), которое являлось улучшенной моделью PzB-38. Уже первые бои показали, что противотанковое вооружение советской пехоты необходимо срочно усиливать. Ставшие поступать в войска ружья Дегтярёва и Симонова — 14,5-мм ПТРД и ПТРС — сыграли в 1942–1943 гг. (когда основные типы танков противника имели сравнительно тонкую броню) выдающуюся роль [6].

Но оставался вопрос: какому ружью отдать предпочтение, чтобы унифицировать производство? Пока сами ПТР были недостаточно конструктивно отработанные, сделать выбор было весьма затруднительно. Лишь с накоплением опыта использования ПТРД и ПТРС стало очевидным, что основная масса бронейщиков предпочитает работать с ПТРД.

Например, на 3-м Украинском фронте при опросе отличников-бронейщиков, участвовавших в боях и с ПТРД, и с ПТРС, было установлено, что подавляющее большинство ставит ружью Дегтярёва выше ружья Симонова. Отдавая предпочтение ПТРД, они указывали на его преимущества:

- меньший вес;
- безотказность в действии;
- простота устройства;
- безопасность при стрельбе.

Ружью Симонова упоминалось как более эффективное в борьбе с самолетами. Это вполне закономерно, так как при зенитной стрельбе необходима высокая боевая скорострельность и возможность автоматической перезарядки оружия. В этой связи была даже предпринята попытка модернизации ПТРС в зенитное орудие путем добавления специального станка и магазина увеличенной емкости, но проект не получил дальнейшего развития из-за нецелесообразности¹².

Возросшая маневренность танков и броневых автомобилей, новая тактика их массового использования в тесном взаимодействии с пехотой и усиление брони потребовали действенных средств. Противотанковые ружья Симонова и Дегтярёва оставались в войсках, несмотря на попытки заменить их на более универсальное оружие. Речь идет о противотанковом ружье «РЕС» (сокращенно от фамилий конструкторов

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 81. Оп. 1240. Д. 190. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1944 г. С. 148.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 81; ОП. 1240; Д. 35. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1942 г. С. 211.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 81; ОП. 1240; Д. 35. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1942 г. С. 111.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 81; ОП. 1240; Д. 245. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1945 г. С. 2.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 81; ОП. 1240; Д. 247. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1945 г. С. 22.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 81; ОП. 1240; Д. 187. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1944 г. С. 106.

¹² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (Далее — ЦАМО РФ). Ф. 81; ОП. 1240; Д. 238. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1944 г. С. 148.

Е. Ш. Рашкова, С. И. Ермолаева и В. Е. Слухоцкина), однако большие габариты и вес не позволили принять его на вооружение¹⁵.

Вторая мировая война стала для армий основных противников временем массового перехода от винтовок к автоматическому оружию — прежде всего, к пистолетам-пулеметам и автоматическим винтовкам. К началу военных действий в Красной армии уже использовались самозарядные винтовки системы Токарева образца 1938 и 1940 гг. (СВТ-38, СВТ-40) и автоматическая винтовка образца 1940 г. (АВТ-40). Однако конструкция винтовок СВТ требовала хорошего ухода, что для многих рядовых солдат было непривычным делом — отсутствовали необходимые знания, опыт и навыки. В связи с этим винтовка Токарева поставлялась в основном в специальные мотострелковые или десантные бригады, снайперские подразделения, морскую пехоту или разведку, где технический уровень владения оружием у бойцов был на порядок выше.

Уже к концу Первой мировой войны почти во всех воюющих армиях были новые ручные пулеметы. Поэтому в СССР сразу после создания Красной армии задумались о скорейшем насыщении частей этим оружием. Имели место попытки переделки пулемета Максима на ручной, но они не были удачными. Наконец, в 1927 г. на вооружение РККА был принят ручной пулемет Дегтярева — ДП-27. В его конструкции обобщался имеющийся опыт конструирования автоматического оружия.

ДП-27 сильно повысил плотность огня пехоты и несколько изменил организацию армии: усложнилась система стрелкового вооружения, так как вместо двух основных образцов она стала включать три — винтовку, станковый и ручной пулеметы. ДП-27 обеспечивал необходимую плотность огня стрелковых отделений, однако

его габариты, вес и конструкция дисковых магазинов осложняли работу в период затяжных боев и длительных переходов.

Оценивая технические достижения того времени в области проектирования автоматического оружия, можно отметить следующее:

1. Единый пулемет мог быть создан в одном варианте и иметь внешний вид ручного пулемета. При этом каждая единица могла быть снабжена легким универсальным станком, который повышал боевые характеристики ручного пулемета до станкового.

2. Пулемет предназначался для поражения групповых и одиночных целей, главным образом — огнем с флангов на расстоянии до 800 м, а также для стрельбы по амбразурам танков и дотов — до 200 м и стрельбы по снижающимся самолетам и парашютистам — до 1000 м.

3. Для обеспечения мощного шквального огня по живым целям и эффективной стрельбы по самолетам пулемет должен был иметь темп стрельбы до 1000 выстрелов в мин.

В целом, советские стрелковые формирования обладали большой огневой мощностью, которая на протяжении войны постоянно увеличивалась. Нехватка в первые месяцы войны автоматического оружия была ликвидирована благодаря самоотверженному труду советских конструкторов и рабочих военных предприятий. Тем самым было достигнуто превосходство над гитлеровцами, которые использовали для оснащения своей армии потенциал всех оккупированных и зависимых государств Европы.

Опыт разработки нового оружия для Красной армии и его применения на практике во время Великой Отечественной войны остается актуальным и по сей день. Современным творцам российского стрелкового вооружения также необходимо использовать его в своей работе. Но не менее важен для отечественных конструкторов постоянный поиск новых способов решения задач. В этом залог успеха, который, несомненно, проявится в победах российского оружия на поле боя.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 81; ОП. 1240; Д. 239. Главное Артиллерийское управление. 5 отдел артиллерийского комитета. 1944 г. С. 48.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ашурков В. Н. С. И. Мосин — создатель Русской винтовки. URL: <https://coollib.com/b/332676/read>
2. Абрамов А. Н. Оружие пехоты. М.; Л.: Гос. изд-во детской лит.; 1943.
3. Соколовский В. Д. Военная стратегия. М.: Воениздат; 1963. 504 с.
4. Гланц Д. В. Советское военное чудо 1941–1943. Возрождение Красной армии. М.: Издательство «Эксмо»; 2008. 640 с.

5. Борисов А. Б. Контратаки и контрудары. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны союза ССР; 1942.
6. Шубаев Р. А. Стрелковое оружие советской армии в период Великой Отечественной войны. *Концепт*. URL: <https://e-koncept.ru/2016/86079.htm?view>

REFERENCES

1. Ashurkov V.N. S.I. Mosin — the creator of the Russian rifle. URL: <https://coollib.com/b/332676/read>
2. Abramov A.N. Infantry weapons. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo detskoj lit.; 1943.
3. Sokolovsky V.D. Military strategy. Moscow: Voenizdat; 1963. 504 p.
4. Glants D.V. The Soviet military miracle 1941–1943. The revival of the Red Army. Moscow: Izdatel'stvo "Eksmo"; 2008. 640 p.
5. Borisov A. B. Counterattacks and counterattacks. Moscow: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony soyuza SSR; 1942.
6. Shubaev R.A. Small arms of the Soviet army during the Great Patriotic War. *Koncept*. URL: <https://e-koncept.ru/2016/86079.htm?view>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Юрьевич Кормазов — аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Alexander Y. Kormazov — postgraduate student of Department of domestic history, Altai state pedagogical university, Barnaul, Russia

<https://orcid.org/0009-0007-5412-186X>

akm290495@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 12.07.2023; принята к публикации 12.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 12.07.2023; accepted for publication on 12.08.2023.

The author read and approved the final version of the manuscript.